Лада Фомина
АННА КЕРН
Муза А. С. Пушкина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Анну Керн все знают как женщину, вдохновившую «солнце русской поэзии» А. С. Пушкина на один из его шедевров. Она была красавицей своей эпохи, вскружившей голову не одному только Пушкину.

До наших дней дошло лишь несколько ее портретов, по которым нам весьма трудно судить о ее красоте. Какой была Анна Керн и как прожила свою жизнь, что в ней было особенного, кроме встречи с Пушкиным, читатель узнает из этой книги. Издание дополнено большим количеством иллюстраций и цитат из воспоминаний самой Керн и ее современников.

- Лада Фомина
  -
  - К ***
  - Знакомая незнакомка
  - Твои небесные черты
  - Родилась вместе с веком
  - «Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь»
  - Кокетка, ветреный ребенок…
  - Свадьба с генералом
  - «Его невозможно любить…»
  - Первый Александр
  - Мимолетное видение
  - «Страдания мои ужасны»
  - Глоток свободы
  - «И вот опять явилась ты…»
  - «К***»
  - «Умоляю вас, божественная, пишите мне, любите меня»
  - «…Я бешусь, и я у ваших ног!»
  - «Никакого не было камня…»
  - «Цветы последние»
  - «Темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа…»
  - «Вторая жена» и «безномерный муж»
  - В любовном бреду
  - «Он никого не любил, кроме няни и сестры…»
  - Не вдова ты, не девица…
  - Маятник судьбы
  - Как дай вам Бог любимой быть другим

- «Мы выработали себе счастье»
- «Город пышный, город бедный…»
- Я уже переживаю последние листки моего собственного романа
- Еще одно последнее сказанье, И летопись окончена моя
- Послесловие. Нет, весь я не умру…

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Лада Фомина
Анна Керн. Муза А.С. Пушкина

© Фомина Лада, текст, 2016
© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

К ***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Александр Сергеевич Пушкин Ночь с 18 на 19 июля 1825 г.

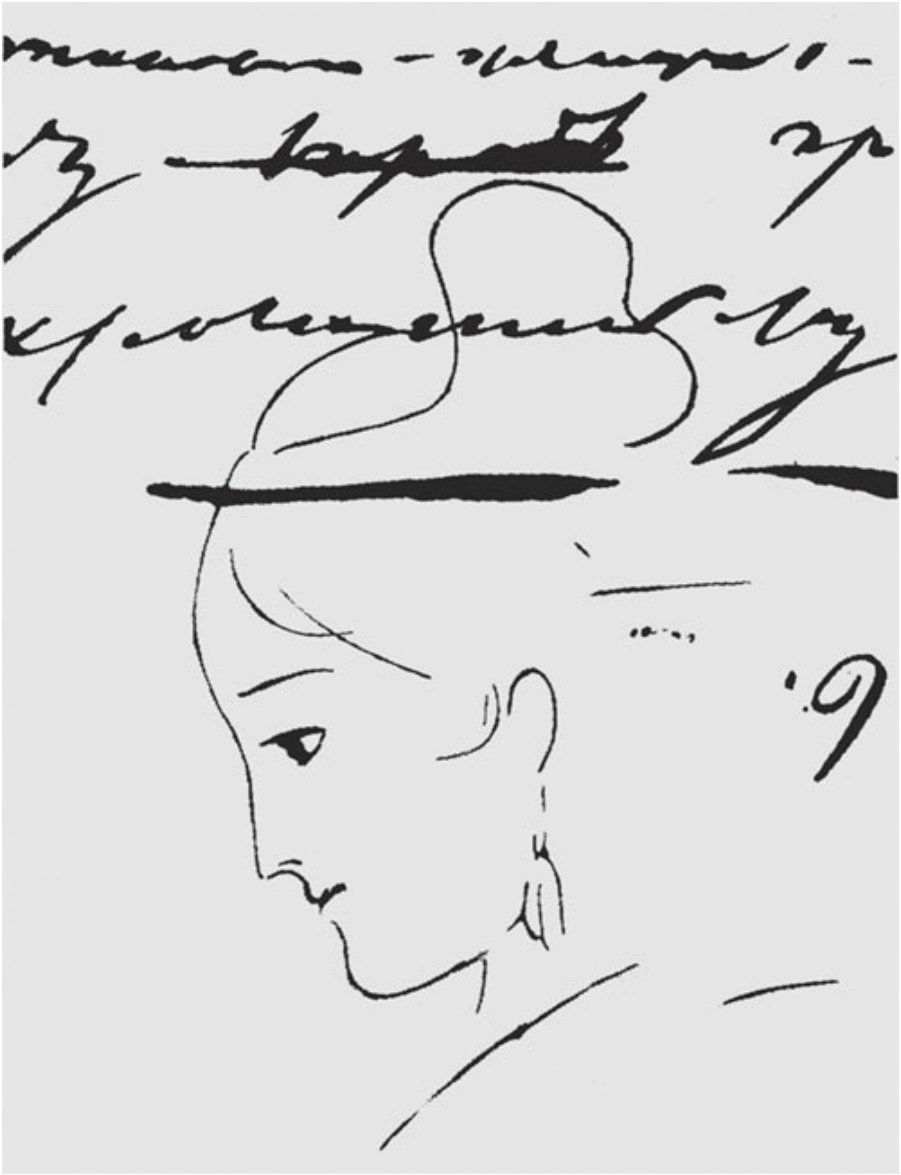
Знакомая незнакомка

Анна Керн – парадоксальный и, наверное, один из самых ярких примеров исторической личности, известной каждому и в то же время не известной практически никому. Вы легко сможете убедиться в этом сами, если спросите у нескольких человек, кто она такая. Девять из десяти ваших собеседников, не задумываясь, ответят, что Керн была светской красавицей и музой Пушкина и что именно Анне Керн Пушкин посвятил знаменитое стихотворение «К***» – «Я помню чудное мгновенье». Однако если вам вздумается продолжить свои расспросы и попросить сказать хоть пару слов о самой Анне Петровне – что она была за человек, какую жизнь прожила и чем знаменита помимо того, что вдохновила «солнце русской поэзии» на оставшийся в веках шедевр, – то уверенности у ваших собеседников сразу поубавится. Дальше поддержать разговор смогут разве что специалисты – филологи или историки, которые имеют представление о том, что Керн оставила дневники и мемуары о своих встречах с известными современниками. Знания же большинства остальных людей о «гении чистой красоты» окажутся мизерны и обрывочны. Те, кто побывал на экскурсии в «Михайловском»[1], вероятнее всего, расскажут, что Александр Сергеевич встретил Анну Керн в «Тригорском», в имении своих друзей Осиповых-Вульф. Знатоки советской поэзии, и, в частности, стихотворения Павла Антокольского[2] «Баллада о чудном мгновении», вспомнят легенду, как похоронная процессия с гробом Анны Петровны «встретилась» с ввозимым в Москву памятником Пушкину. Любители музыки сообщат, что романс на прекрасные стихи Пушкина Федор Глинка[3] посвятил дочери Керн – Екатерине Ермолаевне. Но только этим все и ограничится. Другие подробности жизни Анны Петровны Керн, урожденной Полторацкой и Марковой-Виноградской по второму мужу, сейчас уже мало кому известны. Наши современники, как правило, почти ничего не знают об интереснейшей, яркой и даже скандальной судьбе этой удивительной женщины. И в большинстве своем даже не представляют себе, как именно она выглядела.

Твои небесные черты

Удивительно, но сейчас, по прошествии почти двух веков, внешность Анны Керн вдруг стала вызывать ожесточенные споры. Вопрос: «А была ли она красива?» – звучит довольно часто, и, что совсем выглядит странным, нередко получает отрицательный ответ. Виной тому, скорее всего, досадный факт, что до наших дней сохранилось очень немного изображений Анны Петровны, и, к величайшему сожалению, ни про одно из них нельзя сказать, что оно достоверно передает облик оригинала.

Если не считать теневого силуэта, о котором еще будет рассказано дальше, и рисунков Пушкина, безусловно имеющих массу достоинств, но никак не претендующих на фотографическую точность, до недавнего времени было известно только одно изображение[4], где, по общему признанию, запечатлена Анна Керн: миниатюра, выполненная неизвестным и, судя по всему, не слишком профессиональным живописцем. Довольно одного взгляда на портрет, чтобы признать, что он неудачен.



Анна Керн. Рисунок А. С. Пушкина в тексте рукописи, 1829 г. Собрание Всероссийского музея А. С. Пушкина.

Неизвестный художник. Миниатюрный портрет Анны Керн. 1820-е (или 1830-е) гг. Музей А. С. Пушкина в Торжке (филиал Тверского государственного объединенного музея).

Не так давно, всего несколько десятилетий назад, был найден еще один портрет Анны Керн с довольно интересной историей.

На портрете кисти Арефова-Багаева изображена уже не юная, но моложавая приятная женщина в простой одежде, с добрым и одухотворенным лицом. Весь ее облик дышит уютом, домашностью, душевностью. Безусловно, это весьма «милые черты», однако на «гения чистой красоты» и уж тем более на «вавилонскую блудницу», как называл Керн Пушкин (а было и

такое), женщина на портрете не очень похожа. Однако не будем забегать вперед и перейдем от живописных портретов Анны Керн к портретам словесным, составленным ее современниками. А они в большинстве своем сходились во мнении, что та была женщиной поразительной красоты.

Так, Андрей Подолинский[5] в 1828 г. написал Анне Петровне в альбом стихотворение, воспевающее привлекательность (в том числе и женственную, чувственную привлекательность) нашей героини.

Портрет

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена!
Коса и кудри темно-русы,
Наряд небрежный и простой,
И на груди роскошной бусы
Роскошно зыблются порой.
Весны и лета сочетанье
В живом огне ее очей,
И тихий звук ее речей
Рождает негу и желанье
В груди тоскующей моей.

В молодости Анну Керн неоднократно сравнивали с очень знаменитой в то время женщиной, общепризнанной красавицей, прусской королевой Луизой[6].

Влюбленный в Анну Керн будущий академик российской словесности, а в то время еще только скромный студент Петербургского университета Александр Никитенко[7] описал первую встречу с ней в своем дневнике (23 мая 1827 г.): «…было много гостей, и в том числе новое лицо, которое, должен сознаться, произвело на меня довольно сильное впечатление. Когда я вечером спустился в гостиную, оно мгновенно приковало к себе мое внимание. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня всего более привлекла в ней трогательная томность в выражении глаз, улыбки, в звуках голоса. Молодая женщина эта – генеральша Анна Петровна Керн, рожденная Полторацкая».

Портрет Анны Керн вместе с тремя портретами

ее родственников был написан в Тригорском крепостным живописцем, впоследствии получившим вольную. Так как немного раньше подобная история произошла с украинским художником и поэтом Тарасом Шевченко (1814–1861), возникла путаница, и автором портретов долго считали Шевченко. Однако в наши дни недоразумение удалось разрешить.

Был установлен настоящий автор картины – Аким или Иоаким Арефов-Багаев (1826–?). Портрет Керн датирован 1840 г., то есть на момент его написания художнику было всего 14 лет. Наверное, опираясь на этот факт, портрету можно верить – его автор был еще слишком юн, чтобы льстить, обманывать и приукрашивать, но в то же время достаточно одарен, чтобы придать своему творению сходство с оригиналом. К сожалению, судьба талантливого крепостного живописца сложилась неблагополучно, вольную он не получил. Остальные его работы не сохранились, и о дальнейшей его жизни ничего не известно.

Сама же Анна Петровна в своем «Дневнике для отдохновения»[8] (подробнее речь о нем пойдет впереди) пишет о своей внешности так: «Представьте, я сейчас мельком взглянула в зеркало, и мне показалось чем-то оскорбительным, что я ныне так красива, так хороша собой. Верьте или не верьте, как хотите, но это истинная правда. Мне хотелось бы быть красивой лишь тогда, когда… ну, да вы понимаете, а пока пусть бы моя красота отдыхала и появлялась бы в полном блеске, лишь когда я того хочу».

В 1864 г., когда Анне Керн, ровеснице века, было 64 года, Тургенев в письме к Полине Виардо рассказывает о своей встрече с ней и о портрете[9], который она ему показала: «В молодости, должно быть, она была очень хороша собой… и до сих пор держится как женщина, привыкшая нравиться. Она показала мне выцветшую пастель, изображающую ее в 28 лет: беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке, немного смахивает на русскую горничную а-ля Параша».

Аким Арефов-Багаев. Портрет Анны Керн 1840-е гг. Фонды Государственного Русского музея.

Что же касается Пушкина – нельзя же в этом перечне обойтись без его описания! – в одном из писем он говорит о Керн

так: «Хотите знать, что такое г-жа К…? Она изящна; она все понимает, легко огорчается и так же легко утешается; у нее робкие манеры и смелые поступки, – но при этом она чудо как привлекательна».

И завершить эту галерею портретов, безусловно, следует описанием, которое дал второй муж Анны Петровны, А. В. Марков-Виноградский:

«Вечер, освещенный луною… И эти глазки блестящие – эти нежные звездочки – отразятся в душе моей радостью. Краса их светлая заиграет во мне восторгом, так тепло от них! Их ласковый цвет, их свет нежный целуют в сердце меня своими лучами! От них так ясно в душе, при них все живет радостию.

У моей душечки глаза карие. Они в чудной своей красе роскошествуют на круглом личике с веснушками. Волоса, этот шелк каштановый, л а сково обрисовывают его и оттеняют с особой любовью. Щечки скрываются за маленькими, хорошенькими ушками, для которых дорогие серьги – лишнее украшение: они так богаты изяществом, что залюбуешься. А носик такой чудесный, такая прелесть; с изысканною правильностью грациозно раскинулся меж пухленьких щечек и таинственно оттеняет губки, эти розовые листочки… Но вот они зашевелились. Мелодические звуки, с грустью оставляя свой роскошный алтарь, летят прямо в очарованное мое сердце и разливают наслаждение. Еще губки трепещут сладостною речью, а уже глаза хотят восхищаться зубками… И все это, полное чувств и утонченной гармонии, составляет личико моей прекрасной».

Наверное, этим словесным портретом лучше всего закончить спор, была ли Анна Петровна красавицей или нет. Как бы оно ни было, те, кто ее любил, находили Керн весьма привлекательной. А остальное, наверное, не столь уж важно…

«Я родилась в Орле, в доме моего деда Ивана Петровича Вульфа[10], который был там губернатором», – пишет в своих мемуарах Анна Керн. Нежную привязанность к своему дедушке она сохранила на всю жизнь, называет его в мемуарах «добрым», «чудным», «милейшим» и замечает: «Мне и теперь случалось встречать старожилов, вспоминающих о нем с благоговением, как о высокой и благодетельнейшей личности. Я часто повторяюсь в моих воспоминаниях об этом бесподобном человеке, но мне бы хотелось, чтобы узнали все, как он расточал когда-то всем окружающим благодеяния и ласки». И эти слова – не только субъективная оценка любящей внучки, подобного мнения были о тогдашнем губернаторе Орла многие его современники, отмечавшие его доброту и внимание к людям, независимо от их

состояния и социального положения.

Орест Кипренский. Портрет И. П. Вульфа, 1811. Санкт-Петербург, Русский музей.

То, что дед (отец матери) маленькой Аннет, как называли ее в семье, и в самом деле был на редкость приятным и добрым человеком, становится ясно при одном взгляде на его портрет.

Супруга Ивана Петровича происходила из знаменитого рода Муравьевых. «Бабушка Анна Федоровна[11] и сестра ее Любовь Федоровна, нежно мною любимая и горячо привязанная к моей матери, были аристократки, – вспоминает Керн. – Первая держала себя чрезвычайно важно, даже с детьми своими… Важничанье бабушки происходило оттого, что она бывала при дворе и представлялась Марии Федоровне во время Павла I с матерью моею, бывшею тогда еще в девицах».

> *Замечательно переданное гениальным художником выражение умиления и нежности на его добром лице объясняет сама Анна: «Никто не слышал, чтобы он бранился, возвышал голос, и никто никогда не встречал на его умном лице другого выражения, кроме его обаятельной, доброй улыбки, так мастерски воспроизведенной (в 1811 г.) карандашом Кипренского на стоящем передо мною портрете. Этот портрет рисовался в Твери, и я стояла, облокотясь на стол, за которым сидел дедушка и смотрел на меня с любовью…»*

Исходя из этих слов, нетрудно догадаться, что к своей бабушке-тезке теплых чувств Анна особенно не питала. Зато была горячо привязана к бабушкиной сестре – Любови Федоровне Муравьевой, которую называет в воспоминаниях о детстве «милая моя бабушка», «любезная старушка». В юности та была красавицей, пользовалась большим успехом, «внушала вдохновение поэтам, и Богданович поднес ей свою «Душеньку»».

О том, как сильна была привязанность дедушки к внучке, говорит и еще один эпизод из детства маленькой Анет.

«Он очень любил птиц. В обеденной зале, смежной с его кабинетом, находилась вольерка с канарейками. …Однажды я села на колени к дедушке и сказала ему: «Я думаю, что жареные канарейки очень вкусны, и я бы хотела, чтобы он приказал жарить мне канареек». Мне не приходило в голову, что их для этого надо убивать: я никогда не ходила в кухню… и не имела понятия о том, как готовятся кушанья… Дедушка не

сделал никакого наставления по поводу моего жестокосердия и с своею доброю, кроткою улыбкою сказал: «Хорошо, я велю…» И когда я ушла из залы, приказал стрелять воробьев и жарить… Пользуясь, впрочем, этим, было украдено несколько канареек, и я, заметив убыль, объявила дедушке, что уже довольно жарить канареек, что их уже мало осталось… Дедушка никогда не сердился и на этот раз никого не бранил за пропажу канареек, а выразил только огорчение… и воровство прекратилось».

«Душенька»

Повесть в стихах «Душенька», созданная в 1775 г. поэтом Ипполитом Богдановичем (1744–1803), – вольное переложение повести Ж. де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона».

«Душенька» имела огромную популярность у современников, благодаря легкости стиха, резко контрастировавшего с тяжеловесным «высоким штилем» поэзии того времени, а также игривому, почти фривольному содержанию.

Однако замуж Любовь Федоровна не вышла (почему – неизвестно, но, наверное, все же не обошлось без какой-нибудь романтической истории) и после свадьбы своей любимой племянницы Екатерины, матери Анны Петровны, поселилась в ее доме.

У четы Вульфов – дедушки и бабушки Анет – было девять детей, один сын умер в младенчестве, а остальные почти все дожили до зрелых и даже преклонных лет. Мать Анны, Екатерина, была третьей. Свадьба Екатерины Вульф с Петром Марковичем Полторацким[12] состоялась почти одновременно со свадьбой ее брата Николая[13], женившегося на Прасковье Александровне, урожденной Вындомской.

Старшую дочь этой четы, родившуюся на три месяца раньше нашей героини, также звали Анной, и она на всю жизнь стала одной из ближайших подруг своей кузины. «Мы были дружны как родные сестры», – вспоминает Керн.

О своей двоюродной бабушке Любови Федоровне

Анна вспоминает так: «Не помню я горькой минуты в своей жизни, которою бы я ей была обязана, и таю в глубине сердца самые светлые о ней воспоминания… Никогда она меня не бранила, никогда не наказывала.

Я только знала ее ласки, самые дружеские наставления, как ровне. ‹…› Когда я выросла, тогда всегда была готова сознаться ей в какой-либо неосторожности и просить ее совета… Между тем как другие живущие в доме или подводили меня под наказание, или сами умничали надо мною, она всегда была моим другом и защитником. Она продала свое имение за 8000 и отдала их отцу моему с тем, чтобы он содержал ее и ее горничную, которая была другом бабушки. Это также рисует ее доброту…»

«Это была замечательная пара, – пишет Анна Петровна о своих дяде и тете. – Муж нянчился с детьми, варил в шлафроке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала Римскую историю…»

Интересно, что, живо и ярко повествуя в мемуарах обо всех своих родственниках, Керн очень мало и скупо пишет о матери. Она вскользь упоминает, что «обожала ее», однако практически ничего не рассказывает о Екатерине Ивановне. Все эпизоды, связанные с матерью, носят какой-то будничный, бытовой характер, и почти везде Екатерина Ивановна является не центральным действующим лицом, а второстепенным, иногда словно бы даже случайным персонажем. Из этих отрывочных зарисовок складывается смутный и довольно блеклый образ женщины доброй, но болезненной и слабохарактерной, оказавшейся в полном подчинении у мужа и предпочитавшей всю жизнь держаться в его тени.

Что же касается отца Анны, надворного советника Петра Марковича Полторацкого, то он явно был полной противоположностью своей супруги и достойным сыном своей матери. Бабушка Анны Петровны по отцу, известная как Полторачиха, являлась фигурой настолько яркой и знаменитой для своего времени, что на ее истории и истории ее семьи следует остановиться подробнее.

Агафоклея Александровна Полторацкая.

Агафоклея Александровна, урожденная Шишкова, в замужестве Полторацкая (1737–1822) была, наверное, одной из

самых ярких женщин своей эпохи. Ее выдали замуж 14 лет от роду, в семье даже сохранилось предание, что она еще играла в куклы, когда няня позвала ее собираться к венцу: «Феклуша, поди – жених приехал».

По меркам тех лет Агафоклея считалась красавицей, но прославилась она не внешностью, а своей предпринимательской деятельностью.

Оказавшееся в ее распоряжении небольшое хозяйство супруга она сумела расширить и превратить в приносящее хороший доход и нажила крупное состояние. К концу жизни она уже владела несколькими большими имениями в Тверской и Калужской губерниях, построила несколько заводов, в том числе и винокуренных. Ей подчинялась (была на откупе) виноторговля практически всей Тверской губернии.

Интересно, что при этом «бизнес-леди» сама не брала в руки никаких документов и, по свидетельствам внуков, к старости вовсе разучилась читать и писать. В семье эту причуду объясняли такой легендой: в молодости Агафоклея подделала завещание дальнего родственника в свою пользу и чуть на этом не попалась. Опасаясь наказания, она дала обет кому-то из святых угодников, поклявшись, что, если все обойдется, она никогда больше не возьмет в руки ни пера, ни бумаги. Гроза миновала, и Агафоклея всю жизнь оставалась верна своему слову.

С конкурентами Пол торачиха, как ее называли, была сурова, а с крепостными подчас и вовсе жестока. Молва про ее тиранства даже достигла императорского дворца. В Петербурге прошел слух, что Александр I после вступления на престол отдал приказ публично выпороть ее на Лобном месте. Но это был всего лишь слух. И когда Агафоклея, сидя у окна своего дома близ Сенной площади, увидев бегущую толпу, спросила: «Куда, православные, бежите?» – и услышала в ответ: «На площадь, смотреть, как Полторачиху будут сечь», то расхохоталась и закричала: «Бегите, бегите скорей!»

Она была еще нестарой женщиной, когда с ней случилось несчастье: во время поездки в Москву ее возок перевернулся и придавил сидевшую в нем Агафоклею. Она оказалась буквально изувечена, по свидетельству очевидца, «все кости ее были поломаны на куски и болтались, как орехи в мешке». С тех пор до конца жизни Полторачиха с трудом могла двигать руками и ногами. Каждую осень после уборки урожая она ложилась в постель и не вставала до самой весны. Но и в таком состоянии она продолжала властно распоряжаться, управлять своими имениями и заводами и держать в ежовых рукавицах всю семью.

«Она была красавица, и хотя не умела ни читать, ни писать, но была так умна и распорядительна, что, владея 4000 душ, многими заводами, фабриками и откупами, вела все хозяйственные дела сама без управляющего через старост», – пишет Анна Петровна в своих «Воспоминаниях о детстве». «Она была очень строга и часто даже жестока. Жила она в Тверской губернии, в селе Грузинах, в великолепном замке, построенном Растрелли. ‹…› Она всякую зиму лежала в постели и из подушек ее управляла всеми огромными делами, все же лето она была в поле и присматривала за работами. Она из алькова своей прекрасной спальни, с молельною, обитою зеленым сукном, перенесла свое ложе в большую гостиную, отделанную под розовый мрамор, и в этой ее резиденции я впервые увидела ее. Она меня чрезвычайно полюбила, угощала из своей бонбоньерки конфектами и беспрестанно заставляла меня болтать, что ее очень занимало. В этой комнате были две картины: Спаситель во весь рост и Екатерина II. Про первого она говорила, что он ей друг и винокур; а вторую так любила, что купила после ее смерти все рубахи и других уже не носила. ‹…›

С батюшкой она была очень холодна, с матерью моею ласкова, а со мною нежна до того, что беспрестанно давала мне горстями скомканные ассигнации.

Я этими подарками несколько возмущалась и все относила маменьке. Мне стыдно было принимать деньги, как будто я была нищая. Раз она спросила у меня, что я хочу: куклу или деревню? Из гордости я попросила куклу и отказалась от деревни.

Она, разумеется, дала бы мне деревню; но едва ли бы эта деревня осталась у меня, ее точно так же бы взяли у меня, как и все, что я когда-нибудь имела. ‹…› Такова была моя бабушка со стороны отца. Про мужа ее Марка Федоровича Полторацкого мало было слышно. Знаю, что ‹…› отец его, Федор Полторацкий, вследствие указов Петра I, требовавших, чтобы дворяне служили в военной службе, укрылся под сень духовного звания и был священником в Соснице; что упомянутый Марк Федорович учился в Киевской бурсе, пел там на клиросе в церкви, был взят оттуда Разумовским, восхитившимся его голосом, поступил в придворную капеллу, сделался придворным императрицы Елизаветы Петровны и, пользуясь ее милостями, доставил состояние своим братьям… Энергическая личность бабушки стушевывала его

личность».

При всем при этом Полторацкая была глубоко религиозным человеком, строила храмы и жертвовала большие суммы на церковные нужды. Почувствовав приближение смерти, она вызвала к себе всех соседских помещиков и приказала созвать крестьян во двор своего дома, после чего громко покаялась перед всеми и воззвала: «Православные, простите меня грешную!» На что последовал единогласный ответ: «Бог простит!»

Анна Петровна называет свою бабушку по отцу «замечательной женщиной», но явно не в современном толковании этого слова (синонима слова «превосходный»), а в устаревшем значении – необыкновенная, особенная, которую нельзя не заметить.

Справедливости ради следует отметить, что в своем описании деда и его семьи Анна Петровна слегка грешит против истины. К привилегированному сословию ее прадед не принадлежал, он был простым украинским казаком. Потомственное дворянство получил только его сын, то есть дед Анны, Марк Федорович (1729–1795). Ему также было пожаловано звание полковника – но не за боевые доблести, а за заслуги в области культуры. Отличный певец, обладатель прекрасного баритона, Марк Полторацкий первым из славян был зачислен в итальянскую оперную труппу, руководил Придворной певческой капеллой, постоянно ездил по стране отбирать лучшие голоса. В память о его заслугах центральное место на фамильном гербе Полторацких занимает арфа.

Фамильный герб Полторацких. «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи».

Что до семейной жизни, то дома, судя по всему, он действительно занимал второстепенное положение, был под каблуком у своей деспотичной жены и сильно ее побаивался. Впрочем, это не помешало чете Полторацких произвести на свет множество детей – их было аж двадцать два человека.

Петр Маркович, отец Анны, был, по ее словам, «одним из младших и менее других любимым своею матерью». И судя по тем ярким эпизодам с его участием, описанных на многих страницах воспоминаний Керн, эта антипатия во многом могла быть вызвана сходством характеров, тем самым, которое русская пословица именует «нашла коса на камень». Трудно себе представить фигуру столь же яркую, сколь и противоречивую, какой был Петр Маркович. Приятели и соседи знали его как хлебосола, шутника и весельчака, обладавшего, впрочем, довольно свое образным чувством юмора.

Ума много – чувства мало

«Все дети ее были хорошо воспитаны, очень приветливы, обходительны… – вспоминает о своих дядях и тетях по отцу Анна Петровна. – Но довольно легкомысленны и для красного словца не щадили никого и ничего. Они были невысокого мнения друг о друге и верили всяким нелепостям про своих. Как бы они ни говорили, ума было много, но чувства мало».

Для своего времени Петр Маркович был образованным человеком, к тому же имевшим прогрессивные взгляды, что еще представлялось тогда большой редкостью. «В обращении с крестьянами и прислугою, – вспоминала Анна Петровна, – он проявлял большую гуманность. Он был враг телесных наказаний и платил жалованье прислуге в то время, когда на мужиков смотрели исключительно как на рабочую силу». Однако при этом с домашними, особенно с детьми, Петр Маркович во многом вел себя, как его мать, – столь же властно, деспотично и жестоко.

Деловой хватки Полторачихи он ни в коей мере не унаследовал. Будучи человеком энергичным, но недостаточно рассудительным, склонным к безрассудству и даже авантюризму, он всю жизнь то и дело затевал какие-то рискованные предприятия, которые изредка приводили к успеху, но чаще всего заканчивались крахом. То он приказывал вырыть в своем имении огромный пруд, наполнить его морской водой и разводить морских рыб; в другой раз придумал производить масло в форме зернистой икры, для чего построил целую фабрику, но вскоре забросил эту затею и занялся производством машин для перемешивания глины. Но самый большой общественный резонанс получила история с мясным бульоном.

В результате всех этих неудач Петра Марковича к концу его жизни семья лишилась всего, что имела. «Спекуляции его разорили, – с горечью говорит Анна Керн. – Они имели характер более поэтический, чем деловой, и лопались, как мыльные пузыри».

Сахарный Пушкин

Одну из его шуток описал в письме к другу А. А. Дельвигу[14] ***А. С. Пушкин в ноябре 1828 г., когда***

поэт проезжал через Тверскую губернию и побывал в гостях у Вульфов: «Петр Маркович здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и чернослив и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбудоражил, он к ним прибежал: «Дети! Дети! Мать вас обманывает – не ешьте чернослив, поезжайте с нею. Там будет Пушкин – он весь сахарный, а зад его яблочный, его разрежут и всем вам будет по кусочку». Дети разревелись: «Не хотим чернослив, хотим Пушкина». Нечего делать, их повезли, и они сбежались ко мне, облизываясь – но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили…»

«Бульон Полторацкого»

В 1809 г. Полторацкий изобрел дешевый и эффективный способ изготовления сухого мясного бульона: что-то вроде популярного в наши дни концентрата. Идея и впрямь была хороша, ее внедрение накануне войны с Наполеоном сулило большие выгоды. Надеясь на денежное вознаграждение от правительства, Петр Маркович вложил в производство значительные средства, продав одно из имений и 150 душ крестьян. Однако вместо денежной компенсации император наградил его за изобретение орденом, а военное руководство, не вникнув в преимущества сухого питания, отказалось закупать бульон. И в результате, как пишет в своих мемуарах Анна Петровна, «пришел Наполеон и съел бульон». Агафоклея Александровна до конца своих дней поминала сыну это неудачное предприятие. «Сто пятьдесят душ в бульоне сварил!» – упрекала она.

Вот такие, очень разные, но весьма колоритные люди окружали с раннего детства маленькую Анет. Безусловно, они все так или иначе повлияли и на формирование ее характера, и на то, как сложилась ее судьба.

Усадьба Берново

Усадьба Берново хорошо сохранилась, и в наши дни у всех желающих есть возможность своими глазами увидеть живописный парк и господский дом, построенный в XVIII в.

Сейчас в здании находится музей А. С. Пушкина, который тоже неоднократно бывал здесь, работал над «Евгением Онегиным» и написал несколько известных стихотворений, таких как «Зимнее утро», «Анчар», «Цветок». По преданию, здесь же родился сюжет «Русалки», когда Пушкину рассказали историю о дочери мельника, утопившейся от несчастной любви в омуте за мельничной плотиной. Позже ту же легенду услышал Исаак Левитан и запечатлел это место на картине «У омута».

Родилась вместе с веком

«Я родилась под зеленым штофным балдахином с белыми и зелеными страусовыми перьями по углам 11 февраля 1800 года, – пишет Анна Керн в «Воспоминаниях о детстве». – Обстановка была так роскошна и богата, что у матери моей нашлось под подушкой 70 голландских червонцев, положенных посетительницами». Как уже было сказано, произошло это в Орле, в доме ее деда И. П. Вульфа, тогдашнего губернатора. Дом этот, увы, не сохранился до наших дней, никаких его изображений тоже не осталось, и о том, как он выглядел снаружи и внутри, мы можем только догадываться.

Через некоторое время семья перебралась в Тверскую губернию, в собственную усадьбу Берново, родовое имение Вульфов, где провела несколько лет.

Собственно, если не считать не слишком частых и продолжительных поездок в Грузины – имение бабушки по отцу, детство маленькой Анет Полторацкой проходило в двух местах: попеременно в дедушкиной усадьбе Берново и небольшом уездном городе Лубны Полтавской губернии, где ее отец был предводителем дворянства.

И об обоих этих местах Анна Петровна сохранила приятные воспоминания и с удовольствием описала в мемуарах красоту их природы и людей, с которыми встречалась в первые годы своей жизни.

Именно из-за отца детство Анны, которое она сама называет счастливым, в действительности совсем не было безоблачно. Впрочем, в ее времена вряд ли хоть кто-то мог похвастаться таковым. Судя по художественной литературе и мемуарам разных людей, в ту эпоху детско-родительские отношения обычно склонялись к одной из двух крайностей. Многие отцы и матери перекладывали большей частью, а то и полностью заботы о воспитании малышей на плечи нянек, кормилиц, гувернеров и гувернанток. Нередко случалось, что ребенок, живя с родителями в одном доме, мог не видеть их целыми сутками, а все общение сводилось к тому, что умытого и принаряженного карапуза приводили к маменьке или папеньке, велели поцеловать им ручку и пожелать по-французски доброго утра, после чего дань родительскому долгу считалась отданной, и ребенка спроваживали восвояси.

Но иногда бывало и другое – когда родители решали сами заниматься воспитанием, неред ко под влиянием педагогических веяний тех лет. Само по себе прекрасное намерение, но все мы

слишком хорошо знаем, куда порой заводит дорога, вымощенная благими намерениями. Именно так вышло и с отцом маленькой Анет. Будучи хорошо образованным человеком, он прочел множество книг, в том числе и имеющих отношение к педагогике, но сделал из этого собственные выводы и пришел к весьма своеобразной системе воспитания. Вот как вспоминает об этом Анна Петровна:

Все это не прошло бесследно, так или иначе повлияло и на характер Анны, и на ее мировоззрение. Тема воспитания детей всю жизнь занимала Анну Петровну, она неоднократно обращается к ней в своих мемуарах и в первых же строках «Воспоминаний о детстве» пишет: «Не думайте, почтенный мой читатель (если я удостоюсь такового иметь), что начало ничего не значит; напротив, я убедилась долгим опытом, что оно много и много значит! Роскошная обстановка и любовь среды, окружающей детство, благотворно действуют на все существо человека, и если вдобавок, по счастливой случайности, не повредят сердца, то выйдет существо, презирающее все гадкое и грязное, не способное ни на что низкое и отвратительное, не понимающее подкупности и мелкого расчета.

Усадьба Грузины

От усадьбы Полторацких, находившейся в Новоторжском уезде Тверской губернии, до наших дней сохранились главный дом с флигелями, служебный корпус, кузница, погреб, валунный мост, пейзажный парк, каменные жилые крестьянские дома (21 дом). Как вспоминал современник, «…усадьба поражала своей громадностью. Дом в Грузинах по масштабу и отделке мог называться дворцом, а за ним парк на 25 десятин земли с рекой, прудами, островами, мостиками, беседками и бесчисленными затеями».

«Из уездных самые близкие были Алексеевы. Они жили на старый манер, очень роскошно, в большом замке, наполненном шутами, приживалками, и даже был сумасшедший… Раз этот последний гостил у нас с ними летом, а я, шестилетняя, гуляла без всякого надзора на горке перед балконом и встретила его… Я предложила ему идти вниз, в гости к очень добрым людям, у которых всегда были для меня лакомства. Он пошел.

Надо было перейти по узкому карнизу под горой, над огромным обрывом, и даже было такое место, что пропасть зияла с одной стороны тропинки. Этот сумасшедший взял меня на руки и перенес через опасное место, и мы благополучно дошли через лес к добрым знакомым.

У означенных добрых людей сумасшедшему дали водки, а мне конфекты, и мы с ним возвратились домой. Мать моя пришла в ужас от этой прогулки моей с сумасшедшим, могшим швырнуть меня в пропасть, отняла конфекты и засадила в темную комнату. Мне казалось, что лучше бы было, если за мною больше присматривали, чем наказывали без вины…»

«…отец мой строил… дом на чрезвычайно живописном месте, на окраине горы над Сулою [в Лубнах], среди липовых, дубовых и березовых рощ, красиво сбегавших по террасам и холмам к реке… За рекою раскидывался обширный вид верст на двадцать пять».

«Росла я на свободе и в большом изобилии. Отец мой угощал обедами все сословия и внушал всем любовь, уважение и вместе с тем боязнь попасть ему на зубок. Он был очень остер, и его шутки были очень метки…»

Дайте только характер твердый и правила укрепите; но, к несчастию, пока все или почти все родители и воспитатели на это-то и хромают; они почти сознательно готовы убивать, уничтожать до корня все, что обещает выработаться в характер самостоятельный в их детях. Им нужна больше всего покорность и слепое послушание, а не разумно проявляющаяся воля…»

«Батюшка мой с пеленок начал надо мною самодурствовать… Он был добр, великодушен, остроумен по-вольтеровски, достаточно по тогдашнему времени образован и глубоко проникнут учением энциклопедистов, но у него было много задористости и самонадеянности его матери… побуждавших его капризничать и своевольничать над всеми окружающими… От этого его обращение со мною доходило до нелепости… Когда, бывало, я плакала, оттого что хотела есть или была не совсем здорова, он меня бросал в темную комнату и оставлял в ней до тех пор, пока я от усталости засыпала в слезах… Требовал, чтобы не пеленали и

отнюдь не качали, но окружающие делали это по секрету, и он сердился, и мне, малютке, доставалось… От этого прятанья случались казусы, могшие стоить мне жизни.

Однажды бабушка унесла меня, когда я закричала, на двор во время гололедицы, чтобы он не слыхал моего крика; споткнулась на крыльце, бухнулась со всех ног и меня чуть не задавила собою.

В другой раз две молодые тетушки качали меня на подушке, чтобы унять мои слезы, и уронили меня на кирпичный пол…»

«…Я и сестра заболели скарлатиною, от которой сестра умерла. Из этого года мне памятны няня Васильевна, которая варила мне кашу из сливок, крики на нее батюшки, чтобы она не смела усыплять меня сказками и вообще сидеть около меня, когда я уже положена в постельку, болезнь и противные лекарства, которые меня заставляли принимать. Засыпать одной мне было ужасно, и мне казалось, что приказание батюшки, чтобы няня не сидела возле меня, пока я засну, отдано было мне назло, так как я боялась одиночества в темноте…»

«Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь»

Кто научил маленькую Анет читать и как именно происходило это обучение, неизвестно. Но из мемуаров видно, что уже в четыре года девочка читать умела, а в пять делала это уже совершенно уверенно и с удовольствием. «Несмотря на постоянные веселости, обеды, балы, на которых я присутствовала, мне удавалось удовлетворять свою страсть к чтению, развившуюся во мне с пяти лет, – вспоминает Анна Петровна. – Каждую свободную минуту я употребляла на чтение французских и русских книг из библиотеки моей матери».

В восемь лет у двух Анн, тезок-кузин Полторацкой и Вульф, появилась гувернантка, выписанная, как это называлось в те времена, из Англии, но француженка по национальности м-lle Benoit (мадемуазель Бенуа). Изначально ей предлагали место в императорской семье, но «по своим скромным вкусам и желанию отдохнуть после труженической своей жизни в Лондоне» гувернантка выбрала усадьбу Берново. Наверное, немногие педагоги в то время могли бы похвастать лучшими рекомендациями.

> *Эту любовь или скорее даже потребность Анна Керн сохранила на всю жизнь: «Я так пристрастилась к чтению, что когда была замужем и жила в Петербурге, то прочла всю библиотеку Лури, и он не знал под конец, что мне давать».*

При первой встрече гувернантка решила определить уровень знаний своих учениц – и те экзамена не выдержали.

Как это было принято в ту эпоху, гувернантка была не просто учителем, а наставником, который не только обучал своих подопечных различным премудростям, наукам, языкам и хорошим манерам, но занимался их воспитанием, влияя на развитие и становление их личности.

Мадемуазель Бенуа проводила с кузинами целые дни, расставаясь с ними только на время сна. Ее комната была смежной со спальней сестер, и туда каждое утро подавали завтрак для всех троих.

Вывод напрашивается сам собой: с педагогом двум маленьким Аннам решительно повезло. Далеко не все их современники могли вспомнить своих наставников с теплотой и

бла годарностью, а в рассказах Анны Петровны о мадемуазель Бенуа немало и того, и другого. Гувернантка сумела не только завоевать уважение и любовь своих воспитанниц, но и пробудить в них интерес к получению знаний.

Однако занятия Анет с мадемуазель Бенуа продолжались недолго, всего четыре года. После смерти бабушки Анны Федоровны отец решил увезти 12-летнюю дочь из Берново, «задумал перевести нас с маменькою в Москву для окончания там моего воспитания, – вспоминает Анна. – Но прежде летом перевез нас в маменькину деревню… M-lle Benoit просила его оставить меня у нее, обещала учить даром, но батюшка не изменил решения. Из деревни мы хотели уже направиться в Москву, но пришел Наполеон, и наш план изменился».

> ***«Оказалось, что, несмотря на выученную наизусть по настоянию матери Ломондову грамматику, Анна Николаевна ничего не знала, я тоже, и надо было начинать все науки. Она [гувернантка] начала так: села на стул перед учебным столом, подозвала нас к себе и сказала: «Mesdames, connaissez-vous vos parties du discours?»***[15] ***Мы, не поняв вопроса, разинули рты. Позвали тетушек для перевода; но и они тоже не поняли – это было сказано для них слишком высоким слогом… И m-lle Бенуа начала заниматься с нами по-своему».***
>
> ***«После завтрака мы ходили гулять в сад и парк, несмотря ни на какую погоду, потом мы садились за уроки…***
>
> ***‹…›***
>
> ***Она так умела приохотить нас к учению разнообразием занятий, терпеливым и ясным, без возвышения голоса толкованием, кротким и ровным обращением и безукоризненною справедливостию, что мы не тяготились занятиями, продолжавшимися целый день, за исключением часов прогулок, часов завтрака, обеда, часа ужина.***
>
> ***Воскресенье было свободно, но других праздников не было…‹…›***
>
> ***В сумерках она заставляла нас ложиться на ковер на полу, чтобы спины были ровны, или приказывала ходить по комнате и кланяться на ходу, скользя, или ложилась на кровать и учила нас, стоящих у кровати, петь французские романсы… ‹…›***
>
> ***Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде***

вязанья и шитья подле m-lle Бенуа, потому что любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами».

По счастью, от «грозы двенадцатого года», семья не пострадала, все остались живы и в добром здравии. Но образование Анет на том закончилось, о поездке в Москву или куда-то еще для «продолжения воспитания» речь больше не заходила. С тех пор Анна только учила младших брата и сестер[16] да читала книги. Однако же, несмотря на собственное заявление, что воспитание она получила «довольно небрежное», Анна считала себя образованным человеком, любила рассуждать на эту тему и с предубеждением относилась к недостаточно образованным людям.

Так, вспоминая окружение своей бабушки по отцу (Полторачихи), она характеризует их как «общество весьма неинтересное, по большей части невежественное, ничего не читавшее, праздное, далекое еще от сознания, что труд обусловливает жизнь, дает ей полноту, смысл, что в нем только человек находит некоторое удовлетворение в своих стремлениях. Книг они не читали, а если читали, то ничего не вычитывали. Да и теперь-то немногие следуют тому разумному и нравственному, что таится в некоторых книгах, и книги мало улучшают и развивают, хотя это их прямое назначение».

Или такой, не менее яркий эпизод: «Тогдашняя молодежь хотя и знала менее, чем нынешняя, но то, что выучила, знала основательно, и в ней не было того легкомыслия, того схватывания вершков в науках, той распущенности, какая бросается в глаза теперь… Тогда руководились нравственными принципами и отличались силою убеждений. Не так в настоящее время… Тогда в число научных предметов входила мифология, и один офицер стоявшего в Лубнах полка, Брозин, переписал на память часть «Lettres a Emilie sur la Mythologie par Demoustier»[17] для моей матери, когда она потеряла ее и очень об этом сожалела… Подобным образом тогдашняя молодежь знала все науки. Ну, да не об этом речь…»

Отдельно хочется остановиться на обучении кузин русскому языку. «Все предметы мы учили, разумеется, на французском языке, – пишет Анна Петровна, – и русскому языку учились только шесть недель во время вакаций, на которые приезжал из Москвы студент Марчинский». Слово «только» ясно дает понять, что автор этих строк считает, что шесть недель в год в течение нескольких лет – это очень мало. А меж тем, как ни трудно поверить в это современному человеку, очень значительную часть

дворянских детей той эпохи вообще не учили русскому языку. Достаточно вспомнить героиню «Евгения Онегина» Татьяну Ларину, которая

«…по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном».

Так что в этом отношении Анна Петровна выгодно отличалась от своих современников тем, что с детства знала и любила родной язык. Она читала не только европейские, но и русские книги, а также переводы иностранных романов и сравнивала их с оригиналами. «Я получила очень хорошие книги, – пишет она в 20 лет в своем дневнике, – «Новую Элоизу»[18], а еще «Сентиментальное путешествие» Стерна[19], тоже по-французски. Хоть они у меня есть и по-русски, но снова их перечитываю. Я в восторге, что у меня есть «Новая Элоиза», там есть места в самом деле восхитительные, которые в русском переводе совершенно пропали».

И далее:

«Я немножко проглядела «Сентиментальное путешествие» по-французски и, представьте себе, русский перевод нахожу приятнее; не знаю, красота ли перевода или прелестные замечания, кои придают очарование всей книге, только, на мой взгляд, по-русски она написана гораздо лучше, нежели по-французски. Вы знаете, что ведь вполне возможно, чтобы перевод был лучше подлинного сочинения».

В своих дневниках, которые Анна, по ее собственному заявлению, вела всю жизнь, она тоже частично писала по-русски. Самый первый ее дневник постигла печальная участь: отец разорвал его на листы, из которых сделали пакетики для упаковки горчицы – в числе многочисленных проектов Петра Полторацкого был и небольшой горчичный завод. Однако это не отбило охоту Анет к литературному труду. Ей так нравилось писать письма, что в детстве она переписывалась даже с кузиной, с которой в то время жила в одной усадьбе. «Когда я заболевала, то мать брала меня к себе во флигель, и из него я писала записки к Анне Николаевне, такие любезные, что она сохраняла их очень долго. Мы с ней потом переписывались до самой ее смерти, начиная с детства». Все исследователи биографии Анны Керн сходятся во мнении, что поверять бумаге свои мысли и чувства было для нее настоящей потребностью, которая с годами не исчезла, а стала только сильней.

Кокетка, ветреный ребенок…

Некоторые биографы Анны Керн, преимущественно мужчины, находят, что она уже с младых ногтей сделалась кокеткой и очень рано проявляла склонность к легкомыслию и флирту, сильно развившуюся в ней впоследствии. Другие исследователи, как правило женщины, не видят ничего предосудительного в том, что девочка и тем более юная девушка кокетничает и хочет нравиться.

Действительно, в воспоминаниях Керн о детстве иногда проскальзывает подобный мотив. Так, Анна Петровна несколько раз отмечает, что девочками, в том возрасте, когда еще положено думать об играх и куклах, они с кузиной Анной Николаевной Вульф мечтали выйти замуж за героев древней истории или мифологии, «а в случае неудачи – за какого-нибудь из русских великих князей».

В своих мемуарах Анна Петровна неоднократно отмечает, что, едва выучившись читать, тайком брала книги из библиотеки матери. Почему тайком – догадаться нетрудно, явно это были совсем не те книги, с которыми разрешают знакомиться подрастающему поколению. Ну как тут не вспомнить цитату из Пушкина «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал» или отрывок из «Евгения Онегина», рассказывающий о Татьяне Лариной:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо…

Почти с уверенностью можно утверждать, что еще задолго до замужества Анет прочитала множество любовных романов, и не только сентиментально-невинных, но и довольно откровенных, коих в куртуазном и фривольном XVIII столетии было написано немало. И словно предчувствуя, что потомки со временем захотят поставить ей это в упрек, она заранее точно оправдывается в своих воспоминаниях:

«Мы (Анна Керн и Анна Вульф. – *Авт.*) в свободные часы и по воскресеньям постоянно читали. Встречая в читанном скабрезные места, мы оставались к ним безучастны, так как эти места были нам непонятны. Мы воспринимали из книг только то, что понятно сердцу, что окрыляло воображение, что согласовано было с

нашею душевною чистотою, соответствовало нашей мечтательности и создавало в нашей игривой фантазии поэтические образы и представления. Грязное отскакивало от наших душ. Они всасывали в себя только светлую непорочную поэзию».

> *В Лубнах, когда Анне было четыре года, произошел вот такой случай: «…один офицер на вечере у нас посадил меня на колени, слушая, как я читаю, и очень любезно со мной шутил… Это так мне понравилось, что я обещала ему выйти за него замуж». Маленькая Анет рассказала об этом матери, а та, посмеявшись, – генералу, командовавшему стоявшим в городе полком. Генерал заинтересовался, кого именно юная кокетка «осчастливила своим выбором». Но «я не могла назвать своего фаворита, потому что не знала его фамилии. Тогда он стал подводить ко мне, сидевшей на комоде, всех офицеров полка… Оказалось, что избранный мной был Гурьев».*

Трудно не поверить этим словам. Вероятнее всего, так оно и было, и в присущем юной Анет стремлении нравиться не было и намека на испорченность. Тем не менее не исключено, что старшее поколение в ее семье было иного мнения. Так, одна из теток по отцу, Анна Ивановна, как пишет Анна Петровна, «очень меня огорчила… окромсавши мне волосы по-солдатски, чтобы я не кокетничала ими. Я горько плакала». Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов, что эпизод этот произошел во время войны, когда родственницы везли Анет из Владимира в Лубны. Не исключено, что жестокое отрезание косы было произведено из соображений гигиены и удобства в походных условиях, а не как наказание за кокетство, на которое сослались лишь в воспитательных целях.

Свадьба с генералом

«Пора надежд и грусти нежной» Анны Полторацкой проходила в Лубнах и была, судя по ее собственным словам, весьма типична для провинциальных девушек ее круга. Она «учила брата и сестер, мечтала в рощах и за книгами, танцевала на балах, выслушивала похвалы посторонних и порицания родных, участвовала в домашних спектаклях… и вообще вела жизнь довольно пошлую, как и большинство провинциальных барышень».

Анну относительно рано, лет в пятнадцать, начали вывозить в свет. Впрочем, назвать светом тот круг, в котором она вращалась, можно лишь с большой натяжкой. Маленький уездный город, несколько дворянских семей да небольшая группа офицеров. Нетрудно себе представить, что юная и хорошенькая Анет блистала в этом обществе.

> *Любопытно, что, будучи истинной женщиной во всем, что касалось кокетства и флирта, Анна Керн с юности и до конца жизни была если не равнодушна, то, во всяком случае, довольно сдержана в отношении нарядов. В своих воспоминаниях она удивительно немного для женщины уделяет внимания моде, платьям, украшениям и прочему в том же духе, сама признаваясь в своей «лени и неуменье наряжаться». Что, однако же, никогда не мешало ей пользоваться успехом и быть в центре внимания на всех балах и светских раутах.*

Мода пушкинской эпохи.

С течением времени отношения в семье не то что не улучшились, а, напротив, обострились. «Батюшка продолжал быть со мною строг, и я девушкой так же его боялась, как и в детстве. Если мне случалось танцевать с кем-нибудь два раза, то он жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала. Я была в ужасе от него и не смела подумать противоречить ему даже мысленно».

Не посмела юная Анна перечить и в тот момент, когда родители (точнее, отец, мать, судя по всему, полностью ему подчинялась и вообще не имела права голоса в семье) решили ее судьбу.

Вот как рассказывает историю сватовства сама Анна Петровна: «В Лубнах стоял Егерский полк. Все офицеры его были моими поклонниками и даже полковой командир, старик Экельн. Дивизионным командиром дивизии, в которой был этот полк, был Керн».

«Он познакомился с нами и стал за мною ухаживать. Как только это заметили [родные], то перестали меня распекать и сделались ласковы. Этот доблестный генерал так мне был противен, что я не могла говорить с ним. Имея виды на него, батюшка отказывал всем просившим у него моей руки и пришел в неописанный восторг, когда услышал, что герой ста сражений

восхотел посвататься за меня и искал случая объясниться со мною. Когда об этом сказали мне, то я велела ему отвечать, что я готова выслушать его объяснение, лишь бы недолго и немного разговаривал, и что я решилась выйти за него в угождение отцу и матери, которые сильно желали этого. Передательницу генеральских желаний я спросила: «А буду я его любить, когда сделаюсь его женою?» И она ответила: «Разумеется…» Когда нас свели и он меня спросил: «Не противен ли я вам?», я отвечала «нет» и убежала, а он пошел к родителям и сделался женихом. Его поселили в нашем доме. Меня заставляли почаще бывать у него в комнате. Раз я принудила себя войти к нему, когда он сидел с другом своим, майором, у стола, что-то писал и плакал. Я спросила его, что он пишет, и он показал мне написанные им стихи:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах…

Я сказала: «Да, знаю. Это старая песня». А он мне ответил: «Я покажу, что она будет не «старая»», и я убежала. Он пожаловался, и меня распекали».

Когда читаешь эти строки, трудно избавиться от ощущения, что героиня повествования – ребенок, а никак не зрелая девушка, готовая к замужеству и семейной жизни. По сути, так оно и есть: в описываемый период Анне всего 16 лет, свадьба состоялась еще до того, как ей минуло 17. Жених же был старше невесты больше чем втрое – ему было 52 года.

Ермолай Федорович Керн.

Ермолай Федорович Керн (1765–1841) – русский генерал, участник нескольких войн, кавалер семи боевых наград, в том числе Георгиевского креста за взятие Парижа. Кроме орденов, о боевых заслугах генерала свидетельствует тот факт, что его портрет по распоряжению императора помещен в Военной галерее Зимнего дворца среди портретов других героев Отечественной войны 1812 г.

Согласно многочисленным характеристикам современников и биографов, Е. Ф. Керн был классическим образцом истинного военного – волевой, решительный, бесстрашный до дерзости человек, не привыкший задумываться ни о чем, что не касалось его

профессии. Он не получил никакого образования, служил в армии с юных лет и вышел в генералы из нижних чинов. «Война составляла его стихию», – сказал о Керне генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский, автор «Описания Отечественной войны 1812 года».

Понять причины антипатии юной Анет к будущему супругу совсем не сложно. Невеста – восторженное создание, обожающее все прекрасное: искусство, музыку, литературу, жаждущее порхать на балах, блистать и очаровывать, мечтающее о возвышенной романтической любви, а жених – пожилой и грубоватый солдафон, этакий постаревший Скалозуб, максимально далекий от всего, что привлекало или могло привлечь его избранницу.

Словом, более неудачный союз трудно было себе представить. Это понимали почти все… кроме Петра Марковича. «Батюшка преследовал всех, которые могли открыть мне глаза насчет предстоящего супружества, прогнал мою компаньонку, которая говорила мне все: «Несчастная!» – и сторожил меня, как евнух, все ублажая в пользу безобразного старого генерала… Он употреблял все меры, чтобы брак состоялся, и он действительно состоялся в 1817 г., 8 января…» Эта свадьба сделала героиню нашей истории несчастной на долгие годы, «прибитой на цвету», как выражалась она сама. Хотя, с точки зрения ее отца, Керн был более чем завидным женихом. Ну, еще бы, генерал! Вот только у юной невесты было на этот счет иное мнение. Спустя несколько десятков лет она напишет в своих мемуарах:

«Против подобных браков, то есть браков по расчету, я всегда возмущалась. Мне казалось, что при вступлении в брак из выгод учиняется преступная продажа человека, как вещи, попирается человеческое достоинство и есть глубокий разврат, влекущий за собою несчастие… Ну да об этом так много писано, что нечего распространяться, тем более что никто не внемлет».

«Тут кстати заметить, что хотя чувство родительское прекрасно и священно, но власть родительская далеко не благотворна в большинстве случаев… Она направляется часто не на воспитание детей по их способностям и влечениям, а по своим соображениям устраивает их карьеру, не спросясь их желаний и наклонностей, и бросает их в брак сообразно с своими выгодами, а не с сердцем детей, и в конце концов выходит несчастие».

Всю полноту и глубину этого несчастья Анна испытала на себе.

«Его невозможно любить…»

Можно предположить, что уже с первых дней семейной жизни неприязнь, которую Анет испытывала к супругу, стала расти и крепнуть. Искать в муже достоинства молодая жена не желала, и вряд ли ее стоит за это так уж сильно упрекать. Для Анны Ермолай Керн был не доблестным генералом, не героем отечества, а человеком, который против ее воли сделал ее своей женой, однако же не проявлял к ней ни тепла, ни доброты. Она была, в сущности, совсем еще дитя, он же – более чем зрелый человек, который не просто не сумел, а не пожелал, не счел нужным ни завоевать любовь молодой супруги, ни даже просто найти подход к ней. Единственное, что он делал для нее приятного, – это дарил подарки. Материально Анет была обеспечена, у нее не имелось недостатка в нарядах и украшениях, а вначале и в развлечениях. Но вскоре все переменилось.

Первое время после свадьбы чета Кернов еще оставалась в Лубнах, где жили родители Анны. Но вскоре Анна Петровна познала все тяготы кочевой жизни супруги армейского генерала. Постоянные смены гарнизонов, переезды из города в город. Где-то Керны проводили только несколько недель, в других местах задерживались дольше – на год и более. Нетрудно себе представить, как тоскливо бывало полной энергии, жаждущей впечатлений юной женщине, вынужденно оказывавшейся практически запертой в гарнизоне какого-нибудь захолустья, где даже книг не найти и не с кем слова перемолвить. Муж обращался с молодой супругой все хуже и грубее, а ей даже некому было пожаловаться на судьбу. Периоды полного равнодушия, когда он чуть ли не забывал о существовании жены, то и дело сменялись скандалами, сценами ревности и требованиями безмолвного подчинения. Свои переживания Анна могла поверить только бумаге, в письмах к близким людям и в дневниках, но зато уж там полностью давала волю своим чувствам.

Ненавистные цепи брака

«Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе мое положение – ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения уже голова кружится, кончу книгу – и опять одна на белом

свете; муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О боже, сжалься надо мной! ‹…›

Погода нынче отвратительна, муж отправился на учения за восемь верст отсюда. До чего я рада, что осталась одна, – легче дышится. ‹…›

Никакая философия на свете не может заставить меня забыть, что судьба моя связана с человеком, любить которого я не в силах и которого я не могу позволить себе хотя бы уважать. Словом, скажу прямо – я почти его ненавижу. Каюсь, это великий грех, но кабы мне не нужно было касаться до него так близко, тогда другое дело, я бы даже любила его, потому что душа моя не способна к ненависти; может быть, если бы он не требовал от меня любви, я бы любила его так, как любят отца или дядюшку, конечно, не более того. ‹…›

Если бы я освободилась от ненавистных цепей, коими связана с этим человеком! Не могу побороть своего отвращения к нему. ‹…›

Мне ад был бы лучше рая, если бы в раю мне пришлось быть вместе с ним».

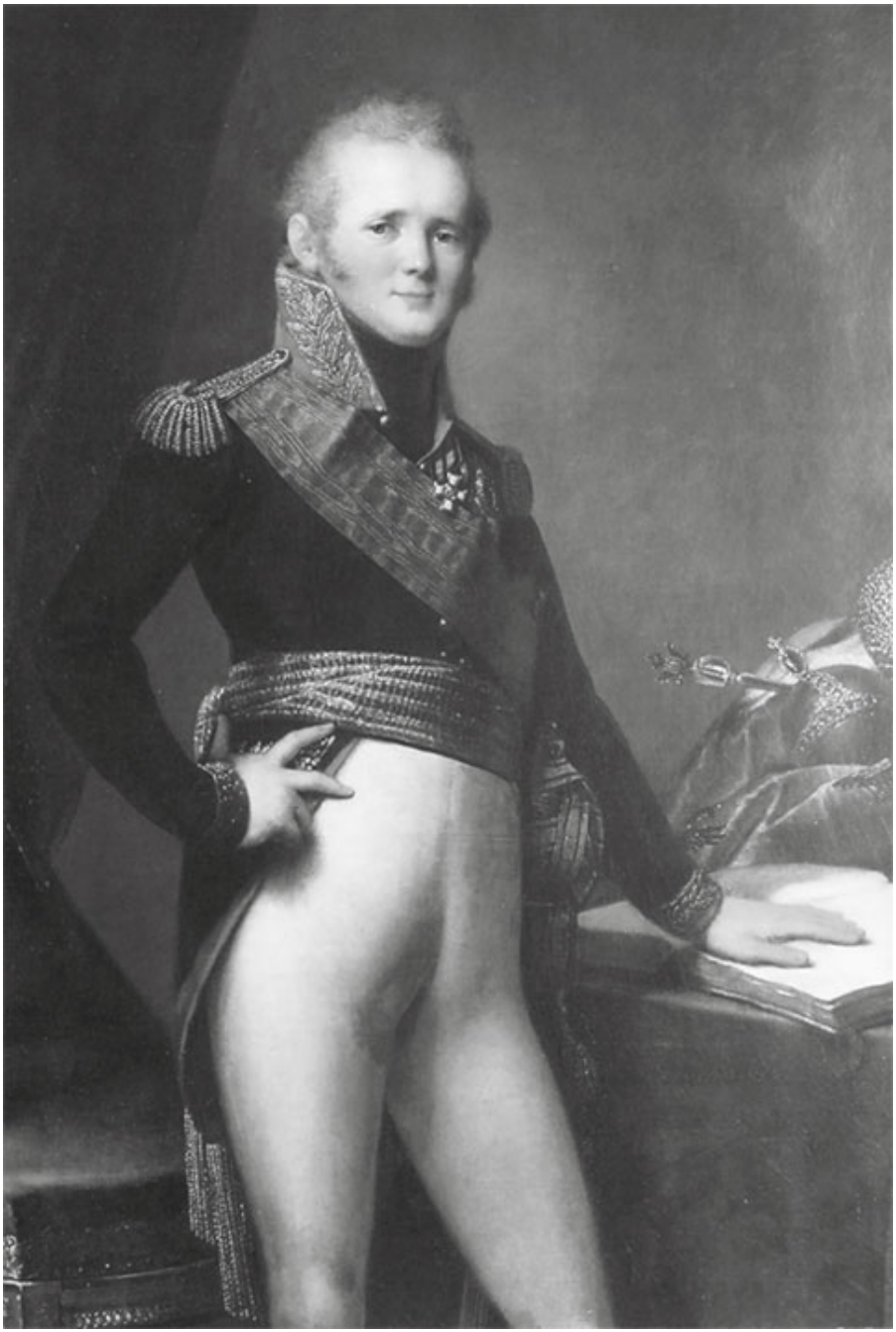
И подобных цитат можно привести еще очень много.

Так что, попадая в крупные города, Анна старалась максимально воспользоваться каждым поворотом судьбы, стремилась жить как можно более насыщенной жизнью, заводить и поддерживать знакомства с интересными людьми, выезжать в свет, блистать на балах. Она жаждала всего того же, что хотят почти все юные девушки во все времена: развлекаться, танцевать, веселиться, нравиться, флиртовать, влюбляться… Но, на свою беду, она в 18 лет была уже не девушкой, а женой и матерью. В 1818 г., спустя год после свадьбы, у нее родилась старшая дочь.

Первый Александр

Сначала юная Анна была даже рада беременности, надеясь, что появление ребенка украсит ее жизнь. Особенно приятна ей была мысль, что крестным отцом ее младенца может стать сам государь император.

Практически сразу после замужества, во время смотра войск в Полтаве, новоиспеченная генеральша Керн была представлена императору Александру I и испытала по этому поводу столь бурный восторг, что отголоски его ощущаются даже в мемуарах, написанных спустя полвека после этих встреч. Отношение юной Анет к государю во много сродни институтскому «обожанию». «Я никого не замечала, ни на кого не смотрела: разве можно смотреть по сторонам, когда чувствуешь присутствие божества, когда молятся? …Я не была влюблена… я благоговела, я поклонялась ему!..» «Не смея ни с кем говорить доселе, я с ним заговорила, как с давнишним другом и обожаемым отцом!»



Портрет императора Александра I.

Император со своей стороны тоже находил юную генеральшу очаровательной, что дает биографам право подозревать, что одними восторгами Анны это общение не ограничилось. Любвеобильность Александра I была известна всем, включая

супругу императрицу Елизавету Алексеевну. Он обращал свое августейшее внимание на многих хорошеньких женщин, независимо от сословия и национальности, а те, в свою очередь, воспринимали это исключительно как оказанную им огромную честь. Насколько велика была честь, выпавшая на долю Анет, неизвестно, но сразу после смотра войск генерал Керн получил от императора награду в 50 тысяч рублей – уж явно не за свои заслуги на параде.

После встречи с императором в Полтаве Анна с удовольствием предавалась «мечтаниям ожидающего меня чувства матери». Тут примешивалась теперь надежда, позже осуществившаяся, что император будет восприемником ребенка! Часть мечтаний сбылась, император действительно изъявил желание стать (заочно) крестным отцом новорожденной девочки, которую нарекли Екатериной.

Спустя некоторое время после рождения дочери Ермолай Керн попытался воспользоваться монаршей благосклонностью к его супруге. Впав в немилость у высшего начальства (причем в немилость вполне заслуженную, спровоцированную его же собственной дерзостью и грубым нарушением субординации), он попытался решить свои проблемы с помощью хорошенькой молодой жены. Керн спешно привез Анну в Петербург и, прослышав, что император имеет привычку по утрам прогуливаться по набережной Фонтанки, каждый день отправлял ее туда в определенные часы. Была типичная петербургская зима, ветреная и зябкая, Анна, еще окончательно не оправившаяся после родов, мерзла и сильно страдала во время этих прогулок, долгое время остававшихся совершенно бесплодными. Наконец Анна взбунтовалась, перестала ходить на набережную, но вскоре все же мельком увидела императора на прогулке, когда проезжала в карете. Спустя некоторое время Керн был прощен. После Анна еще раз виделась с императором и даже танцевала с ним на балу.

К сожалению, то самое пресловутое, «чувство матери», о котором молилась Анна, в ее душе так и не родилось. Можно предположить, что сыграла свою роль и молодость нашей героини, которая в этом возрасте просто еще не была психологически готова к материнству. Однако главный корень зла таился, разумеется, в крайне негативном отношении Анны к супругу. «Вы знаете, что это не легкомыслие и не каприз; я вам и прежде говорила, что я не хочу иметь детей, для меня ужасна была мысль не любить их и теперь еще ужасна, – пишет Анна одной из своих корреспонденток. – Вы также знаете, что сначала я очень хотела иметь дитя, и потому я имею некоторую нежность к

Катеньке, хотя и упрекаю иногда себя, что она не довольно велика. Но, по несчастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамилии, это такое непреодолимое чувство во мне, что я никакими усилиями не в состоянии от оного избавиться. Да, разумеется, иной раз дитя мое приносит мне минуты утешения, но ко всему этому всегда примешивается печаль. Это исповедь! Простите меня, мой ангел!».

Через много лет, когда Анна Петровна была уже в преклонном возрасте и почти слепой, ей прочитали только что вышедший роман Л. Н. Толстого «Война и мир», который произвел на нее очень сильное впечатление. В том числе ее душу тронуло то, что в этом произведении «между прочим, говорится о страстном, благоговейном чувстве, ощущавшемся всеми молодыми людьми к императору Александру Павловичу в начале его царствования». И она заявила: «Мне так ясно, так живо, так упоительно представилась та эпоха, и воротились те живые, никогда не забываемые мною воспоминания, о которых мне захотелось рассказать». Рассказ этот получил название «Три встречи с императором Александром Павловичем» и был впервые опубликован в журнале «Русская старина» (1870, № 3). К Александру I Анна Петровна всегда относилась с большой теплотой, трепетом и даже благоговением, только что не обожествляя его. Даже ссылку Пушкина она ставила императору в заслугу. «Я полагаю, – сказано в «Воспоминаниях о Пушкине», – что император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась».

Безусловно, нельзя не сочувствовать бедной, ни в чем не повинной маленькой Катеньке, как нельзя не сочувствовать и двум другим дочерям Анны Керн, родившимся впоследствии, которых, как выражались в те времена, не умела любить родная мать. Конечно, дети страдали, но не меньше страдала и сама Анна, которой судьба не подарила счастья материнской любви. Видимо, у Анны Петровны Керн было иное предназначение…

Мимолетное видение

Зимой 1819 г., во время той самой поездки в Петербург, когда Анет, ежась от пронизывающего ветра, каждый день гуляла по набережной, тщетно надеясь увидеть императора, и произошла ее первая встреча с Александром Сергеевичем Пушкиным. Это случилось в доме ее тетки Елизаветы Олениной, куда Анна ездила часто и с огромным удовольствием.

Еще бы, ведь там постоянно бывали литературные знаменитости, практически живые легенды тех лет: Н. М. Карамзин, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, И. М. Муравьев-Апостол! Причем бывали запросто – читали свои произведения, вели непринужденные разговоры, шутили, смеялись, играли в шарады.

Увлеченная игрой в шарады, Анна Петровна сначала просто не заметила Пушкина. Все ее внимание было поглощено Иваном Андреевичем Крыловым, который произвел тогда на юную генеральшу сильнейшее впечатление.

«Мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие, – вспоминает Керн в мемуарах. – Не помню, за какой-то фант Крылова заставили прочитать одну из его басен. Он сел на стул посередине залы; мы все столпились вкруг него, и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего «Осла!» И теперь еще мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес: «Осел был самых честных правил!»

В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и, когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?» Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла.

После этого мы сели ужинать. У Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний и, разумеется, без чинов. Да и какие могли быть чины там, где просвещенный хозяин ценил и дорожил только науками и искусствами? За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как, например: «Est-il permis d'etre ainsi jolie!» Потом завязался между ними шутливый

разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у m-me Керн, хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну как же ты теперь, Пушкин?» – спросил брат. «Je me ravise, – ответил поэт, – я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины». Вскоре ужин кончился, и стали разъезжаться. Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами».

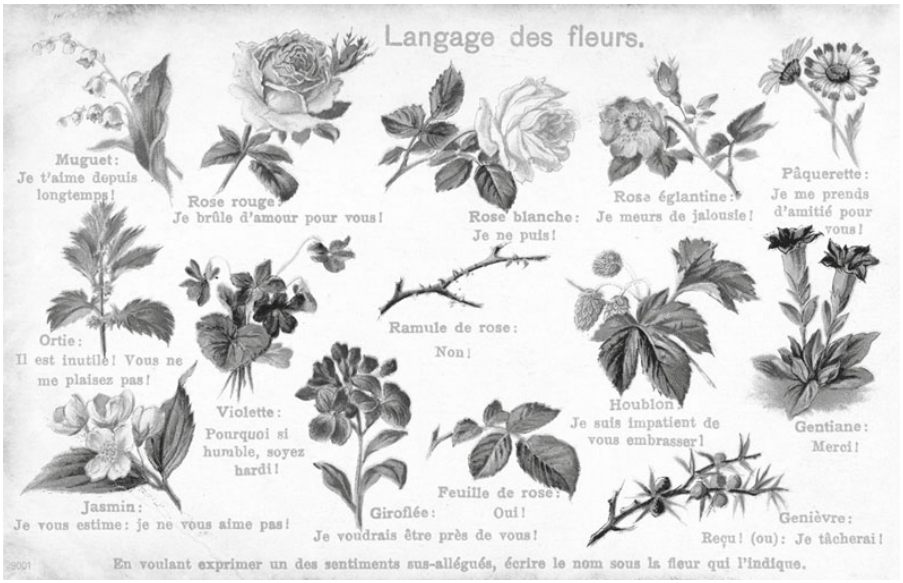
В том, что Александр Сергеевич не заинтересовал тогда Анну, не было ровном счетом ничего удивительного. Он был всего на год старше, или, как говорили в те времена, годом старее ее, еще не имел почти никакой известности, не обладал ни привлекательной внешностью, ни статью, ни галантностью молодых офицеров, к которым уже успела привыкнуть юная генеральша. Его поведение – типичное для молодых людей стремление скрыть за демонстративной раскованностью и даже дерзостью свою застенчивость – не понравилось Анне, да и не могло понравиться. Ее явно привлекала совсем другая манера ухаживания, ей хотелось романтических воздыханий и изящных комплиментов. Но в том, что сама она, напротив, произвела неизгладимое впечатление, Анна не сомневалась.

Нужно отдать должное Анне Петровне – практически во всех оставленных ею мемуарах фигура автора представлена очень скромно. Почти никогда Керн не выпячивает собственную персону, не хвастается и не «якает» чрезмерно. Но здесь перед нами тот редкий случай, когда скромность ей изменяет. При всем уважении к нашей героине никак невозможно поставить знак равенства между блестящей светской львицей, которой стала Татьяна в Петербурге, и молоденькой восторженной провинциалочкой, чуть ли не впервые оказавшейся в высшем обществе, коей была на тот момент Анет Керн. Общего между ними только одно – пожилой супруг-генерал. Этим сходство заканчивается, не успев начаться, что заставляет всерьез усомниться в том, что прототипом (по крайней мере, единственным прототипом) Татьяны Лариной стала именно она.

Далее в своих «Воспоминаниях о Пушкине» Анна Петровна пишет: «Вот те места в 8-й главе Онегина, которые относятся к воспоминаниям Пушкина о нашей встрече у Олениных». Далее она приводит известную сцену встречи Татьяны и Онегина в Петербурге:

…Но вот толпа заколебалась,

По зале шепот пробежал,
К хозяйке дама приближалась.…
За нею важный генерал.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязанья на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей;
Все тихо, просто было в ней.
Она, казалось, верный снимок
Du comme il faut… прости,
Не знаю, как перевести!
К ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей,
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей,
Девицы проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.
…
Но обратимся к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола.
…
Сомненья нет, увы! Евгений
В Татьяну, как дитя, влюблен.
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, к стеклянным сеням,
Он подъезжает каждый день,
За ней он гонится, как тень;
Он счастлив, если ей накинет
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк ливрей,
Или платок поднимет ей!



Открытки серии «Язык цветов».

«Страдания мои ужасны»

Итак, в тот раз Александру Сергеевичу еще не суждено было стать героем романа Анны Керн. Вскоре после визита в Петербург ее сердце было отдано другому – молодому егерскому офицеру, имя которого не сохранилось, потому что Анна в своем «Дневнике для отдохновения» называет его сначала Шиповником, а потом Иммортелем, используя очень модный в то время «язык цветов».

Шиповник на языке цветов означает «залечивать раны», иммортель, он же бессмертник, – «навеки твой (твоя)». Предположение, почему Анна выбрала для своего возлюбленного именно эти цветы, напрашивается само собой. Очевидно, сначала она видела в избраннике, в своем чувстве к нему избавление от тех страданий, которые испытывала в браке с ненавистным мужем. А позже, возможно, в отношении Анет к таинственному офицеру что-то изменилось или же между влюбленными произошло нечто такое, из-за чего Анна решила, что будет обожать своего избранника «до последнего своего вздоха, разумеется, однако, если он останется мне верен – свое сердце я отдаю в обмен на его».

Сцены ревности

«[Муж] …садится со мной в карету, не дает мне из нее выйти и дорогой орет на меня во всю глотку – он-де слишком добр, что все мне прощает, меня-де видели, я-де стояла за углом с одним офицером. А как увидел мое возмущение, тут же прибавил, что ничему этому не поверил. Тогда я сказала, что лучше быть запертой в монастыре до конца своих дней, чем продолжать жизнь с ним. Если бы не то, что, на вечное свое несчастье, я, кажется, беременна, ни на минуту бы с ним больше не оставалась!

Надобно вам сказать, что позднее он все же попросил у меня прощения за грубость. Бедная моя дочка, которая была с нами, так испугалась громких воплей этого бешеного человека, что с ней сделался понос. Так что мне кажется, что хотя бы ради интересов ребенка нам лучше не жить вместе, ведь для нее это дурной пример, а она уже все начинает понимать».

«Достойная» линия поведения

«Вчера после ужина у меня не было времени, чтобы написать вам о разговоре, который был у нас за столом, а между тем он достаточно интересен, чтобы вы о нем узнали. Речь шла о графине Беннигсен… Муж стал уверять, что хорошо ее знает, и сказал, что это женщина вполне достойная, которая всегда умела превосходно держать себя, что у нее было много похождений, но это простительно, потому что она очень молода, а муж очень стар, но на людях она с ним ласкова, и никто не заподозрит, что она его не любит. Вот прелестный способ вести себя. А как вам нравятся принципы моего драгоценного супруга? Он считает, что всякого рода похождения простительны для женщины, если она молода, а муж стар… любовников иметь непростительно, только когда муж в добром здравии…»

Как несложно догадаться, никакого хеппи-энда у этой романтической истории не случилось, да и случиться не могло, учитывая, что герой романа – простой офицер, а героиня – супруга генерала. К тому же генерала, обладающего тяжелым характером, ревнивого и грубого человека. Шила в мешке не утаишь, слухи в таком тесном мирке, как гарнизон, распространяются быстро. Очень скоро они достигли ушей «старого мужа, грозного мужа», в семье начались постоянные скандалы.

Между строк заметим, что предположение насчет беременности оказалось правдой. В 1821 г. у Анны Петровны родилась вторая дочь, «рыжая и хорошенькая», которую назвали так же, как и мать. Не исключено, что Керн дала второй дочери собственное имя, чтобы пробудить в своей душе теплые чувства к ребенку. Увы, это средство не подействовало. «Господь прогневался на меня, и я осуждена вновь стать матерью, не испытывая при этом ни радости, ни материнских чувств», – пишет Анна. И признается своей задушевной подруге: «Даже моя дочка не так дорога мне, как вы. И мне нисколько этого не стыдно, ведь сердцу не прикажешь, но все же я должна вам это сказать: будь это дитя от… оно бы мне дороже было собственной жизни, и теперешнее мое состояние доставляло бы мне неземную радость, когда бы… но до радости мне далеко – в моем сердце ад…»

Отчаяние Анны росло день ото дня. «Дитя мое не может меня утешить, и я в отчаянии, что оно постоянно видит меня с глазами, полными слез…» Единственное, что скрашивало ее жизнь, – это чтение. «Я по-прежнему много читаю, – что бы я без этого стала делать! Читаю романы, дабы развеяться. Что бы ни говорили против такого рода чтения, я считаю, что ничто не может лучше успокоить мои страдания». И конечно, Анну поддерживала переписка с родными. Только с некоторыми близкими людьми она могла поделиться тем, что творилось у нее на душе.

«Кто после этого решится утверждать, будто счастье в супружестве возможно и без глубокой привязанности к своему избраннику? Одни только бесчувственные, холодные, глупые женщины, кои от рождения обречены никогда не узнать, как сладостно любить и быть любимой, могут в подобном положении не чувствовать себя безмерно несчастными. А если говорить обо мне, до коей косвенно касаются все эти споры, то вы хорошо знаете, что я отнюдь не принадлежу к их числу; вам известна моя душа – пылкая и любящая до самой крайней степени. Уж не знаю, к счастью или несчастью создал ее такою бог, должно быть, к вечному моему несчастью – и, однако, я не променяла бы ее на другую. Страдания мои ужасны».

Тайный сговор

«Сейчас была у П. Керна, в его комнате. Не знаю для чего, но муж во что бы то ни стало хочет, чтобы я ходила туда, когда тот ложится спать. Чаще я от этого уклоняюсь, но иной раз он тащит меня туда чуть ли не силой. А этот молодой человек, как я вам о том уже сказывала, не отличается ни робостью, ни скромностью; вместо того чтобы почувствовать себя неловко, он ведет себя как второй Нарцисс и воображает, что нужно быть по меньшей мере из льда, чтобы не влюбиться в него, узрев в столь приятной позе. Муж заставил меня сесть подле его постели и стал с нами обоими шутить, все спрашивал меня, что, мол, не правда ли, какое у его племянника красивое лицо. Признаюсь вам, я просто теряюсь и придумать не могу, что все это значит и как понять такое странное поведение. Признаюсь вам, что я боюсь слишком дурно говорить о муже, но некоторые свойства его отнюдь не делают ему чести. Ежели

человек способен делать оскорбительные предположения насчет своего тестя и собственной жены, то он, конечно, способен позволить племяннику волочиться за ней… Мне отвратительно жить с человеком столь низких, столь гнусных мыслей. Носить его имя – и то уже достаточное бремя».

Мольба

«После того как ему не удалось уверить меня, что он в меня влюблен, он перечит мне на каждом слове, да так дерзко и неучтиво, что этого невозможно вынести».

«…Мне не с кем посоветоваться… мой собственный разум говорит мне, что, ежели я стану безропотно переносить подобные подозрения, тем самым я докажу, что я их заслуживаю. Это предел жестокости, со мной обращаются самым возмутительным образом и после этого хотят, чтобы я веселилась и появлялась на людях. Это неслыханно!»

«Нет, не могу я больше его выносить.

Этот человек [Петр Керн] посмел мне нынче сказать, будто я назначаю свидания в церквях, а он, мол, так деликатен и великодушен, что никому не позволяет худо обо мне говорить. Люди, которые знают его характер, нарочно говорят ему обо мне гадости, а он их слушает. Ради бога, ежели хотите увидеть меня еще живой, скорей пришлите мне позволение приехать к вам!» – молит Анна в письме к родным.

Семейная жизнь Кернов действительно все больше и больше напоминала ад. Генерал давно уже осознал, что молодая жена не любит его и вряд ли полюбит, и понял, что скандалами делу не помочь. Он начал искать собственные методы решения проблемы и нашел, надо сказать, весьма своеобразный способ.

К слову, на момент написания этих строк, сам Керн «в добром здравии» уже не был. Ранения и тяготы долгих походов давали о себе знать, генерала все чаще «посещало бессилие». Однако же позволить молодой супруге наслаждаться жизнью и любовью в обществе Шиповника-Иммортеля генерал отнюдь не собирался. У него была своя идея на этот счет, которая вполне могла бы

послужить сюжетом для пикантного романа. Через некоторое время в генеральском доме поселился молодой племянник Ермолая – Петр Керн, почти ровесник генеральши.

Сначала Анна нашла его вполне привлекательным, называла «милым мальчиком» и «интересным молодым человеком». Скорее всего, не обошлось и без легкого флирта, так как она пишет в дневнике, что племянник мужа любит ее, что он «…иногда говорит мне это, и все время находится подле, однако это ничуть меня не затрагивает, я чувствую, что не могу любить его истинной любовью, ибо души наши чужие друг другу, а без этого не может быть истинной любви».

Генеральский племянник

«Вчера, слава богу, мне было чуточку повеселее. П. Керну удалось рассмешить меня своими шуточками, и мы целый вечер с ним смеялись. Муж отправился спать раньше нас. Как непринужденно и свободно чувствуешь себя с тем, к кому не испытываешь никаких чувств. Он очень красивый мальчик, со мной очень любезен и более нежен, чем, быть может, хотел бы показать, и, однако, я совсем к нему равнодушна; верите мне теперь, что я люблю Иммортеля? Слушая безвкусные комплименты Керна, я все вспоминаю милое и такое красноречивое молчание моего Иммортеля…»

Казалось бы, в подобной ситуации генерал должен был бы беситься и всеми силами препятствовать общению жены с молодым родственником. Но ничего подобного. Он не только не ревновал, но, напротив, всячески содействовал их сближению.

Тем временем генерал начинал вести себя еще более странно.

Очевидно, Ермолай Керн, поняв, что не в состоянии «сделать счастие» своей молодой жены, решил, что ему легче будет видеть в ее любовниках не постороннего человека, а родственника. Что, разумеется, глубоко возмутило Анну, как возмутило бы любую другую женщину, оказавшуюся на ее месте. Ее ненависть к мужу стала еще сильнее и перешла на его племянника. А те, в свою очередь, поняв, что их план провалился, превратили жизнь Анны в нечто совершенно невыносимое. Каждая написанная ею в тот период строка – это крик отчаяния.

«Еще должна вам сообщить, что П. Керн [племянник] собирается остаться у нас довольно надолго, со мною он более ласков, чем следовало бы, и гораздо более, чем мне бы того хотелось. Он все целует мне ручки, бросает на меня нежные взгляды, сравнивает то с солнцем, то с мадонной и говорит множество всяких глупостей, которых я не выношу. Все неискреннее мне противно, а он не может быть искренним, потому что я его не люблю. Сколько бы он ни притворялся, не может и не должен он меня любить, слишком он обожает своего дядюшку, а тот совсем меня к нему не ревнует, несмотря на все его нежности, что меня до чрезвычайности удивляет, – я готова думать, что они между собой сговорились, ведь вы же знаете, какой мой муж подозрительный. Не всякий отец так нежен с сыном, как он с племянником».

В конце концов Анна взбунтовалась. «Сегодня мне пришлось довольно изрядно поспорить с моим почтенным супругом по поводу его высокочтимого племянника. Так как у них один и тот же характер, дядюшка просто души не чает в этом прелестном дитяти, и, по его мнению, во всем виновата я. Но тут я сказала ему, что не желаю быть пустым местом в его доме, что ежели он позволяет своему племяннику ни во что меня не ставить, так я не желаю тут долее оставаться и найду себе убежище у своих родителей. Он мне ответил, что его этим не испугаешь и что, ежели мне угодно, я могу уезжать, куда хочу. Но мои слова все же подействовали, и он сделался очень смирен и ласков. Тем не менее я решила, что останусь у своего отца в первый же раз, как к нему поеду. Постараюсь сделать это так, чтобы папенька не догадался, не хочу его огорчать, но ежели он спросит, я ничего скрывать от него не стану, и тогда, надеюсь, все будет кончено. Никому не убедить меня, что он меня любит, никому на свете. Я знаю, как ведут себя, когда любят».

Слова Анны об «убежище» не были пустыми угрозами, она действительно собиралась разъехаться с ненавистным мужем. Долгое время Анет не решалась просить об этом отца, ее останавливал «страх доставить неудовольствие папеньке: я была бы безутешна… зная, что из-за меня он несчастлив». И она забрасывала письмами родственников, умоляя, чтобы они сами рассказали ее отцу о том, как несчастна в браке его дочь. «Умолите его сжалиться надо мной во имя неба, во имя всего, что ему дорого», – пишет она. С точки зрения современного человека,

это кажется нелепым, но даже при столь неудавшейся семейной жизни Анна не могла без разрешения отца уехать от мужа и вернуться в родительский дом.

«Зеленая лампа»

«Зеленая лампа» – дружеское общество петербургской дворянской молодежи, существовавшее в 1819–1820 гг. Свое название общество получило из-за зеленого абажура на лампе в комнате, где происходили заседания, участники считали, что он символизирует «свет и надежду». В общество входили преимущественно литераторы (А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, Я. Н. Толстой и др.), а также военные (С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, П. П. Каверин и др.). Многие участники общества впоследствии стали декабристами, из-за чего потомки часто считают «Зеленую лампу» «вольным литературным обществом» при декабристском «Союзе благоденствия».

Глоток свободы

Осенью 1823 г. Ермолай Федорович Керн получил должность коменданта Риги и перебрался туда вместе с женой и двумя маленькими дочерями. В Риге у Анны Петровны случился бурный и красивый роман с молодым офицером лейб-гвардии Семеновского полка Иваном Петровичем Фридрихсом, «талантливым музыкантом с возвышенной душой и любящим сердцем». Не успел он приехать в Ригу, как попал в неприятную историю: сослуживец застрелил начальника из его пистолета. И хотя сам Фридрихс был ни в чем не виноват, его арестовали. Началось долгое судебное разбирательство, о котором, разумеется, знал весь гарнизон. Невинно пострадавший красавец офицер вызвал в молодой генеральше сначала интерес, затем сочувствие, а потом и любовь. Пока Фридрихс был под стражей, она посылала ему книги и фрукты, виделась с ним в церкви и даже ухитрялась ненадолго уединяться на хорах. Позже офицер заболел, и доктора настояли на том, чтобы его отпустили из-под стражи и разрешили поселиться на вольной квартире. Воспользовавшись этой возможностью, влюбленные стали встречаться в единственном месте, где не опасались быть застигнутыми врасплох, – на кладбище. И эти свидания, как вспоминала Анна Петровна, «были исполнены любви, счастья и восторженной поэзии».

Анна Николаевна Вульф.

Потом состоялся суд, Фридрихса все-таки признали виновным и приговорили к ссылке на Кавказ. Анна разрывалась между любовью и долгом, она всей душой стремилась уехать со своим избранником – но за это пришлось бы заплатить слишком высокую цену. И она осталась, хотя всю жизнь, до самой смерти, жалела, что не совершила этого решительного поступка, особенно после того, как Фридрихс умер в 1827 г.

Наверное, этот краткий и яркий, как вспышка метеора, но несчастливый роман стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Анны Петровны. Через несколько месяцев она уехала от мужа к родителям в Лубны. Это был пока еще не разрыв, а всего лишь робкая попытка отдохнуть от опостылевшей семейной жизни, соблюдая, однако же, необходимые приличия. Но даже такая сомнительная передышка позволила Анне вздохнуть свободнее, несколько воспрянуть духом… И вновь влюбиться. На этот раз героем ее романа стал сосед по имению Аркадий Гаврилович Родзянко. У Родзянко имелась семья, несколько человек детей – но в те времена подобные вещи никого не смущали. Зато Родзянко был, как отзывалась о нем Анна, «добрейшим», «милым поэтом, умным, любезным и весьма симпатичным человеком». Стихи Родзянко, «беспечного певца красоты и забавы», воспевающие эротику и тому подобные жизненные удовольствия, были, по-видимому, ярким отражением его жизнерадостной, легкой и жизнелюбивой натуры. Для Анны, всей душой жаждавшей отвлечься от кошмара жизни с ненавистным супругом, Родзянко с его веселым нравом, искрометным юмором и постоянным шутливым отношением ко всему на свете, был на тот момент просто идеальной компанией.

Анна Николаевна Вульф

Здесь, наверное, самое подходящее время, чтобы чуть подробнее рассказать об Анне Николаевне Вульф и ее, безусловно, достойной сочувствия судьбе.

Анна впервые встретилась с Пушкиным в Тригорском в 1817 г., когда обоим было по 18 лет, и эта встреча стала для нее роковой. Александр только что вышел из лицея и жаждал скорее применить на практике «науку страсти нежной», которую все это время старательно изучал в теории. Анне не повезло стать первым объектом его опытов, на котором Пушкин отработал технику обольщения. После чего поэт упорхнул прочь одерживать новые победы, а мечтательная, экзальтированная девушка осталась с разбитым сердцем.

На этом, впрочем, история не закончилась, потому что с тех пор каждые несколько лет все повторялось вновь. Пушкин встречался с Осиповыми-Вульф, иногда приезжал в Тригорское и, если в округе

не оказывалось более подходящего объекта, снова вспоминал о преданной Анне Николаевне. А та терпеливо продолжала любить его и ждать, засыпая в промежутках между редкими встречами страстными письмами на французском языке, сильно напоминающими письмо Татьяны к Онегину. Для Пушкина это был, по выражению биографа, «самый вялый и прозаический из его романов», для Анны Вульф эта любовь составляла единственный смысл ее существования.

И в молодости-то не отличавшаяся красотой, Анна быстро отцвела и состарилась, после чего Пушкин окончательно потерял к ней интерес. Она так и не вышла замуж и умерла в 1857 г., все еще сохраняя в душе чувство к человеку, который никогда не отвечал ей взаимностью.

Кроме всего прочего, он состоял в «Зеленой лампе» и был знаком с Пушкиным и «имел счастие принимать его у себя в деревне Полтавской губернии, Хорольского уезда. Пушкин, возвращаясь с Кавказа, прискакал к нему с ближайшей станции, верхом, без седла, на почтовой лошади, в хомуте…»[20]

Родзянко много рассказывал своей приятельнице о Пушкине и дал ей прочесть поэмы «Кавказский пленник», «Разбойники» и «Бахчисарайский фонтан», а также первую главу романа «Евгений Онегин», которые привели Анну в восторг. Пушкин, в свою очередь, также интересовался ею. Еще после первой встречи двоюродная сестра Анна Вульф написала ей: «Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: «Она была ослепительна»». Тогда Анна не придала этим словам особого значения, но теперь все изменилось. «Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его», – писала она в своих воспоминаниях. А так как Пушкин продолжал поддерживать тесные отношения с семьей Осиповых-Вульф, то однажды он даже сделал приписку из Байрона к одному из писем Анны Николаевны к Анне Петровне: «Une image qui a passe devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverons jamais»[21].

Однако же на этом Пушкин не остановился и вскоре написал А. Г. Родзянко (из Михайловского, где находился в это время в ссылке) письмо, в котором были и такие слова: «Объясни мне, милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь, но славны Лубны за горами. На всякий случай, зная твою

влюбчивость и необыкновенные таланты во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый… Если Анна Петровна так же мила, как сказывают, то верно она моего мнения: справься с нею об этом».

Возможно, кому-то подобное письмо показалось бы неучтивым и даже дерзким по отношению к Керн. Но ни Родзянко, ни Анна, которой он это письмо показал, таковым его не сочли и вместе написали шутливый и довольно игривый ответ.

Родзянко (обращаясь к Пушкину): «Скажи, пожалуй, что вздумалось тебе так клепать на меня? За какие проказы? За какие шалости? Но довольно, пора говорить о литературе с тобой, нашим корифеем».

Далее приписка рукой Анны Петровны: «Ей-богу, он ничего не хочет и не намерен вам сказать! Насилу упросила! Если б вы знали, чего мне это стоило!»

Родзянко: «Самой безделки: придвинуть стул, дать перо и бумагу и сказать – пишите».

Керн: «Да спросите, сколько раз повторить это должно было».

Родзянко: ««Repetitio est mater studiorum»[22]. Зачем не во всем требуют уроков, а еще более повторений? Жалуюсь тебе, как новому Оберону: отсутствующий, ты имеешь гораздо более влияния на нее, нежели я со всем моим присутствием. Письмо твое меня гораздо более поддерживает, нежели все мое красноречие».

Керн: «Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fors!»[23]

Родзянко: «А чья вина? Вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем: снова пришло давно остывшее желание иметь законных детей, и я пропал. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чем? Ради Бога, будь посредником!»

Керн: «Ей-богу, я этих строк не читала!»

Родзянко: «Но заставила их прочесть себе десять раз».

Керн: «Право, не десять».

Родзянко: «А девять – еще солгал. Пусть так, тем-то Анна Петровна и очаровательнее, что, со всем умом и чувствительностью образованной женщины, она изобилует такими детскими хитростями…»

Керн: «Вчера он был вдохновен мною! И написал сатиру – на меня. Если позволите, я ее вам сообщу.

Стихи насчет известного примирения.

Соч. Арк[адий] Родз[янко] сию минуту.

Поверьте, толки все рассудка
Была одна дурная шутка,
Хвостов [в] лирических певцах;
Вы не притворно рассердились,
Со мной нарочно согласились,
И кто, кто? – я же в дураках.
И дельно; в век наш греховодный
Я вздумал нравственность читать
И совершенство посевать
В душе к небесному холодной;
Что ж мне за все советы? –
Ах! Жена, муж, оба с мировою
Смеются под нос надо мною:
«Прощайте, будьте в дураках!»

NB: Эти стихи сочинены после благоразумнейших дружеских советов, и это было его желание, чтоб я их здесь переписала».

Над этим письмом, точнее, его толкованием биографы и пушкиноведы сломали не один десяток копий. Одни видят в нем всего лишь забаву беззаботных молодых людей, другие – откровенное признание Анны Петровны в том, что она хочет как можно короче познакомиться с Александром Сергеевичем и попутно намекает ему, что хотя и замужем, но обладает достаточной свободой, и хотя и состоит в близких отношениях с Родзянко, но уже начала тяготиться этой связью. Как всегда, наверное, истина находится где-то посередине, но где именно – пусть читатель решает для себя сам.

Музей-усадьба «Тригорское».

«И вот опять явилась ты…»

К началу лета 1825 г. Анна Петровна поняла, что относительная свобода, так прельщавшая ее полтора года назад, приносит больше забот, чем радостей. Родные, особенно отец, попрекали ее тем, что она уехала от семьи, в обществе косо поглядывали на замужнюю даму, которая не живет с супругом, но находится в подозрительно близкой дружбе с соседом по имению, отношения с Родзянко зашли в тупик, так как обремененный семьей избранник не мог, да, возможно, и не хотел предложить своей любовнице ничего большего, чем адюльтер. К тому же материально Анна полностью зависела от мужа, и к этому времени ее финансовые дела были окончательно расстроены. Ей ничего не оставалось, кроме как вернуться к супругу и искать примирения. Впрочем, перед этим важным шагом Анна решила съездить за советом и поддержкой к людям, которых всегда любила и уважала, – в семью Осиповых-Вульф, к кузине и давней подруге Анне Николаевне и ее матери Прасковье Александровне в Тригорское.

Неизвестный художник. Портрет П. А. Осиповой-Вульф.

После смерти первого мужа, родного дяди Анны Петровны по матери, Николая Вульфа, Прасковья Александровна вышла замуж второй раз за статского советника Ивана Сафоновича Осипова. Их семейная жизнь была благополучной, но недолгой, за год до описываемых событий Осипова-Вульф снова овдовела. С тех пор она почти не покидала Тригорское (Псковская губерния). Личностью Прасковья Александровна была незаурядной. Сама неплохо образованная (владела тремя языками), она постаралась дать хорошее образование и всем своим детям, была отличной хозяйкой и мудро управляла имением, однако же была очень строга и даже деспотична, как с крепостными крестьянами, так и

со всеми своими детьми.

Особого внимания заслуживают отношения Прасковьи Александровны с Пушкиным, с которым она состояла в дальнем родстве. П. А. Осипова всегда очень тепло относилась к поэту, одной из первых оценила его литературный талант и поверила в его большое будущее. Всю жизнь, несмотря ни на что, она оставалась его хорошим другом, была в курсе всех его дел и пыталась по мере возможности помогать ему в трудные минуты, в том числе и материально. Некоторые пушкинисты предполагают, что их отношения имеют амурный оттенок. Другие горячо возражают против этого, уверяя, что, по отзывам современников, Прасковья Александровна была глубоко религиозной и высоконравственной женщиной, и ее любовь к Пушкину, скорее всего, носит чисто родственный характер и чем-то сродни материнской. Так, она мечтала выдать за него замуж одну из своих дочерей, сначала Анну, потом Евпраксию, но этим планам не суждено было сбыться.

Прасковью Александровну Осипову-Вульф считают создательницей первого музея в России, посвященного Пушкину. Перед смертью она завещала сжечь всю свою переписку, кроме писем Пушкина. Кроме того, она сохранила в своем доме в Тригорском портреты и вещи, связанные с памятью об Александре Сергеевиче. Эти вещи и документы стали основой современной экспозиции Тригорского, части музея-заповедника «Михайловское».

В то лето в тригорском доме Вульфов жила большая семья, по выражению одного из гостей, «прекрасный букет дам и девиц»: Прасковья Александровна, ее взрослые дочери – уже неоднократно упомянутая Анна и Евпраксия[24], две младшие дочки, бывшие тогда еще детьми, падчерица Александра, которую в семье называли Алиной[25], и приехавшая погостить Анна Керн. Разбавлял это женское царство единственный мужчина: старший сын Осиповой Алексей Вульф, который вернулся домой на вакации, то есть каникулы, – он в то время еще учился военному делу на физико-математическом факультете знаменитого Дерптского университета (ныне Тарту). Анне Керн в то лето было 25 лет, Алексею – 20, но он, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же принялся активно ухаживать за своей кузиной.

Евпраксия Вревская, урожденная Вульф.

Пушкин и Алексей Вульф

Старший сын П. А. Осиповой Алексей Николаевич

Вульф (1805–1881), офицер, мемуарист, близкий друг поэтов Н. М. Языкова и А. С. Пушкина.

Общение Пушкина и Вульфа в Тригорском и Михайловском во многом напоминает общение Онегина и Ленского, за исключением того, что в романе поэтом является младший из друзей, тогда как в жизни было наоборот. Стихов Алексей Николаевич не писал, но долгое время вел дневники, в которых красочно описывал как собственные любовные похождения, так и любовные похождения своего близкого окружения, куда входил в том числе и Пушкин. На правах старшего товарища, Пушкин первое время был наставником Вульфа во всех вопросах, связанных с прекрасным полом. Во время ссылки в Михайловском поэт развлекался тем, что обучал своего молодого соседа искусству очаровывания и соблазнения. Забегая вперед, скажем, что учеником Алексей оказался весьма способным и в чем-то даже превзошел своего учителя.

Наверное, нет нужды напоминать читателю, что недалеко от Тригорского находилось Михайловское, имение Пушкина, где поэт как раз в ту пору жил постоянно, поскольку был отправлен туда в ссылку за вольнодумство и высказанные в переписке крамольные мысли.

Скучая в деревне, Александр Сергеевич постоянно бывал в гостях у Осиповых-Вульф, приезжал то верхом, то на крестьянской телеге, иногда приходил и пешком и даже забирался в дом через открытые в теплую погоду окна. По утверждению близкого друга Пушкина А. И. Тургенева, Александр Сергеевич провел в Тригорском «лучшие минуты своей поэтической жизни». По собственному признанию Пушкина, его влекли в этот дом царившие там «беспечная веселость, праздный шум, говор, смех, гремевший в нем круглый день от утра до ночи, и все маленькие интриги, вся борьба молодых страстей, кипевших в нем без устали».

О каких страстях и интригах идет речь, догадаться несложно, зная о том, что Анна, старшая из барышень, была безнадежно влюблена в Пушкина, а тот хоть и не думал отвечать ей взаимностью, но и не давал угаснуть этому огню, и при этом одновременно очаровал и ее совсем еще юную сестру Зизи, и их сводную сестру Алину. Выражаясь образно, можно сказать, что Пушкин ездил в Тригорское влюбляться и вдохновляться, как другие помещики ездили к соседям играть в карты.

Знала ли Анна Керн о том, что обязательно встретится в Тригорском с Пушкиным? Безусловно, знала, да и не скрывала, что знает. «Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его…» – написала она в своих мемуарах. Так что не исключено, что желание получить мудрый совет от тетушки и кузины Анны стало только предлогом, а истинной целью посещения Тригорского была именно встреча с поэтом, чей образ уже давно будоражил воображение Анны Керн.

И они встретились. Впервые это произошло за обедом, когда Пушкин вошел под дружный смех (смеялись над одним из гостей, соседским помещиком Рокотовым, с которым, к слову, Анна тоже флиртовала).

«Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, – и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре, говоря: «Ai-je ete assez vulgaire aujoud'hui!»[26]. Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его… Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротою и увлекательностью его речи. …Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество».

Алексей Вульф.

Нам остается только гадать, чем вызвано такое странное и противоречивое поведение Александра Сергеевича. Быть может, он действительно был сражен очарованием Анны и влюбился в

нее с первого (точнее, уже со второго) взгляда. Не исключено, что это было частью плана соблазнения, согласно «науке страсти нежной». Но возможно, что поэт просто был выбит из колеи тем, что психологи называют несоответствием ожиданий и реальности. Из доходивших до него слухов об Анне и переписки с Родзянко у Пушкина уже мог сложиться образ легкомысленной и легкодоступной женщины, однако ж при встрече Анна не показала себя таковой. Как не показала себя и записной кокеткой, несмотря на то что за короткое время успела вскружить голову и Вульфу и Рокотову.

По воспоминаниям Анны Петровны можно представить, что она вела себя с поэтом довольно сдержанно и хотя явно восторгалась им, но, судя по всему, на тот момент это было только восхищение поэтом, а никак не зарождающееся чувство к мужчине. «Однажды с этою целью явился он в Тригорское с своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаивала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический…»

Ни о каких иных чувствах, пробужденных поэтом в ее душе, Анна не пишет. Очень возможно, что их тогда и не было, этих чувств – по крайней мере, чувства влюбленности. Но, безусловно, Керн была польщена тем, что произвела на Пушкина впечатление «глубокое и мучительное», как он написал ей впоследствии. И это неудивительно, если дать себе труд чуть ярче представить ситуацию. Пушкин давно в ссылке, вдали от света, привычного круга общения, почти изолирован от общества. Если не считать Вульфов, почти все его окружение «в деревне» таково, что встречам с этими людьми он предпочитает одиночество и уезжает на гнедом жеребце с заднего крыльца каждый раз, когда гости приближаются к переднему. Барышни в Тригорском, конечно, очаровательны, они прельщают Пушкина своей невинностью, свежестью, влюбленностью в него – юной, трогательной и наивной. И вот на этом фоне, словно яркая комета на звездном небе, появляется Анна Керн. Опытная, привлекательная 25-летняя женщина в расцвете красоты, очень соблазнительная, чувственная и знающая, что такое любовь, не только по французским романам. Ее глаза, как выразился сам Александр Сергеевич, смотрят с «терзающим и сладострастным выражением», смех завораживает и манит, слова бывают вольными и даже смелыми…

Но при всем при этом Анна держала себя неприступно и строго, потому что и тогда (да и впоследствии) ухитрялась, несмотря ни на что, сохранять присущую ей какую-то особую чистоту, всегда быть, независимо от обстоятельств, выше всего грязного и пошлого. Пушкиноведы часто говорят о том, что Александр Сергеевич делил женщин на две категории: «мадонн» и «вакханок». Анна Керн не относилась ни к одному из этих типажей, потому что сочетала в себе в равной степени черты их обоих. Было от чего потерять голову…

Музей-усадьба «Михайловское».

В гостях у тетки Анна Петровна пробыла около месяца, и все это время Пушкин часто, почти каждый день появлялся в Тригорском. Однако, судя по всему, наедине они практически не бывали, все встречи происходили за чаем, чтением, музицированием и играми, в которых участвовала вся семья.

В один из вечеров в доме Вульфов затеяли модную в то время забаву – «теневые портреты». Делалось это при помощи свечи, которая ставилась сбоку от «натурщика»: тень от его профиля на листе бумаги или даже просто на стене обводилась карандашом, затем полученный силуэт заштриховывался. До настоящего времени сохранилось три сделанных в то лето теневых портрета: Евпраксии Вульф, Анны Вульф и Анны Керн. Дата «1825» поставлена рукой Алексея Вульфа, и это наводит на предположение, что автором «портретов» мог быть именно он.

Однажды теплым погожим вечером Прасковья Александровна предложила после ужина прогуляться в Михайловское. Поехали в двух экипажах, в одном из которых вместе оказались две кузины Анны и Пушкин. «Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным, – пишет Керн. – Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: «J'aime la lune quand elle eclaire un beau visage»[27], хвалил природу и говорил, что он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал при нашей первой встрече А. Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых дерев, корни которых, сплетясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: «Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin a Madame»[28]. Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: «Vous avez un air si virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?»[29]».

«Венецианская ночь»

Анна хорошо пела, и Пушкин был совершенно очарован ее исполнением на мотив баркаролы стихотворения Ивана Козлова «Венецианская ночь»:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой.
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной…

«Скажи от меня Козлову, – написал Пушкин своему другу, поэту и литературному критику Петру Плетневу, – что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива, – я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задушевность – по крайней мере, дай бог ему ее слышать!»

Этот единственный из известных в то лето тет-а-тет Пушкина и Керн сильно возбуждает фантазию биографов. Какими только событиями, якобы оставшимися за кадром, не насыщает их богатое воображение недолгую ночную прогулку поэта и его музы! А меж тем, скорее всего, в тот вечер между ними действительно не произошло ровным счетом ничего столь выдающегося, что потребовало бы особого внимания и специального описания. Это становится ясно из их дальнейшей переписки, которой суждено было начаться уже через несколько дней.

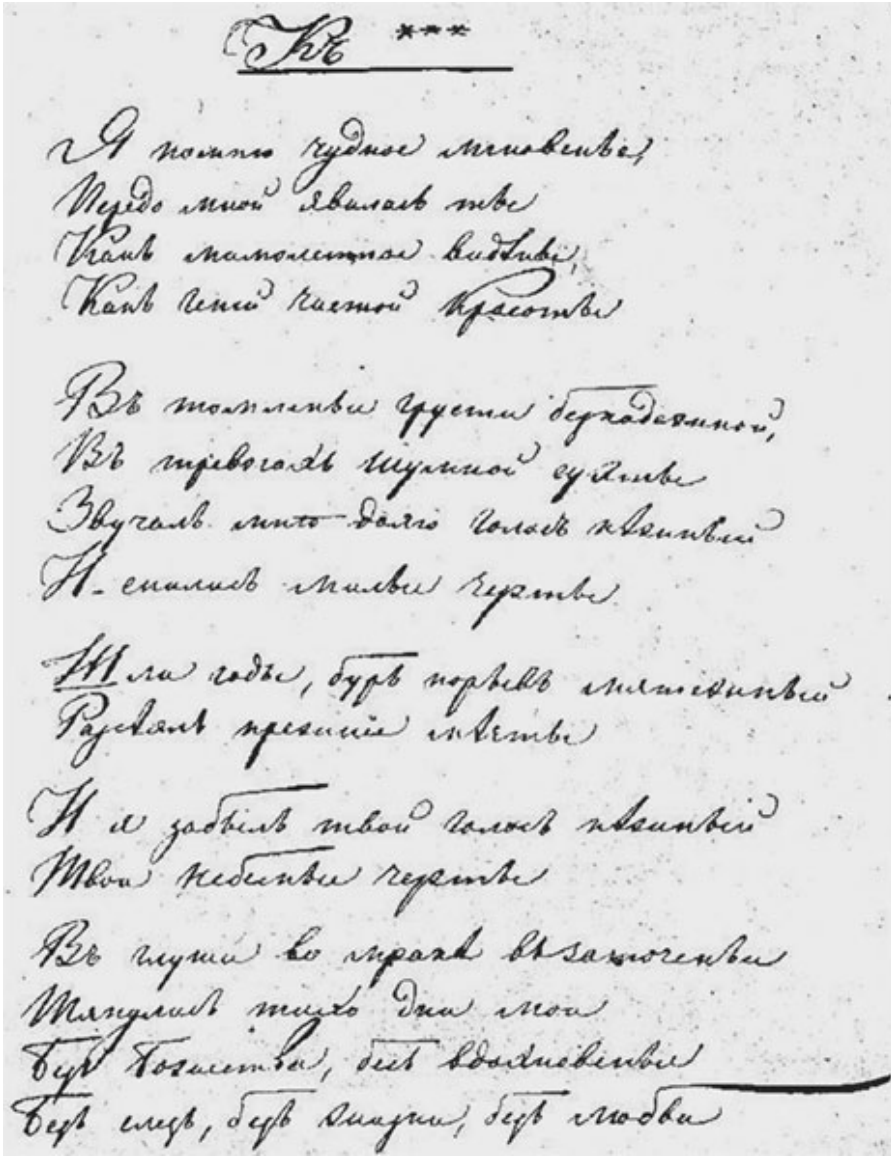
«Теневой портрет» (силуэт) Анны Керн, 1825 год. Музей А. С. Пушкина в Торжке (филиал Тверского государственного

объединенного музея).

«К***»

Прогулка в Михайловское произошла буквально накануне отъезда. На другой же день Прасковья Александровна с двумя Аннами – дочерью и племянницей – собиралась ехать в Ригу, где в тот момент находился Ермолай Керн.

Из воспоминаний Анны Керн непонятно, был ли их отъезд запланированным или внезапным, так что этот момент тоже вызывает споры у исследователей. И большинство все-таки склоняется к тому, что решение покинуть Тригорское Прасковья Александровна приняла спонтанно, после того как оценила силу влечения Пушкина к Анне и испугалась последствий. Во-первых, если бы между Анной и Александром случился бы роман, то о возможности примирения супругов Керн и восстановлении доброго имени генеральши можно было бы забыть. А во-вторых… Хотя, вероятно, для Прасковьи Александровны это было главным мотивом – в Тригорском и без Анны образ Пушкина безраздельно царил слишком во многих женских сердцах. Однако пока от драмы спасало то, что герой всеобщего романа любил всех сразу – и никого конкретно. Но если бы у него появилась одна-единственная избранница, которую поэт предпочел бы всем остальным, это могло бы очень плохо закончиться. Немного странно, конечно, выглядит тот факт, что П. А. Осипова сама предложила на ночь глядя поехать в Михайловское и сама отправила парочку прогуляться вдвоем по темному саду. Может быть, таким образом она проверяла их и осталась недовольна результатами проверки?


К***

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты

В томленьи грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты

Шли годы, бурь порывы мимолетные
Разбили прежние мечты

И я забыл твой голос нежный
Твои небесные черты

В глуши, во мраке заключенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья
Без слез, без жизни, без любви

*Рукописный текст стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновение»).*

Отъезду Анна Петровна особенно не противилась. Конечно, в привольном Тригорском, вдали от ненавистного мужа, среди близких людей и поклонников, в числе которых состоял и знаменитый поэт, ей было куда как лучше, чем рядом с мужем, в четырех стенах гарнизонной, пусть и генеральской, квартиры. Но она хорошо понимала, что злоупотреблять гостеприимством родственников нельзя. Жить ей не на что, собственных средств у нее нет, рано или поздно все равно придется вернуться к супругу.

Можно предположить, что сыграли свою роль и запутанные отношения Пушкина с ее сестрами, о которых Анна не могла не знать или, во всяком случае, не догадываться. Анна Вульф рассказывала ей о своей несчастной любви к поэту, интерес Алины и юной Евпраксии тоже, наверное, не так уж трудно было заметить. Вполне вероятно, что Анна, будучи по натуре человеком добрым и простым, далеким от интриг и подлости, решила не стоять у них на пути.

Ее спокойное, почти равнодушное отношение к отъезду – еще один аргумент в пользу того, что никакой сердечной привязанности к Пушкину Анна (пока!) не испытывала. Если бы было по-другому, то такая пылкая натура, какой была наша героиня, бесспорно, проявила бы себя совсем иначе. Но она пишет об отъезде как о чем-то будничном, безразличном, само собой разумеющемся.

> *С того момента, как было написано это стихотворение, минуло уже почти два столетия. Но споры о том, было ли оно посвящено Анне Керн, и если не ей, то кому, не утихают до сих пор. Каких только предположений не высказывали пушкинисты за это время! Есть гипотезы, что речь в стихотворении идет не о какой-то реальной женщине, а о некоем обобщенном идеальном образе, о творческом вдохновении, Мадонне, Красоте, Истине и даже чуть ли не Вселенной. Порой, когда читаешь такие работы, трудно избавиться от мысли, что авторы не стремятся установить истину. Однако всем этим домыслам противопоставляется единственный факт: в собственноручно составленном Пушкиным списке стихотворений 1816–1827 гг. стихотворение «Я помню чудное мгновенье…» имеет заголовок «К А. П. К[ерн], прямо указывающий на ту женщину, которой оно посвящено.*

«На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он [Пушкин] пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы Онегина[30], в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

«Я помню чудное мгновенье…»»

А дальше нас ждет очередная загадка. Потому что:
«Когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический

подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю».

Причина столь непонятного поступка Александра Сергеевича – еще одна любимая тема спора биографов. Кто-то считает, что именно в момент вручения стихов Пушкин вдруг осознал, что Анна Петровна – совсем не та идеальная «прекрасная дама», которой он увидел ее в своем поэтическом воображении. Другие утверждают, что поступок был продиктован ревностью – очевидно, Пушкин догадался не только о том, что безразличен Анне как мужчина, но и о том, что у него появился счастливый соперник, его друг и кузен Анны Алексей Вульф, тот самый ученик, превзошедший своего учителя. Третьи же находят самое банальное объяснение – как любой творец, Пушкин просто не был доволен своим произведением, родившимся быстро, за одну ночь, не был уверен в том, что оно окончательно завершено и готово к показу публике.

Что было причиной на самом деле, мы уже никогда не узнаем. Это так и останется еще одним секретом в целой череде загадок и тайн, связанных с именем Пушкина.

«Умоляю вас, божественная, пишите мне, любите меня»

Вначале жизнь Анны Петровны в Риге, как выражались в те времена, вполне устроилась. Так или иначе генеральше удалось помириться с мужем (скорее всего, не без помощи приехавшей с ней тетки), и Анна поселилась с ним в доме коменданта рижской крепости (цитадели). Тетя и любимая двоюродная сестра гостили у Кернов, приезжал «по-родственному» навестить кузину и Алексей Вульф. Вероятно, именно в этот период между ними начался бурный роман. Справедливости ради стоит отметить, что чувство Алексея к кузине было глубоким и искренним. Несмотря на все бурные любовные похождения и длинный донжуанский список, он на всю жизнь сохранил привязанность к ней и однажды написал в своем дневнике: «…никого я не любил и, вероятно, не буду так любить, как ее».

Причиной некоторого «забвения» Алексея Вульфа, возможно, была завязавшаяся переписка с Пушкиным. Перед отъездом Керн из Тригорского поэт попросил разрешения писать ей, муза это позволила и даже более того – сберегла для потомков все эти послания, написанные по-французски. Во многом письма Пушкина носят шутливый характер, они остроумны, ироничны, местами озорны, что заставляет многих исследователей усомниться как в серьезности самих посланий, так и в серьезности чувств, под влиянием которых они были созданы. Однако, несмотря на шутливый тон, письма, адресованные Анне Керн, весьма выразительны и страстны, полны ревности и пылких признаний, и то изысканны, то дерзки настолько, что порой кажутся почти оскорбительными, особенно по отношению к третьим лицам.

«Не покидайте меня!»

Отношение Вульфа к Анне отлично иллюстрирует письмо к ней, отправленное 1 октября 1825 г. из Дерпта: «Вот уже целая вечность, что Вы мне не пишете! Что Вы меня забыли, дорогой друг?.. Вы более спокойны – это ли причина Вашего молчания? Не знаю, что я пишу Вам; нет, неправда, я не забыт, – скажите да! Ведь Вы так добры, – наверно есть какая-то другая

причина для Вашего молчания!.. Вместо Вашего я получил письмо от моей матери; она говорит о Вас; например, она пишет: «один Загрядский и один Дадианов» заменяют на минуту опасного кузена… Кто этот последний? Вы мне скажете это, не правда ли?.. Не покидайте меня! Я ничего не прошу! Только это забвение, – оно ужасно!»

«…Я бешусь, и я у ваших ног!»

«Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы – легкомыслие или кокетство позволить мне это. Переписка ни к чему не ведет, я знаю; но у меня нет сил противиться желанию получить хоть словечко, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня наша встреча у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, – это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого, но ветреность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуетесь, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу.

Прощайте, божественная; я бешусь, и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклон г-ну Вульфу».

«Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, что вы прочтете это письмо тайком – спрячете ли вы его у себя на груди? Ответите ли мне длинным посланием? Пишите мне обо всем, что придет вам в голову, – заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем – сердце мое сумеет вас угадать. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, увы! – я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же».

«Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. (Поделом ему!) Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него сделался приступ – подагры, подагры! Это моя единственная надежда!»

«Перечитывая снова ваше письмо, я нахожу в нем ужасное «если,» которого я сначала не приметил: если моя кузина останется, то осенью я приеду и т. д. Ради бога, пусть она останется! Постарайтесь развлечь ее, ведь ничего нет легче; прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее, а когда настанет время ехать, досадите ей, отбив у нее воздыхателя; опять-таки, ничего нет легче».

«Что делаете вы с вашим кузеном? Напишите мне об этом. Только вполне откровенно. Отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я недолюбливаю этих студентов так же, как и г-н Керн. Достойнейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т. д.; один только у него недостаток – то, что он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе представить, как не могу вообразить рая».

«Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбил себе в голову, что получу от вас письмо. Этого не случилось, и я в самом собачьем настроении, хоть и совсем не справедливо: я должен быть благодарным за прошлый раз, знаю; но что поделаешь? Умоляю вас, божественная, снизойдите к моей слабости, пишите мне, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезным».

«Прощайте! Сейчас ночь, и Ваш образ встает передо мною, такой печальный и сладостный; мне чудится, что я вижу Ваш взгляд, Ваши полуоткрытые уста. Прощайте – мне чудится, что я у Ваших ног, сжимаю их, ощущаю Ваши колени, – я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте и верьте моему бреду; он смешон, но искренен».

«Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уж не ревнует ли он, часом? Что ж, клянусь вам, он не был бы неправ; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина, конечно, вольна… быть вольной[31]. Боже мой, я не собираюсь читать вам нравоучения, но все же следует уважать мужа, иначе никто не захочет состоять в мужьях. Не принижайте слишком это ремесло, оно необходимо на свете. Право, я говорю с вами совершенно чистосердечно. За 400 верст вы ухитрились возбудить во мне ревность; что же должно быть в 4 шагах? (NB: Я очень хотел бы знать, почему ваш двоюродный братец уехал из Риги только 15-го числа сего месяца, и почему имя его в письме ко мне трижды сорвалось у вас с пера? Можно узнать это, если это не слишком нескромно?) Простите, божественная, что я откровенно высказываю вам то, что думаю: это – доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но, в конце концов, он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, бога ради, отказов, отказов и отказов), и он будет у ваших ног – место, которому я от всей души завидую, но что поделаешь?»

«…Как бы то ни было, но вы непременно должны приехать осенью сюда или хотя бы в Псков. Предлогом можно будет выставить болезнь Аннеты. Что вы об этом думаете? Отвечайте мне, умоляю вас, и ни слова об этом Алексею Вульфу… я люблю вас больше, чем вам кажется… Вы приедете? – не правда ли? – а до тех пор не решайте ничего касательно вашего мужа. Вы молоды, вся жизнь перед вами, а он… Наконец, будьте уверены, что я не из тех, кто никогда не посоветует решительных мер – иногда это неизбежно, но раньше надо хорошенько подумать и не создавать скандала без надобности».

«Поговорим серьезно, т. е. хладнокровно: увижу ли я вас снова? Мысль, что нет, приводит меня в трепет. Вы скажете мне: утешьтесь. Отлично, но как? Влюбиться? Невозможно. …Покинуть родину? Удавиться? Жениться? Все это очень хлопотливо и не привлекает меня… А главное, не лишайте меня надежды снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в другую. Чуть не забыл: я только что написал Нетти[32] письмо очень нежное, очень раболепное. Я без ума от Нетти. Она наивна, а вы нет. Отчего вы не наивны?»

Пушкин действительно писал в то время не только самой Анне, но и ее тетке, и кузине. Разумеется, многие строки в этих письмах имели самое прямое отношение к Анне Петровне. Но если сестры, которым удалось, несмотря ни на что, сохранить свою дружбу, рассказывали друг другу о прочитанном, то Прасковья Александровна, судя по всему, просто не знала, как ей быть в этой ситуации, и вела себя крайне непоследовательно. Сначала она просто не отдала и даже не дала племяннице прочитать адресованное Анне послание, которое было вложено в конверт с письмом к ее тетке. Потом отчего-то пропустила несколько писем Пушкина, но затем прочитала одно из них (а также письмо Анны к ее сыну Алексею), устроила племяннице скандал, рассорилась с ней и в конце лета уехала из ее дома.

То, что его письмо, не предназначенное для чужих глаз, было прочитано посторонним человеком, сначала вызвало у Пушкина досаду. Однако позже он сумел найти в этой ситуации и забавную сторону, затеял что-то вроде игры и отправил Анне послание, якобы адресованное ее тетке:

«Да, сударыня, пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает. Ах, эти люди, считающие, что переписка может к чему-то привести. Уж не по собственному ли опыту они это знают? Но я прощаю им, простите и вы тоже – и будем продолжать.

Ваше последнее письмо (писанное в полночь) прелестно, я

смеялся от всего сердца; но вы слишком строги к вашей милой племяннице; правда, она ветрена, но – терпение: еще лет двадцать – и ручаюсь вам, она исправится. Что же до ее кокетства, то вы совершенно правы, оно способно привести в отчаяние. Неужели она не может довольствоваться тем, что нравится своему повелителю г-ну Керну, раз уж ей выпало такое счастье? Нет, нужно еще кружить голову вашему сыну, своему кузену! Приехав в Тригорское, она вздумала пленить г-на Рокотова и меня; это еще не все… вы сообщаете мне, что в деле замешаны еще и мундиры! Нет, это уж слишком… Но, сударыня, думаете ли вы всерьез, что она кокетничает равнодушно? Она уверяет, что нет, я хотел бы верить этому, но еще больше успокаивает меня то, что не все ухаживают на один лад, и лишь бы другие были почтительны, робки и сдержанны, – мне ничего больше не надо. Благодарю вас, сударыня, за то, что вы не передали моего письма: оно было слишком нежно, а при нынешних обстоятельствах это было бы смешно с моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мне дерзостью, и решительно порву с ней всякие отношения; пусть не говорят, что я старался внести смуту в семью, что Ермолай Федорович может обвинять меня в отсутствии нравственных правил, а жена его – издеваться надо мной…

Прощайте, сударыня. С великим нетерпением жду вашего приезда… мы позлословим насчет Северной Нетти, относительно которой я всегда буду сожалеть, что увидел ее, и еще более, что не обладал ею. Простите это чересчур откровенное признание тому, кто любит вас очень нежно, хотя и совсем иначе».

«Никакого не было камня…»

Трудно поверить в то, что чувства Пушкина к Анне Керн в тот период могли оказаться взаимными. Безусловно, ей очень льстило внимание такого заметного и популярного человека, безусловно, она получала истинное удовольствие от их оживленной остроумной переписки. Но, весьма вероятно, что этим все и ограничивалось.

К великой досаде потомков, ответные письма Анны Керн к Пушкину не сохранились. Однако по отрывкам его собственных посланий не так уж сложно сделать некоторые предположения о том, что именно писала его собеседница.

«Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная!.. а потом: ах, мерзкая! Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее. Например, что вы хотите сказать, говоря о печатке, которая должна для вас подходить и вам нравиться (счастливая печатка!) и значение которой вы просите меня разъяснить? Если тут нет какого-нибудь скрытого смысла, то я не понимаю, чего вы желаете?»

«Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? Очень он мне нужен – разве у хорошеньких женщин должен быть характер? Главное – это глаза, зубы, ручки и ножки (я прибавил бы еще – сердце, но ваша кузина очень затаскала это слово)».

«Вы говорите, что вас легко узнать; вы хотели сказать – полюбить вас? Вполне с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик. Это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побранить вас. Если мы когда-нибудь увидимся, обещайте мне… Нет, не хочу ваших обещаний: к тому же письмо – нечто столь холодное, в просьбе, передаваемой по почте, нет ни силы, ни взволнованности, а в отказе – ни изящества, ни сладострастия».

«…Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое

главное, не говорите мне о стихах…»

И прочее в таком духе.

Выводы напрашиваются сами собой. Анна пишет о пустяках – Пушкину хочется видеть в ее словах какой-то скрытый смысл, но его там нет. Пушкин жаждет ее любви, обожания, ответной страсти – Анна же ясно дает понять, что восхищена лишь его поэзией, но не им самим как человеком и как мужчиной. Она указывает на то, что он совсем не знает ее, не представляет, что она за человек, какой у нее характер, – Пушкин отвечает, что в женщинах его подобные вещи не особо-то интересуют (разумеется, это шутка, но, как известно, в каждой шутке есть доля правды).

Кстати, в его письмах действительно немало подтверждений того, что он плохо знает ту, в которую считает себя влюбленным, и довольно смутно представляет себе ее личность и даже уровень ее умственного развития. Так, в одном из писем он наглядно объясняет ей, что такое писать по диагонали, насчет другого же (того самого, якобы адресованного тетушке) просит: «Ради бога не отсылайте г-же Осиповой того письма, которое вы нашли в вашем пакете. Разве вы не видите, что оно было написано только для вашего собственного назидания?» Но если насчет диагоналей еще можно как-то предположить, что воспитанницы м-lle Benoit не были знакомы даже с основами геометрии, то уж во втором случае просьба Пушкина выглядит явно излишней. Может, Анна Петровна и была женщиной невеликого ума, как считали некоторые современники и повторяют следом за ними биографы, но такой глупости, как показать тетке письмо, которое оскорбило бы Прасковью Александровну, рассорило бы ее и с Пушкиным, и (окончательно) с племянницей, Анна уж точно бы не сделала.

И не исключено, что как раз все это Анну Петровну не устраивало. Умом ли она понимала, сердцем ли чувствовала, но догадывалась, что, несмотря на весь пыл летящих из Михайловского писем, сама она, как человек, Пушкину совершенно не интересна и по большому счету вовсе не нужна. Да, возможно, поэт влюблен, и влюблен страстно, но только не в нее, реально существующую молодую генеральшу, чахнущую в браке с постылым мужем и жаждущую понимания, тепла и гармонии, как душевной, так и физической, в отношениях с любимым мужчиной. Пушкин любил в ней некий вымышленный образ, созданный его воображением, свой идеал, свой «гений чистой красоты», свою музу. И в этом аспекте очень показательной выглядит ситуация с «камнем на столе».

В самом первом письме из Михайловского в Ригу, адресованном другой Анне, еще не Керн, а Вульф, поэт пишет:

«Все Тригорское поет «Не мила ей прелесть ночи», и у меня от этого сердце ноет. …Каждую ночь я гуляю в своем саду и говорю себе: «Здесь была она…» Камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле увядшего гелиотропа. Наконец я много пишу стихов. Все это, если хотите, крепко похоже на любовь, но божусь вам, что о ней и помину нет. Будь я влюблен, я бы, кажется, умер в воскресенье от бешеной ревности, а между тем мне просто было досадно[33]. Но все-таки мысль, что я ничего не значу для нее, что, заняв на минуту ее воображение, я только дал пищу ее веселому любопытству, мысль, что воспоминание обо мне не нагонит на нее рассеянности среди ее триумфов и не омрачит сильнее лица ее в грустные минуты, что прекрасные глаза ее остановятся на каком-нибудь рижском фате с тем же пронзающим и сладострастным выражением, – о, эта мысль невыносима для меня… Скажите ей, что я умру от этого… нет, лучше не говорите, а то это восхитительное создание станет смеяться надо мною. Но скажите ей, что если в сердце ее не таится сокровенная нежность ко мне, если нет в нем таинственного и меланхолического влечения, то я презираю ее – слышите ли – презираю, не обращая внимания на удивление, которое вызовет в ней такое небывалое чувство».

Оставим на совести великого поэта тот факт, что не слишком-то красиво было рассказывать влюбленной в него женщине о чувствах к другой (пусть даже и с уверениями, что это не любовь, а только «крепко на нее похоже») и обратим внимание на увядший цветок и камень на столе. «Веточку гелиотропа он точно выпросил у меня», – пишет в мемуарах Анна Керн. Но «никакого не было камня в саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревьев». Пушкин, напомню, был рядом и видел, как она споткнулась, но вообразил себе всю сцену по-своему, нашел где-то камень, назначил его виновником падения и торжественно водрузил на стол. И выглядит это как-то уж слишком символично. В какой-то степени его «страстная любовь» к Анне Керн так же создана богатым поэтическим воображением, как этот самый камень на столе, о который на самом деле никто не спотыкался. Бурные эмоции служили для Пушкина источником вдохновения – известно, что после встречи в Тригорском Пушкин вновь стал много писать после долгого перерыва, создал несколько стихотворений, работал над «Борисом Годуновым» и продолжением «Онегина». Анна Керн как человек, как реальная личность, была совсем ни при чем. Не будь ее, воображение поэта нашло бы другую музу.

Пушкин много писал о том, что жаждет снова увидеться с Анной. С одной стороны, это было правдой, ему действительно

очень хотелось завоевать ее. То, что Анна осталась единственной из обитательниц Тригорского, не поддавшейся его чарам (и это при том, что она ответила взаимностью Вульфу!), сильно уязвляло мужское самолюбие Александра Сергеевича, считавшего себя неотразимым соблазнителем. Но с другой стороны, Пушкин вряд ли собирался действительно помогать Анне, которая уже вновь задумалась о разрыве с мужем, на этот раз окончательном. Сильно сомневаюсь, что если бы она вдруг поддалась на его уговоры, бросила бы мужа и приехала в Михайловское, поэт принял бы ее, поселил у себя и предоставил все то, в чем нуждалась бы женщина, оказавшаяся в столь щепетильной ситуации. Однако же подобные предложения от него к ней поступали, пусть и в привычно шутливом тоне.

Великолепный проект

> ***«Если ваш супруг очень вам надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там все семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете… куда? В Тригорское? Вовсе нет, в Михайловское! Вот великолепный проект, который уже с четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: «А огласка, а скандал?» Черт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит или значит очень мало. Согласитесь, что проект мой романтичен! Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полета и пр. и пр. Представляете себе удивление вашей тетушки? Последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком, это хороший способ сделать дружбу менее пресной, а когда Керн умрет, вы будете свободны как воздух… Ну что вы на это скажете? Не говорил ли я вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный!»***

На предложения поэта Анна, разумеется, не согласилась. Тем не менее разрабатывала (и не без участия Пушкина) свои собственные планы. Сначала они обсуждали возможность выдать замуж Анну Вульф, чтобы ее кузина могла «иметь пристанище» в ее доме. Но позже они от этой затеи отказались и придумали новый «проект», предполагавший сначала поездку Анны либо в Псков, либо в Петербург, а затем – новое посещение Тригорского.

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей…

В начале октября 1825 г. Анна Керн вновь приехала в Тригорское, но на этот раз в сопровождении мужа. Официальным поводом для этого визита стало намерение помириться с тетушкой Прасковьей Александровной.

Любопытно, что инициатива этого визита примирения исходила от генерала. «Керн предложил мне поехать. Я не желала, потому что, во-первых, Пушкин из угождения к ней (П. А. Осиповой-Вульф. – *Авт.*) перестал писать, а она сердилась. Я сказала мужу, что мне неловко поехать к тетушке, когда она сердится. Он, ни в чем никогда не сомневающийся, как следует храброму генералу, объявил, что берет на себя нас примирить. Я согласилась. Он устроил романическую сцену в саду (над которой мы после с Анной Николаевной очень смеялись). Он пошел вперед, оставив меня в экипаже. Я через лес и сад пошла после и упала в объятия этой милой, смешной, всегда оригинальной маленькой женщины, вышедшей ко мне навстречу в толпе всего семейства. Когда она меня облобызала, тогда все бросились ко мне, Анна Николаевна первая. Пушкина тут не было. Но я его несколько раз видела. Он очень не поладил с мужем, а со мною опять был по-прежнему и даже больше нежен, хотя урывками, боясь всех глаз, на него и меня обращенных».

О причинах «неполадок с мужем» догадаться несложно. Наверняка Пушкин, славившийся своей несдержанностью, сгоряча сказал о Керне что-то не то, вспыхнула ссора… В итоге, видимо, соперников худо-бедно помирили, но, как говорится, осадок остался. Генерал и раньше чувствовал неладное, а теперь и вовсе не спускал глаз с жены, стараясь ни на минуту не оставлять Анну и поэта наедине. Столь же ревностно следили за обоими Анна Вульф и Прасковья Александровна – видимо, у каждой из них нашлись для этого свои причины. Но, как гласит предание, Пушкин и Анна даже в такой обстановке нашли способ побеседовать без свидетелей.

В библиотеке усадьбы Михайловского хранился небольшой двухтомник эпистолярного романа Варвары Юлии фон Крюденер «Валери». Известно, что Пушкин любил это произведение, упомянул его среди других книг, которыми зачитывалась Татьяна Ларина, и назвал в примечаниях к «Евгению Онегину»

прелестным. Издание это (с многочисленными карандашными отметками на полях и подчеркиванием отдельных фраз ногтем) сохранилось, и в XX в. литературоведы доказали, что все эти пометки были сделаны Пушкиным.

Сентиментальный роман «Валери» рассказывает о страстной любви молодого человека к замужней женщине, о его тщетных попытках бороться с запретным чувством, долгой разлуке и печальной кончине вдали от избранницы, которую герой так и не сумел забыть и умер с ее именем на устах.

> *В 1859 г. Анна Петровна в письме П. в. Анненкову, автору первой научной биографии Пушкина, объяснила это так: «Вы видели из писем Пушкина, что она [П. А. Осипова] сердилась на меня за выражение в письме к Алексею Вульфу: «Je meprise ta mere»[34]».*
>
> *Не очень понятно только, каким образом это письмо попало к Осиповой. Вряд ли его показал ей сын. Скорее всего, сама Прасковья Александровна считала себя вправе заглядывать в интимную корреспонденцию собственных детей.*

Подчеркнутые фразы и комментарии при известной доле фантазии можно сложить в своего рода «зашифрованное письмо». Оно начинается со слов: «Увы, буду ли я когда-нибудь любим!» Далее следует описание прекрасной внешности Валери, ее чудесного пения во время прогулки на гондоле по Бренте (той самой Бренте, о которой пела и Анна), разного рода мыслей и переживаний героя, мук испытываемой им ревности и так далее. Отдельные моменты этого своеобразного «письма» напрямую перекликаются с известными подробностями взаимоотношений Александра и Анны. Так, место, где описан восторг героя после получения письма от Валери, подчеркнуто дважды – и карандашом, и ногтем. Роман Крюденер заканчивается предсмертным письмом героя. Рядом с ним, со словами: «Ты была самой жизнью моей души: после разлуки с тобой она лишь изнемогала. В мечтах я вижу тебя такой, какой знал прежде. Я вижу лишь тот образ, который всегда хранил в сердце, который мелькал в моих снах, который я открывал своим горячим молодым воображением во всех явлениях природы, во всех живых существах. Я любил тебя безмерно, Валери!» – стоит карандашная приписка: «Tout cela au presents»[35].

В неожиданной связи с текстом «письма» оказалась и дарственная надпись на шмуцтитуле второго тома, сделанная неизвестным лицом чернилами, на французском языке: «Мадемуазель Ольге Алексеевой. Увы, одно мгновение, одно

единственное мгновение… всемогущий Бог, для которого нет невозможного; это мгновение было так прекрасно, так мимолетно… Чудная вспышка, озарившая жизнь как волшебство». Трудно не заметить переклички между этими словами и стихотворением о чудном мгновении.

Однако этот своеобразный «разговор» был, судя по всему, единственным во время той встречи Пушкина и Анны Петровны. Чета Керн пробыла в Тригорском всего несколько дней, после чего они вновь вернулись в Ригу.

«Цветы последние»

Буквально через день или два после отъезда супругов Керн, 16 октября 1825 г., Пушкин написал стихотворение «Цветы последние милей», вариант которого сохранился в альбоме Прасковьи Александровны Осиповой под названием «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П. от П. О.».

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

Важно упомянуть, что Прасковья Александровна присылала Пушкину цветы каждый день. Это делалось даже во время ее отсутствия. То есть сам по себе это был факт будничный, повод, вряд ли достойный для написания стихов. И неудивительно, что литературоведы видят в этих стихах отражение разочарования поэта от встречи с Анной. Видимо, он так ждал этого «сладкого свидания», так надеялся на него, но действительность оказалась много хуже и прозаичнее мечтаний. Встреча прошла так неудачно, что даже разлука показалась живее, поскольку была скрашена перепиской.

В последнее время, в свете современной моды на «клубничку», в описаниях биографии Анны Керн все чаще можно встретить намеки разной степени тонкости на то, что никто из ее детей не был рожден от законного супруга. Генерал-де был уже в летах, да и здоровье ослаблено походами и ранениями, а дочери у генеральши рождались именно в период ее романов. Мол, разве случайно государь император стал восприемником Катеньки, подобно тому, как Фамусов крестил «у вдовы, у докторши». И Анна-младшая появилась на свет как раз в то время, когда чуть не все записи в дневнике ее матери посвящены некому Шиповнику… А уж Ольга – та и вовсе родилась спустя девять месяцев после визита Анны в Тригорское. Разве это не говорит о том, что ее отцом был Пушкин?

Видимо, все же не говорит, если принять во

внимание факты. Если бы у Анны была хотя бы тень сомнения в том, кто отец Екатерины, вряд ли бы она перенесла на дочь свою неприязнь к мужу. Насчет того, что загадочный офицер никак не мог быть родителем Анны, тоже есть неоспоримые свидетельства, они в этой книге уже упоминались. Что же касается Ольги, то откуда она вообще могла бы взяться, если Анна ездила осенью в Тригорское с мужем, который не спускал с нее глаз? Да и, судя по собственному свидетельству Пушкина, его первая близость с Анной случилась много позже. Так что, разумеется, он никак не мог быть отцом Ольги. Чего, впрочем, нельзя сказать об Алексее Вульфе…

Переписка Пушкина и Керн продолжалась и после второй встречи в Тригорском, в ней сохранялись и прежний тон, и прежние темы. Так, когда Керн в начале зимы 1825 г. прислала ссыльному поэту томик Байрона, который ему очень хотелось иметь, Александр Сергеевич ответил письмом:

«Я никак не ожидал, что вы вспомните обо мне, и благодарю вас за это от всей души. Теперь Байрон получил в глазах моих новую прелесть, и все героини его примут в воображении моем те черты, которых нельзя позабыть. В Гюльнаре и Лейле я буду видеть вас… Итак, вы, опять вы посылаетесь мне судьбою и проливаете очарование на мое уединение, – вы, ангел утешения… Но я неблагодарный, потому что смею еще роптать… Вы едете в Петербург – теперь мое изгнание тяжелее для меня, чем когда-либо. Может быть, недавно случившаяся перемена сблизит меня с вами, но я не смею надеяться на это. Надежде нельзя верить: она – хорошенькая женщина, которая обращается с нами, как со старым мужем. Кстати, моя милая фея, что делает ваш? Знаете ли, что в его образе я представлял себе всех врагов Байрона, в том числе и жену его?»

Вскорости последовали еще письма «Я снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, а подчас ненавижу, что третьего дня я рассказывал о вас ужасные вещи, что я целую ваши прекрасные ручки, и снова целую их, в ожидании больших благ, – что положение мое невыносимо, что вы божественны и проч. и проч. и проч.».

«Не правда ли, что в письмах я гораздо любезнее, чем в натуре? Но приезжайте в Тригорское, и я обещаю вам, что буду необыкновенно любезен. Я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, проворен и ловок в четверг, пятницу, субботу и воскресенье – я буду всем, чем вы

прикажете, и целую неделю у ваших ног».

Отъезд в Петербург в этом письме упомянут небрежно, словно вскользь, а между тем он был одной из важнейших вех в судьбе Анны Петровны. Все попытки примирения с супругом и налаживания совместной семейной жизни потерпели крах, отношения с мужем, вместо того чтобы наладиться, еще больше обострились.

«Его низость до того дошла, что в мое отсутствие он прочитал мой дневник, после чего устроил мне величайший скандал. Он вчера мне заявил, что, ежели я чувствую себя такой несчастной, нечего мне было и возвращаться, раз уж он меня отпустил, а он, разумеется, оставил бы меня в покое и не стал бы ни приезжать за мной, ни принуждать меня жить с ним, раз я все время колеблюсь. Чем больше я его узнаю, тем яснее вижу, что любит он во мне только женщину, все остальное ему совершенно безразлично». Что скрывается за деликатным оборотом «любит во мне только женщину», понять нетрудно – похоже, совсем не о любви идет речь. Что же касается слов, что Анне не стоило возвращаться, то они явно были сказаны в пылу эмоций: как станет ясно из дальнейших событий, разрыва Керн не хотел. Но генеральша к этим словам прислушалась и совет мужа приняла.

В конце 1825 г. Анна окончательно решилась расстаться с Ермолаем Керном и уехать от него. Смелость и отчаянность этого шага трудно преувеличить. Тем более если учесть тот факт, что в момент разрыва Анна Керн ждала третьего ребенка.

Разрыв с мужем означал скандал, расставание с детьми, несмываемое пятно на репутации и прочие трудности, в том числе и материальные. Но он давал Анне Петровне свободу. Свободу жить, ни на кого не оглядываясь, общаться с интересными людьми, к которым Анну всегда тянуло, свободу любить или, по крайней мере, искать любовь. И Анна Керн отважилась на этот поступок, воплотив в жизнь стремление, которое созрело у нее очень давно, еще в первые годы замужества: «…судьба моя связана с человеком, любить которого я не в силах и которого… почти ненавижу. Я бы убежала… только бы избавиться от этого несчастья – разделять судьбу с таким грубым, неотесанным человеком… если бы я освободилась от ненавистных цепей, коими связана с этим человеком! Не могу побороть своего отвращения к нему!»

Е. А. Плюшар. Ольга Сергеевна Пушкина, в замужестве Павлищева.

«Темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа…»

Итак, зимой 1825/26 г. беременная Анна Петровна приехала в Петербург и поселилась вместе с родителями и сестрой Елизаветой на набережной Фонтанки у Обухова моста в доме, когда-то принадлежавшем ее прадеду Федору Полторацкому.

Кстати, здесь же, в Петербурге, в Смольном институте, воспитывалась и ее старшая дочь, восьмилетняя Катя. Где в это время находилась вторая дочь, Аня, в точности неизвестно. Одни биографы считают, что она осталась с отцом; другие утверждают, что она так же, как и сестра, воспитывалась в Смольном, приводя в качестве довода отрывок из написанного как раз в это время письма Пушкина к Керн: «Вы пристроили ваших детей – это прекрасно. Но пристроили ли вы вашего мужа? Последний – гораздо большая помеха». Однако, как известно, в Смольный институт не принимали девочек до шести лет, а Анне-младшей было только четыре года. Возможно, она воспитывалась где-то еще. В любом случае очень скоро жизнь этой девочки трагически оборвалась: весной 1826 г. она умерла. Хоронили ее родители Анны Петровны, Петр Маркович и Екатерина Ивановна Полторацкие. Мать на печальной церемонии не присутствовала, в ее положении (оставалось всего лишь несколько месяцев до родов) это было бы очень тяжело – и физически, и психологически.

Ксавье де Местр. Надежда Осиповна Пушкина.

Неизвестный художник. Портрет П. П. Базена.

Но, если не считать этой трагедии, жизнь Анны Петровны в тот период стала очень интересной, насыщенной и, можно сказать, даже счастливой. Вырвавшись наконец из плена ненавистного супружества, обретя долгожданную волю, Анна с головой окунулась в вихрь событий и впечатлений, которыми щедро одарил ее Петербург. Ни в свете, ни тем более при дворе замужнюю даму, сбежавшую от супруга, разумеется, не принимали. Но Анне посчастливилось встретить людей, которые закрыли глаза на ее сомнительную репутацию и приняли участие в ее судьбе, благодаря чему в ее жизни начался новый, яркий и

бурный период. «При воспоминании прошедшего я часто и долго останавливаюсь на том времени, – писала она в мемуарах, – которое… отметилось в жизни общества страстью к чтению, литературным занятиям и… необыкновенною жаждою удовольствий». Нетрудно догадаться, что речь здесь на самом деле идет не столько об обществе, сколько о ней самой.

Приехав в Петербург, Анна Петровна на удивление быстро сошлась и подружилась с семьей Пушкина (с которой была в дальнем родстве), произведя самое приятное впечатление на его сестру Ольгу и мать Надежду Осиповну. Существует гипотеза, что некоторое время она даже жила у родителей поэта на набережной Фонтанки, у Семеновского моста, в доме Устинова. Некоторые биографы уверяют, что Керн искала расположения этого семейства настойчиво, чуть ли не с маниакальным упорством, стремясь во что бы то ни стало оказаться поближе к Александру Сергеевичу. Другие справедливо возражают, что особой нужды в этом не имелось – интерес и симпатия поэта и так были ею завоеваны.

Из нескольких сохранившихся писем того периода Надежды Осиповны к Анне Керн, в которых мать поэта называла свою корреспондентку «дорогая и добрейшая моя Анета», известно, что Керн помогала Пушкиным в поисках новой квартиры.

«До чего же я обязана вам, любезнейшая моя, дорогая Анета, за то, что вы так аккуратно отвечаете мне и хлопочете по моему поручению… моя милая, добрая Анета, постарайтесь подыскать нам квартиру, не смущаясь тем, что первые две нам не подошли. Мне самой это обидно – я так люблю Фонтанку. Однако хватит на сегодня толковать о квартирах. Позвольте мне немного попенять вам, что вы так мало пишете о себе; вы ничего не говорите, принимаете ли вы ванны, которые должны были принести вам облегчение; что поделываете? С кем встречаетесь? Все так же ли вы ленивы ходить пешком? Как ваши денежные дела? Извольте ответить на все эти вопросы, которые лишь свидетельствуют о том, с каким живейшим интересом я отношусь ко всему, что касается до вашей прелестной особы».

А. О. Орловский. Лев Сергеевич Пушкин, 1820-е гг.

7 июля 1826 г. Анна Петровна родила дочь, которую назвали Ольгой – весьма вероятно, в честь сестры Александра Сергеевича, которая была ее крестной матерью. Крестным отцом стал генерал-майор Петр Петрович Базен[36], очень интересный человек, по разносторонней одаренности и образованности сравнимый с М. В. Ломоносовым. Между ним и генеральшей Керн существовала долгая взаимная привязанность, за которой многим современникам и потомкам-биографам виделось нечто большее, чем дружба.

Было ли это действительно так, сейчас уже невозможно

сказать определенно. Анна Петровна отвечала взаимностью далеко не всем поклонникам, а пленяла многих, очень многих – даже в тот период, несмотря на свое «интересное положение», и уж тем более после рождения третьей дочки. В числе ее ухажеров оказался и родной брат Пушкина Лев Сергеевич, Леон, как называли его в семье. В начале января 1827 г. А. А. Дельвиг написал Пушкину: «Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву…» Провожали Льва, поступившего юнкером в драгунский полк, на Кавказ, где в то время шли боевые действия. Завязался ли за этот год между ним и Керн роман, неизвестно, многие исследователи в этом сомневаются. Пушкин, однако, предполагал такую возможность и даже разработал своеобразный план мести.

В одном из своих многочисленных писем к поэту от 2 июня 1826 г. Анна Николаевна Вульф сообщает: «…недавно [получила] большое послание от вашей сестры, написанное ею совместно с Анетой Керн; обе они очарованы друг другом. Лев пишет мне в том же письме тысячу нежностей, и, к великому своему удивлению, я нашла также несколько строк от Дельвига, доставивших мне много удовольствия. Мне кажется, однако, что вы слегка ревнуете ко Льву. Я нахожу, что Анета Керн очаровательна, несмотря на свой большой живот, – это выражение вашей сестры… Вы хотите на «предмете» Льва выместить его успех[37] у моей кузины. Нельзя сказать, чтобы это свидетельствовало о вашем безразличии к ней».

О том, что Александр Сергеевич все еще не был безразличен к Анне, свидетельствует и его собственное письмо к Алексею Вульфу от 7 мая 1826 г.: «Что делает вавилонская блудница Ан[на] Петр[овна]? Говорят, что Болтин[38] очень счастливо метал против почтенного Ерм[олая] Фед[оровича]. Мое дело – сторона; но что скажете вы?» Увидев клеймо «вавилонской блудницы» на той, которую совсем недавно, меньше года назад, поэт сам же называл «гением чистой красоты», современному читателю трудно не вспомнить анекдот о том, что мужчина обвиняет женщину в легком поведении только тогда, когда эта женщина ему отказала. Эти слова – не что иное, как проявление ревности и досады, недаром они написаны в письме к Вульфу, бывшему другом Пушкина, но все еще остававшемуся любовником Керн. Роман Вульфа с Анной Петровной (именно так, по имени-отчеству, Алексей называл ее в своем дневнике), судя по этому самому дневнику, продолжался с некоторыми перерывами до начала 1829 г., до того момента, пока Алексей из-за безденежья не отправился служить в армию. Однако это была

связь уже скорее по привычке, страсть с обеих сторон поутихла, из пылких влюбленных Алексей и Анна превратились в так называемых друзей-любовников. Анна не скрывала от него своих новых увлечений и знала, что Вульф одновременно крутил романы и с сестрой Керн Лизой, и с ее новой подругой Софьей Михайловной, женой Антона Дельвига[39].

К. Шлезингер. Портрет Софьи Дельвиг, 1820–1830-е гг.

«Вторая жена» и «безномерный муж»

С Антоном Дельвигом Анна познакомилась, вероятно, еще в Лубнах. Отец барона служил в Полтавской губернии и общался там с генералом Керном как раз в период его женитьбы на Анне. Известно, что Дельвиг навестил отца сразу после выпуска из лицея в 1817 г. Зимой или весной Анна Петровна встретилась с ним вновь, познакомилась с его женой, и вскоре это знакомство переросло в дружбу.

Жена Антона Дельвига Софья Михайловна тоже была яркой и незаурядной личностью, человеком одаренным, но слишком впечатлительным и легкомысленным. Она рано лишилась матери и воспитывалась в пансионе, где не только хорошо училась, но и мечтала о любви и тайком зачитывалась романами, которые ученицы ухитрялись, вопреки всем запретам, проносить в дортуары и прятать под подушками. Впрочем, любимым ее автором был не кто-то из французских романистов, а «несравненный Пушкин». Софья знала наизусть все им напечатанное и была так увлечена его творчеством, что П. А. Плетнев, бывший в то время ее преподавателем словесности, в шутку называл ее Александрой Сергеевной.

Почти сразу после выхода из пансиона у нее произошел бурный роман с Константином Гурьевым, весьма скандальной фигурой своего времени.

Константин Гурьев, крестник цесаревича Константина, был принят в Царскосельский лицей вместе с Пушкиным, Дельвигом и остальными их однокашниками, хотя и был моложе большинства из них на год или даже на два (родился в 1801 г.). По отзывам наставников, он был «с хорошими дарованиями, боек, смел, чрезвычайно пылок, беглого ума, услужлив, но при малейшем поводе суров, вспыльчив, сердит, дерзок и нескромен».

Хорошенький, озорной и изобретательный Гурьев быстро сделался близким другом Пушкина и заводилой большинства проказ лицеистов. Бытует мнение, что далеко не все эти проказы были невинными детскими шалостями, о чем недвусмысленно повествует стихотворение Пушкина «Красный тюльпан», где говорится:

Везде искал его следов,
Об нем задумывался нежно,
Весь день интимной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал…

Судя по всему, герой этих стихов – именно Гурьев. В Царскосельском лицее Гурьев проучился недолго, через год его отчислили после того, как застали с двумя друзьями в самый разгар «интимной встречи». Возмутил лицейское руководство не сам факт «счастья тайных мук», об этом педагоги знали и закрывали глаза на такую пикантную подробность жизни молодых людей, изолированных от женского общества. Причиной стало место свидания – в зале для торжеств, прямо под бюстом императора Александра I (в том самом зале, который увековечил на своем полотне Илья Репин). Гурьева исключили, но с деликатной формулировкой «возвращен родителям», и не за что-нибудь, а за «греческие вкусы». По свидетельствам очевидцев, юный Пушкин, узнав об исключении друга, несколько дней проплакал в своей постели и впоследствии посвятил Гурьеву грустное стихотворение «Слеза».

Портрет Антона Дельвига работы неизвестного художника.

О дальнейшей судьбе Гурьева известно немного: он сумел по протекции попасть в кавалергарды, позднее служил дипломатом и умер сравнительно молодым.

Следующим претендентом на внимание Софьи был декабрист Петр Каховский[40], который сватался к ней, получил отказ от ее отца и уговаривал избранницу бежать с ним, но безуспешно.

> ***Об Антоне Антоновиче Анна пишет в своих воспоминаниях так: «Дельвиг соединял в себе все качества, из которых слагается симпатичная личность. Любезный, радушный хозяин, он сумел***

осчастливить всех, имевших к нему доступ. Благодаря своему британскому юмору он шутил всегда остроумно, не оскорбляя никого. …Кроме прелести неожиданных, импровизированных удовольствий, Дельвиг любил, чтобы при них были и хорошее вино, и вкусный стол. Он с детства привык к хорошей кухне; эта слабость вошла у него в привычку. …В его поэтической душе была какая-то детская ясность, сообщавшая собеседникам безмятежное чувство счастия, которым проникнут был сам поэт. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкин. …Я никогда не видела его скучным или неприятным, слабым или неровным. Один упрек только сознательно ему можно сделать – это за лень, которая ему мешала работать на пользу людей. Эта же лень делала его удивительно снисходительным к слугам своим… он на них рукой махнул, и, если б они вздумали на головах ходить, я думаю, он бы улыбнулся и сказал бы свое обычное: «Забавно!»».

30 октября 1825 г. Софья вышла замуж за барона Антона Дельвига и устроила в своем доме литературно-музыкальный салон, где собирались поэты и любители музыки и романса.

«Приятно жилось в это время, – вспоминала Анна Керн. – Баронесса приходила ко мне по утрам: она держала корректуру «Северных цветов». Мы иногда вместе подшучивали, переменяя заглавия у стихов Пушкина, например: «Кобылица молодая» мы поставили «Мадригал такой-то». Никто не сердился, а всем было весело. Потом мы занимались итальянским языком, а к обеду являлись к мужу…»

Знакомство с Анной Керн произвело на Софью неизгладимое впечатление, она была восхищена и очарована ею. Зимой 1829/30 г. она постоянно писала о ней своей подруге по пансиону: «Из дам вижу более всех Анну Петровну Керн; муж ее – генерал-майор, комендант в Смоленске; она несчастлива, он дурной человек, и они вместе не живут около трех лет. Это добрая, милая и любезная женщина 28 лет; она живет в том же самом доме, что и мы, почему мы видимся всякий день; она подружилась с нами и принимает живое участие во всем, что нас касается, а следовательно, и в моих друзьях…»

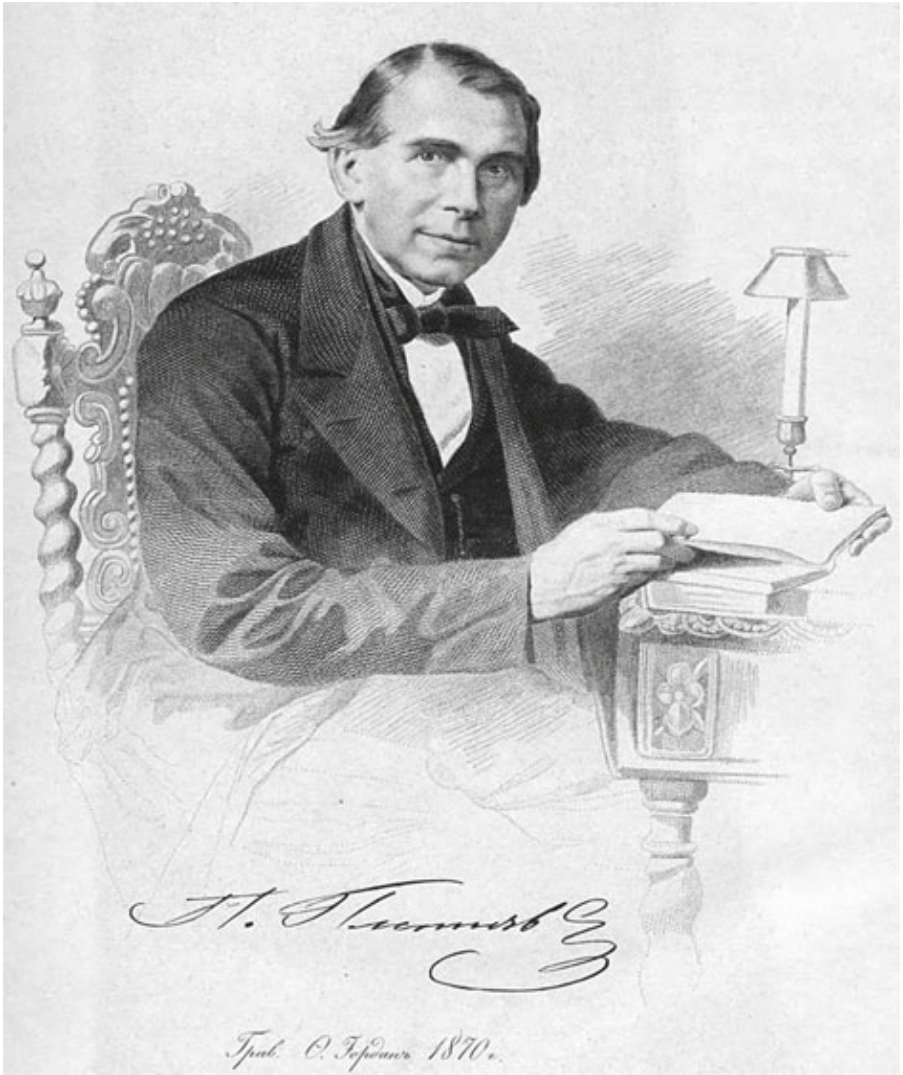
«Она живет здесь из-за своей старшей дочери, девочки 11 лет, которая в монастыре. Она должна была поместить ее туда, чтобы

спасти ее от плохих забот ее отца, который взял бы ее к себе при их разъезде. Ты знаешь, что это так водится. Это очаровательная женщина, повторяю это еще раз…»

Взаимная симпатия между Анной Петровной и четой Дельвигов оказалась столь сильной, что Керн действительно поселилась в одном доме с Дельвигами на Загородном проспекте, в доме купца Кувшинникова (дом № 3, ныне, к сожалению, не сохранившийся). Друзья проводили вместе много времени. «Однажды Дельвиг и его жена, – вспоминала Анна Петровна, – отправились, взяв с собою и меня, к одному знакомому ему семейству; представляя жену, Дельвиг сказал: «Это моя жена», и потом, указывая на меня: «А это вторая». Шутка эта получила право гражданства в нашем кружке, и Дельвиг повторил ее, надписав на подаренном мне экземпляре поэмы Баратынского[41] «Бал»: «Жене № 2 от мужа безномерного»».

Анна Петровна и Софья Михайловна сделались задушевными подругами. Они не расставались по целым дням и поверяли друг другу свои сердечные тайны. Глядя на свою очаровательную, непринужденную в общении старшую подругу, которая всегда оказывалась в центре внимания, где бы она ни появилась, Софья и восхищалась ею, и стремилась сама стать такой, как Анна, и немного завидовала ей…

Поселившись по соседству с Дельвигами, Анна Петровна стала посещать их литературные вечера, происходившие обычно дважды в неделю, по средам и воскресеньям. Часам к восьми вечера у Дельвигов собирались почти все самые известные петербургские литераторы: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, В. Ф. Одоевский, О. М. Сомов, Н. И. Гнедич, Д. В. Веневитинов, высланный в Россию польский поэт Адам Мицкевич и многие другие яркие личности, каждая из которых заслуживает отдельной книги, а не только краткого упоминания. «Во всем кружке, – вспоминала Анна Петровна, – была родственная простота и симпатия; дружба, шутки и забавные эпитеты, которые придавались чуть не каждому члену маленькой республики, могут служить характеристикой этой детски веселой семьи».



П. А. Плетнёв, гравюра неизвестного художника, 1870 г.

Помимо изысканного общества, отличительной чертой салонных вечеров Дельвигов являлось условие говорить по-русски, а не по-французски, как было заведено в петербургском обществе тех лет. Каждый вечер был интересен по-своему. Литераторы читали свои произведения, музыканты играли, певцы исполняли романсы, нередко под аккомпанемент жены пел и сам хозяин, бывший, по словам А. П. Керн, «душою всей этой счастливой семьи поэтов».

Среди завсегдатаев салона Дельвигов был и композитор Михаил Иванович Глинка. Анна Петровна познакомилась с ним, тогда совсем еще молодым человеком, в 1826 г. и сразу отметила его «гениальные способности» к сочинению музыки,

импровизации и исполнению. «Мудрено описать мое удивление и восторг, когда раздались чудные звуки блистательной импровизации; я никогда ничего подобного не слыхала, хотя и удавалось мне бывать в концертах многих замечательных музыкантов; но такой мягкости и плавности, такой страсти в звуках и совершенного отсутствия деревянных клавишей я никогда ни у кого не встречала! Он так искусно владел инструментом, что до точности мог выразить все, что хотел; невозможно было не понять того, что пели клавиши под его миниатюрными пальцами… Он импровизировал блестящим, увлекательным образом чудесные вариации на тему мотива, и все это выполнил изумительно хорошо. В звуках импровизации слышалась и народная мелодия, и свойственная только Глинке нежность, и игривая веселость, и задумчивое чувство. Мы слушали его, боясь пошевелиться, а по окончании оставались долго в чудном забытьи.

Впоследствии Глинка бывал у меня часто; его приятный характер, в котором просвечивалась добрая, чувствительная душа нашего милого музыканта, произвел на меня такое же глубокое и приятное впечатление, как и музыкальный талант его, которому равного до тех пор я не встречала. …Он был один из приятнейших и вместе добродушнейших людей своего времени, и хотя никогда не прибегал к злоречию насчет ближнего, но в разговоре у него было много веселого и забавного. Его ум и сердечная доброта проявлялись в каждом слове, поэтому он всегда был желанным и приятным гостем, даже без музыки.

Ради правды нельзя не признаться, что вообще жизнь Глинки была далеко не безукоризненна. Как природа страстная, он не умел себя обуздывать и сам губил свое здоровье, воображая, что летние путешествия могут поправить зло и вред зимних пирушек; он всегда жаловался, охал, но между тем всегда был первый готов покутить в разгульной беседе. В нашем кружке этого быть не могло, и потому я его всегда видела с лучшей его стороны, любила его поэтическую натуру, не доискиваясь до его слабостей и недостатков».

По единогласному мнению биографов, никогда больше Анна Петровна не жила такой насыщенной жизнью и в духовном, и в чувственном плане, как в обществе членов кружка Дельвига. Безусловно, присутствие ее – красивой и привлекательной женщины, образованной, начитанной, способной с одинаковой легкостью поддержать и интересную беседу, и легкий приятный флирт, – очень украшало эти вечера. А так как женщин на них бывало много меньше, чем мужчин, неудивительно, что Анна Петровна всегда была окружена восторженным вниманием.

В любовном бреду

В 1827 г. в письме к одной из близких подруг Анна Петровна поделилась, что ей хочется «постоянно пребывать в любовном бреду». И она не противилась этому желанию, очаровывала многих мужчин и часто очертя голову влюблялась сама. Некоторые, как современники, так и потомки, осуждали Анну Петровну за многочисленные романы, упрекая ее в легкомыслии, а нередко и в распутстве. Так, один из первых крупных биографов Пушкина Викентий Вересаев[42] назвал ее «пикантной, легкодоступной барынькой», когда, по мнению других исследователей, «обиделся» за Пушкина из-за того, что Анна Керн так легко променяла великого поэта на «какого-то» Алексея Вульфа. Однако далее в той же самой своей работе Вересаев пишет: «Она любила многих, иногда, может быть, исключительно даже чувственной любовью; но никогда она не была «вавилонской блудницею», как назвал ее Пушкин, никогда не была развратницей. Каждой новой любви она отдавалась с пылом, вызывающим полное недоумение в ее старом друге Алексее Вульфе. «Вот завидные чувства, которые никогда не стареют! – писал он в своем дневнике. – После столь многих опытностей я не предполагал, что еще возможно ей себя обманывать… Анна Петровна, вдохновленная своею страстью, велит мне благоговеть перед святынею любви!.. Пятнадцать лет почти непрерывных несчастий, уничижения, потеря всего, что в обществе ценят женщины, не могли разочаровать это сердце или воображение, – по сю пору оно как бы в первый раз вспыхнуло»».

В число воздыхателей Анны Петровны попали и оба кузена А. А. Дельвига Андрей и Александр Ивановичи Дельвиги, в ту пору еще совсем юноши. Оба оставили записки, в которых сетуют на кокетство, интриги и непостоянство их ветреной избранницы. Но самым страстным поклонником Анны Петровны в тот период был студент Петербургского университета Александр Никитенко, будущий специалист по русской словесности.

Александр Васильевич Никитенко был сыном крепостного крестьянина, человека, всю жизнь стремившегося к образованию и сделавшего все, чтобы дать образование сыну. В 13 лет Александр Никитенко блестяще окончил воронежское уездное училище, его выдающиеся способности были отмечены не только педагогами, но и многими известными людьми в городе. Однако путь к дальнейшему образованию юноше был закрыт. Будучи крепостным, он не мог поступить даже в гимназию, не говоря о чем-то большем. Несколько лет Никитенко занимался

исключительно самообразованием, пытался писать, давал уроки и работал учителем в сельской школе до тех пор, пока ему не улыбнулась судьба – его выступление с речью на общественном собрании понравилось министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну. Стараниями Голицына Никитенко получил вольную и смог поступить в Санкт-Петербургский университет. Именно в этот период своей жизни он встретился с Анной Керн.

Александр Васильевич Никитенко.

В дальнейшем Никитенко сделал успешную карьеру. Он преподавал в университете, получил степень доктора философии и 25 лет состоял в Петербургской Академии наук. Всю жизнь Никитенко занимался научной деятельностью, публиковал общественно-политические статьи, был редактором нескольких

влиятельных изданий, а после цензором – «умеренным прогрессистом», как он сам о себе говорил. Некоторые исследователи считают, что в цензорских гонениях на Пушкина, которые происходили в 1830-е гг., не обошлось без участия Никитенко. Тот действительно недолюбливал поэта, и многие считают, что причиной тому стала Анна Керн.

> ***«…мне пришлось сидеть около нее за ужином. Разговор наш начался с незначительных фраз, но быстро перешел в интимный, задушевный тон. Часа два времени пролетели как один миг. …Я и после именинного вечера уже не раз встречался с ней. Она всякий раз все больше и больше привлекает меня не только красотой и прелестью обращения, но еще и лестным вниманием, какое мне оказывает.***
>
> ***Сегодня я целый вечер провел с ней…***
>
> ***Мы говорили о литературе, о чувствах, о жизни, о свете. Мы на несколько минут остались одни, и она просила меня посещать ее.***
>
> ***«Я не могу оставаться в неопределенных отношениях с людьми, с которыми сталкивает меня судьба, – сказала она при этом. – Я или совершенно холодна к ним, или привязываюсь к ним всеми силами сердца и на всю жизнь».***
>
> ***Значение этих слов еще усиливалось тоном, каким они были произнесены, и взглядом, который их сопровождал. Я вернулся к себе в комнату отуманенный и как бы в состоянии легкого опьянения».***

Литературные произведения и критические статьи Никитенко не имели такого успеха, как общественно-политические труды. Тем не менее внимание исследователей привлекает его дневник, который Никитенко вел большую часть жизни, почти полвека. В этом дневнике, изданном уже после смерти автора под названием «Моя повесть о самом себе и чему свидетель в жизни был», содержится масса интересной информации о событиях тех лет и людях, с которыми встречался Никитенко на своем жизненном пути.

В 1827 г. Никитенко арендовал квартиру в том же доме, что и Керн (на набережной Фонтанки). Он познакомился с Анной Петровной, влюбился в нее и подробно описывал в дневнике всю историю их отношений, судя по всему, для него чрезвычайно важных и серьезных. Не встречая взаимности в том виде, в котором ожидал, Никитенко страдал и злился на Анну. Она же относилась к общению с ним легко, просто как к приятному

времяпровождению, очередному поводу еще раз использовать «весь арсенал своего очаровательного кокетства».

Попасть в категорию людей, к которым Анна Петровна привязывалась на всю жизнь, Никитенко не удалось. Студенту хотелось встретить в своей избраннице поддержку и восхищение им, его талантом, и он показал Керн наброски своего романа. Анна Петровна их раскритиковала, написав автору: «Я нахожу, что ваш герой – не влюблен! – что он много умствует и что после холодного, продолжительного рассуждения как бы не у места несколько страстных и пламенных выражений… глубокое чувство не многоречиво… Вы желаете сделать впечатление на чувства и чтоб изображаемые вами были найдены естественны и сильны? – заставьте любить вашего героя, – он не любит, он холоден, как лед! Поверьте, что я не ошибаюсь, и чтение, и опытность позволяют мне судить о сей статье».

> *«Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плод лести, которую, она сама признавалась, беспрестанно расточали ее красоте, ее чему-то божественному, чему-то неизъяснимо в ней прекрасному, – а второе есть плод первого, соединенного с небрежным воспитанием и беспорядочным чтением».*

Автор не принял критики и обиделся: «Она смотрит на все исключительно с точки зрения своего собственного положения, и потому сомневаюсь, чтобы ей понравилось что-нибудь, в чем она не видит самое себя». Когда Анна взамен прислала ему «часть записок своей жизни», Никитенко решил, что это сделано, «чтобы я принял их за сюжет романа, который она меня подстрекает продолжать. В этих записках она придает себе характер, который, мне кажется, составила из всего, что почерпнуло ее воображение из читанного ею». По его мнению, Анна «настоятельно выражала желание, чтобы я непременно воспользовался в своем произведении чертами ее характера и жизни, упреки за неисполнение этого показывают, что она гневается просто за то, что я работаю не по ее заказу.

Она хотела сделать меня своим историографом и чтобы историограф сей был бы панегиристом. Для этого она привлекала меня к себе и поддерживала во мне энтузиазм к своей особе. А потом, когда выжала бы из лимона весь сок, корку его выбросила бы за окошко, – и тем все кончилось бы. Это не подозрения мои только и догадки, а прямой вывод из весьма недвусмысленных последних писем ее».

Возможно, эти и остальные дневниковые записи Никитенко и не стоили бы такого пристального внимания исследователей,

если б не одна важная деталь – они были созданы именно в тот период, когда в жизни Анны Керн вновь появился Пушкин.

«Он никого не любил, кроме няни и сестры…»

8 сентября 1826 г. император Николай I освободил Пушкина от ссылки. Это произошло в Москве, куда Пушкина по высочайшему указанию привезли из Михайловского, и стало приятнейшим известием для многих. Самыми первыми откликнулись на него две Анны – Вульф и Керн. 11 сентября Анна Николаевна написала поэту в Москву письмо, в котором, помимо всего прочего, говорилось: «Анет Керн принимает живейшее участие в вашей судьбе. Мы говорим только о вас; она одна понимает меня, и только с ней я плачу».

Следующее письмо, от 15 сентября, было от Дельвига, и там также упоминалась Анна Петровна: «Поздравляем тебя, милый Пушкин, с переменой судьбы твоей. У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Сленин, Керн, Анна Николаевна [Вульф] все прыгают и поздравляют тебя. Как счастлива семья твоя, ты не можешь представить… Между тем позволь мне завладеть стихами к Анне Петровне»[43].

Существует гипотеза, что одно из написанных А. С. Пушкиным в конце 1826 г. стихотворений не просто названо так же, как «Чудное мгновение», то есть «К**» (только на этот раз без одной звездочки в посвящении), но и посвящено той же женщине.

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга,
Есть бог другой земного круга –
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя – ты мать Амура,
Ты богородица моя!

По мнению исследователей, адресат

стихотворения – Анна Керн, которая за это время превратилась для поэта из божественного «гения чистой красоты» в другое божество, столь же прекрасное, но не возвышенной небесной красотой, а земной, чувственной привлекательностью любвеобильной Венеры.

А вот два интересных отрывка из дневника Александра Никитенко, относящихся к тем же дням:

«24 [мая]. Вечером я зашел в гостиную [домовладелицы], зная, что застану там г-жу Керн… Вхожу. На меня смотрят очень холодно. Вчерашнего как будто и не бывало. Анна Петровна находилась в упоении радости от приезда поэта А. С. Пушкина, с которым она давно в дружеской связи. Накануне она целый день провела с ним у его отца и не находит слов для выражения своего восхищения. На мою долю выпало всего два-три ледяных комплимента, и то чисто литературных».

Не ограничившись одним письмом, Анна Вульф тут же послала следом еще одно со словами: «…радуюсь вашему освобождению и горячо поздравляю вас с ним… А. Керн вам велит сказать, что она бескорыстно радуется вашему благополучию». После этого ее кузина приписала своей рукой: «И любит искренно без затей». По свидетельствам биографов, тщательно изучавших все документы, это единственный из известных случаев, когда Анна Керн напрямую высказалась о своем отношении к поэту. Некоторые исследователи склонны видеть в этой короткой фразе намек на желание продолжить знакомство. Другие же считают, что это лишь проявление дружеской симпатии, что особенно явственно ощущается в сравнении с остальным текстом послания, где Анна Вульф сожалеет о разлуке с Александром Сергеевичем, которую означал его отъезд из Михайловского: «Прощайте, мои радости, миновавшие и неповторимые. Никогда в жизни никто не заставит меня испытывать такие волнения и ощущения, какие я чувствовала возле вас». Действительно, приписка Анны Керн на этом фоне вовсе выглядит дежурной светской любезностью.

Пушкина с нетерпением ожидали в Петербурге, но возвращаться в столицу опальный поэт не торопился и пробыл в Первопрестольной еще около полугода.

Пушкин приехал в Петербург 22 мая 1827 г., но поселился не у родителей в доме на набережной Фонтанки, а в трактире Демута на набережной Мойки. Демутов трактир был по тем

временам в числе самых престижных петербургских гостиниц, однако Пушкин в ней «занимал бедный нумер, состоявший из двух комнаток, и вел жизнь странную, – вспоминал К. А. Полевой[44]. – Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, он, когда был один, читал, лежа в своей постели, а когда к нему приходил гость, он вставал, усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистил, обтачивал свои ногти, такие длинные, что их можно назвать когтями. Иногда я заставал его за другим столиком – карточным, обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином».

«С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, – сказано в воспоминаниях А. П. Керн, – в доме его родителей, где я бывала почти всякий день… Он был тогда весел, но чего-то ему недоставало. Он как будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском… Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он… иногда заходил к нам (в дом Дельвига. – *Авт.*), отправляясь к своим родителям».

> ***8 [июня]. Г-жа Керн переехала отсюда на другую квартиру. Я порешил не быть у нее, пока случай не сведет нас опять. Но сегодня уже я получил от нее записку с приглашением сопровождать ее в Павловск. Я пошел к ней: о Павловске больше и речи не было. Я просидел у нее до десяти часов вечера. Когда я уже прощался с ней, пришел поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем до самых глаз выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи – прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства. Об обращении его и разговоре не могу сказать, потому что я скоро ушел».***

Д. В. Веневитинов. Акварель П. Ф. Соколова, 1827 г.

Второго июня в доме родителей поэта отмечали именины Александра Сергеевича. Праздновали в узком семейном кругу, но Анна Петровна тоже оказалась в числе гостей и «имела удовольствие слушать его любезности. После обеда Абрам Сергеевич Норов[45], подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?»[46] – «И в самом деле, – отвечала я, – мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне». Он взял кольцо, надел его на свою маленькую, прекрасную ручку и сказал, что даст мне

другое. В этот вечер мы говорили о Льве Сергеевиче, который в то время служил на Кавказе, и я, припомнив стихи, написанные им ко мне, прочитала их Пушкину. Вот они:

Как можно не сойти с ума,
Внимая вам, на вас любуясь;
Венера древняя мила,
Чудесным поясом красуясь,
Алкмена, Геркулеса мать,
С ней в ряд, конечно, может стать,
Но, чтоб молили и любили
Их так усердно, как и вас,
Вас спрятать нужно им от нас,
У них вы лавку перебили![47]

Пушкин остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: «И он тоже очень умен»».

Не прошло и дня, как Анна Петровна и Александр Сергеевич встретились вновь.

«На другой день, – пишет Керн, – Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами и хотел было провести у меня несколько часов, но мне нужно было ехать… и я предложила ему прокатиться в лодке. Он согласился, и я опять увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Тригорском. Он шутил с лодочником, уговаривал его быть осторожным и не утопить нас. Потом мы заговорили о Веневитинове[48], и он сказал: «Pourquoi Tavez vous laissemourir? Il etait aussi amoureux de vous, Test ce pas?»[49] На это я отвечала ему, что Веневитинов оказывал мне только нежное участие и дружбу и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тут, кстати, я рассказала ему о наших беседах с Веневитиновым, полных той высокой чистоты и нравственности, которыми он отличался; о желании его нарисовать мой портрет и о моей скорби, когда я получила от Хомякова его посмертное изображение. Пушкин слушал мой рассказ внимательно, выражая только по временам досаду, что так рано умер чудный поэт… Вскоре мы пристали к берегу, и наша беседа кончилась…»

В тот период отношения Анны Петровны и Пушкина напоминают отношения старых друзей, которые знают друг друга слишком давно и хорошо, чтобы испытывать какие-то чувства, кроме дружеских. «Посещая меня, – вспоминала Анна Петровна, описывая зиму 1828 г., – Пушкин много шутил. Во время этих шуток ему попался под руку мой альбом – совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в

Онегине, и он стал в нем переводить французские стихи на русский язык и русские на французский. …

К. П. Брюллов. Портрет С. А. Соболевского, 1832 г. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.

Под какими-то весьма плохими стихами было написано: «Ecrit dans mon exil»[50]. Пушкин приписал: «Amour, exil![51] – Какая гиль!»[52]».

«Дмитрий Николаевич Барков[53], – вспоминает далее А. П. Керн, – написал одни всем известные стихи не совсем правильно, и Пушкин, вместо перевода, написал следующее:

Не смею вам стихи Баркова

Благопристойно перевесть
И даже имени такова
Не смею громко произнесть!

Так несколько часов было проведено среди самых живых шуток, и я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха, которым оглашались в тот день мои комнаты».

Многие исследователи сходятся на том, что в своих мемуарах Анна Петровна приводит лишь самые приличные шутки и стихи из своего альбома. Весьма вероятно, что тетрадь содержала также строки куда более фривольные.

Из воспоминаний племянницы Анны Петровны, Любови Павловны Полторацкой, известно, что альбом, где были записаны эти стихотворения, постигла печальная участь. Будучи 13-летней девочкой, Любовь Павловна случайно нашла его в кладовке, среди всякой хозяйственной рухляди, «сваленной туда за ненадобностью». «Мы всегда любили рыться в кучах старых вещей – безмолвных свидетелей прошлого: старинных изломанных ларцах и несессерах, во всяких домашних рукоделиях, рамочках и миниатюрах, – писала она. – Вскоре привлек мое внимание старый альбом; то была довольно объемистая тетрадь в четверть листа в кожаном переплете темно-зеленого сафьяна с золотым обрезом, довольно толстая. В то время все мы, девочки-подростки, чувствовали слабость к альбомам со стишками и всякими сувенирами и старались обзаводиться собственными альбомчиками, куда на листочках сиреневой или бледно-розовой бумаги мы списывали любимые стихи и весьма гордились, если кто-нибудь из кузенов или приятелей заносил сюда продукты своего творчества, большей частью, конечно, явно подражательного характера. Я зачиталась найденной тетрадью, не без тайной мысли списать что-нибудь для себя.

При всей своей неопытности я с первых строк почувствовала, что это не наши наивные полуребяческие писания, а что-то очень сильное и смелое. Смущаясь и краснея, дочитала до конца несколько отрывков и увидела под одним из них подпись Пушкина. Об этом имени так часто говорила в нашем доме наша взрослая молодежь, и это усилило интерес. Особенно, когда приметила, что все стихотворения написаны одной рукой, как мне показалось, рукой подписи. …Еще на нескольких страницах увидела подпись Пушкина. Еще были подписи Родзянко, Вульфа и, кажется, Языкова. В последнем, однако, не уверена – может быть, что запамятовала или перепутала».

В. А. Тропинин. Портрет А. С. Пушкина, 1827 год. Всероссийский музей А. С. Пушкина (Музей-квартира на Мойке).

Стихи в альбоме явно были весьма откровенными, так как барышня не решилась сказать о находке старшим, а спрятала тетрадь в своей комнате и читала исключительно тайком. «Эти дни были заполнены тревогой. Я замечала, что от этого чтения моя безмятежная детскость нарушается и тает, как льдинка от горячего прикосновения солнца. Было жутко, и сладко, и страшно от ощущения соблазна и греха…» Юная Любочка находилась под столь сильным впечатлением от прочитанного, что взрослые заметили ее состояние и встревожились. Испугавшись, что тайна

будет раскрыта, а ее накажут, Люба в конце концов сожгла так сильно смущавший ее альбом в камине. «Так закончился мой первый соблазн и первый девичий стыд», – пишет она.

В конце 1827-го и в начале 1828 г. у Анны Петровны начался роман с другом Пушкина Сергеем Александровичем Соболевским, личностью очень яркой, популярной и противоречивой.

Сергей Александрович Соболевский (1803–1870) был внебрачным сыном знатного екатерининского вельможи и внучки обер-коменданта Петербурга. Чтобы скрыть факт незаконного рождения, его приписали к вымершему роду польских шляхтичей Соболевских.

Соболевский был хорошо образован, широко эрудирован, обладал безупречным литературным вкусом и редким чувством юмора, но использовал свой поэтический дар в основном для создания едких и точных эпиграмм. Не имея недостатка в средствах, он жил веселой и разгульной жизнью – блистал на балах и великосветских раутах, устраивал холостяцкие попойки и прославился многочисленными любовными приключениями.

Соболевский называл себя «Пушкиным кверху ногами». С Александром Сергеевичем он познакомился в 1818 г. Во время своего пребывания в Москве с декабря 1826-го по май 1827 г. (сразу после ссылки) поэт жил в его квартире в доме на Собачьей площадке. Именно Соболевскому Пушкин подарил свой знаменитый портрет кисти В. А. Тропинина.

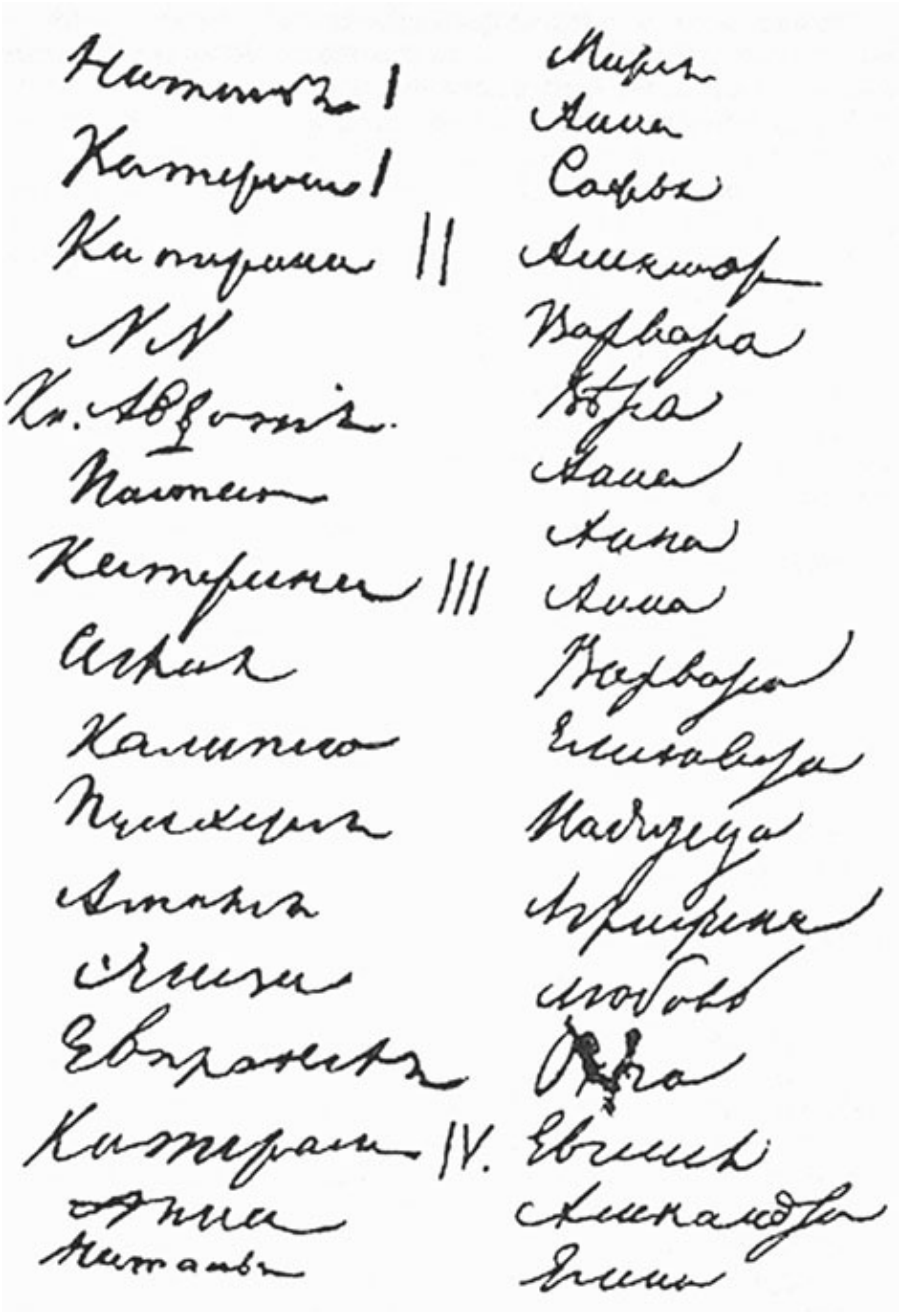
> *Зимой 1829/30 г. Пушкин часто бывал в доме Ушаковых, где ухаживал сразу за двумя барышнями – сестрами Екатериной и Елизаветой. По просьбе младшей, Лизаньки, он полушутя записал к ней в альбом список «всех женщин, которыми он когда-либо увлекался». Список состоит из двух частей. В первой, по мнению исследователей, перечислены те дамы, которые произвели на поэта наиболее глубокое впечатление: «Наталья I, Катерина I, Катерина II, NN, Кн. Авдотия, Настасья, Катерина III, Аглая, Калипсо, Пулхерия, Амалия, Элиза, Евпраксея, Катерина IV, Анна, Наталья». Во второй же части оказались менее значимые персоны: «Мария, Анна, Софья, Александра, Варвара, Вера, Анна, Анна, Анна, Варвара, Елизавета, Надежда, Аграфена, Любовь, Ольга, Евгения, Александра, Елена». Несмотря на то что имя Анна фигурирует в обоих списках, большинство биографов сходятся во мнении, что Анна Петровна Керн упомянута лишь во второй части. Анна из первой части – это, скорее всего, Анна Оленина, по мужу Андро*

(1808-1888), адресат стихотворения «Я вас любил…». В 1829 г.

Пушкин сватался к Олениной, но получил отказ, о причинах которого существует несколько гипотез. По одной из них, родителей Анны не устраивала «неблагонадежность» поэта; согласно другой, Пушкина отвергла сама Анна после того, как ей передали якобы сказанные им слова «Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам». Бытует также мнение, что причиной отказа были отношения Пушкина с Керн, о которых знали Оленины, состоявшие с Анной Петровной в дальнем родстве.

Летом 1827 г. у Соболевского умерла мать, и Пушкин, чтобы отвлечь друга от горя, пригласил его в Петербург. Тот стал бывать на вечерах у Дельвигов, «шутками своими оживлял все общество» и сразу обратил на себя внимание Анны Керн.

Соболевский много знал о личной жизни Пушкина и Анны Петровны, но не сделал эти сведения достоянием общественности даже после смерти поэта, ибо считал, что «неприлично пользоваться, для увеселения публики, дружескою доверенностию». Лишь в последний год жизни Соболевский опубликовал интересную мемуарную статью «Таинственные приметы в жизни Пушкина», в которой, однако, также не раскрываются никакие интимные тайны.



Донжуанский список Пушкина.

На роль романтического воздыхателя Сергей Петрович никак не годился. Один из уже упомянутых родственников Дельвига, Андрей Дельвиг, вспоминал, что Соболевский мог вести себя совершенно беспардонно. Он «был очень нахален и потому, так сказать, навязывался на дружбу известных тогда людей.

Нахальство его не понравилось жене Дельвига, и потому, дабы избегнуть частых его посещений, она его не принимала в отсутствие мужа. Но это не помогло: он входил в кабинет Дельвига, ложился на диван… засыпал… или читал до обеда, а когда Дельвиг возвращался домой, то он входил вместе с ним и оставался обедать».

Знакомство Соболевского с «обеими женами» Дельвига началось с вот такого мадригала, который трудно назвать галантным:

Ну, скажи, каков я?
Счастлив беспримерно:
Баронесса Софья
Любит нас наверно.
Что за простота! Ведь она не та!
Я ж нежней кота,
Легче всякой серны –
К ножкам милой Керны.
Ах, как они скверны!

Позже Соболевский утверждал, что это стихотворение «беспрестанно твердил» Пушкин.

О. А. Кипренский. Портрет Анны Алексеевны Олениной, 1828 г. Москва, Государственная Третьяковская галерея.

Но Анна Петровна отнюдь не обиделась, а, судя по всему, напротив, прониклась к Соболевскому симпатией. Это чувство было взаимным, и экспромты Соболевского стали уже более галантными:

Что Анна в табели честей?..
Всех ниже, и по регламенту
Предпочитал, как должно ей,

Я Александровскую ленту…
А теперь я думать смею:
«Ах, дайте Анну мне на шею!»

Осенью 1827 г. Соболевский возвратился по делам в Москву, где занимался перепечатыванием второй главы «Евгения Онегина» и вел активную переписку как с Анной Петровной, так и с Пушкиным. И однажды получил от последнего ответ, в котором Пушкин называл его «безалаберным» и требовал писать «путное», то есть о денежных делах и второй части «Онегина», а не о «m-me Kern». И далее Пушкин сообщал адресату о случившейся на днях между ним и Анной близости, используя выражения, более уместные в устах портового грузчика, чем «солнца русской поэзии».

Считается, что Пушкин и Керн стали близки во время подготовки к свадьбе Ольги Сергеевны Пушкиной, сестры поэта, в которой Анна принимала самое горячее участие. 27 января 1828 г. Ольга против воли родителей тайно обвенчалась с бывшим однокашником брата Льва по Благородному пансиону при Царскосельском лицее Николаем Ивановичем Павлищевым. Ее мать Надежда Осиповна, узнав об уже свершившемся факте и желая хотя бы формально соблюсти приличия, попросила Александра Сергеевича и Анну Петровну стать посаженными родителями и благословить новобрачных. Анна Петровна в разных своих мемуарах описала эту сцену так: «Я с любовью приняла это трогательное поручение и, расспросив о порядке обряда, отправилась вместе с Александром Сергеевичем в старой фамильной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных. Был январь месяц, мороз трещал страшный, Пушкин, всегда задумчивый и грустный в торжественных случаях, не прерывал молчания. Но вдруг, стараясь показаться веселым, вздумал заметить, что еще никогда не видел меня одну: «Voila pourtant la premiere fois, que nous sommes seuls, madame»[54]; мне показалось, что эта фраза была внушена желанием скрыть свои размышления по случаю важного события в жизни нежно любимой им сестры, а потому, без лишних объяснений, я сказала только, что этот необыкновенный случай отмечен сильным морозом. «Vous avez raison, 27 degres»[55], – повторил Пушкин, плотнее закутываясь в шубу. Так кончилась эта попытка завязать разговор и быть любезным. Она уже не возобновилась во всю дорогу. Стужа давала себя чувствовать, и в квартире Дельвига, долго дожидаясь приезда молодых, я прохаживалась по комнате, укутываясь в кацавейку;

по поводу ее Пушкин сказал, что я похожа в ней на царицу Ольгу. Поэт старался любезностью и вниманием выразить свою благодарность за участие, принимаемое мною в столь важном событии в жизни его сестры… Несмотря на озабоченность, Пушкин и в этот раз был очень нежен, ласков со мною…»

Краткий эпизод, случившийся почти два века назад, до сих пор не дает покоя исследователям и биографам, которые пытаются истолковать на разные лады мотивацию поэта и столь контрастный переход от поэтических восторгов бьющегося в упоении сердца к столь циничному рассказу об обладании когда-то столь желанной женщиной. Возможно, ответ как раз и кроется в том сильном влечении, которое долго испытывал к Анне Пушкин. Так долго, что страсть уже давно успела перегореть и обладание ею стало лишь чем-то вроде спортивного достижения. Недаром Пушкин как-то раз, беседуя с Анной о женщине, «которая его обожала и терпеливо переносила его равнодушие[56], сказал: «Rien de plus insipide que la patience et la resignation»[57]». Их так и оставшемуся недописанным роману долготерпение на пользу точно не пошло. Близость с «гением чистой красоты» стала для Пушкина не торжеством любви, а всего лишь поводом занести еще одно имя в свой донжуанский список.

Что же касается Анны Петровны, то, по всей видимости, перемена поэта в отношении к ней не стала для нее разочарованием, ибо она никогда не обнадеживалась и не верила в серьезность, глубину и прочность его чувств. «Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и сестры», – написала она в своих мемуарах. С этой оценкой во многом перекликается мнение другой избранницы Пушкина, жены декабриста Волконского, Марии Николаевны, носившей в девичестве фамилию Раевская (возможно, именно она скрывается за таинственными инициалами NN в первой части донжуанского списка): «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми встречался… В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел…»

Не вдова ты, не девица…

После неожиданного и почти случайного эпизода близости между Пушкиным и Анной возникла необременительная любовная связь, вскоре прекратившаяся безболезненно для обеих сторон. Они вновь вернулись к приятельским отношениям, которые вполне устраивали как поэта, так и Керн. О том периоде их общения сохранилось много документальных свидетельств: мемуары Анны Петровны, упоминания ее имени в переписке Пушкина, стихи, вписанные его рукой в ее альбом, томик «Цыган» с автографом «Ее Превосходительству А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее почитателя» и надпись, сделанная Пушкиным на подаренном Керн двухтомнике римского поэта Стация во французском переводе.

«…он приехал ко мне вечером[58], – вспоминает Керн, – и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам. Живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Осеребрял мой бег ретивый.
Я ехал прочь. Иные сны…
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло!
Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты,
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он при стихе «И месяц с левой стороны / Сопровождал меня уныло!» – заметил, смеясь: «Разумеется, с левой, потому что ехал назад».

Это посещение, как и многие другие, полно было шуток и поэтических разговоров».

О том, кому именно посвящено данное стихотворение, до сих пор ведутся споры. Но вряд ли Керн, она и сама в этом сомневается:

«В это время он очень усердно ухаживал за одной особой[59], к которой были написаны стихи: «Город пышный, город

бедный…» и «Пред ней, задумавшись, стою…». Несмотря, однако, на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об ней с нежностию и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: «Вот, например, у ней вот какие маленькие ножки, да черт ли в них?» В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом». – «А вы что сказали?» – спросила я. «А я сказал: ого!» В таком роде он часто выражался о предмете своих воздыханий…»

Возможно, в этих словах и можно уловить нотки легкой женской ревности. Но именно только легкой, потому что в тот период жизнь Анны Петровны и без Пушкина была очень насыщенной. Ее по-прежнему не принимали в свете, и двери многих петербургских домов были для Анны закрыты. Керн прекрасно понимала шаткость и двусмысленность своего положения замужней женщины, которая не только живет отдельно от супруга, но и не чурается романов с другими мужчинами. Она не представляла, что случится с ней уже завтра, и потому старалась жить сегодняшним днем, причем так, словно каждый из этих дней был последним.

Исследователи упоминают о романе Анны Петровны с Алексеем Илличевским[60], случившемся как раз в это время.

А. П. Керн и А. С. Пушкин.

«Илличевский написал мне, – вспоминала Анна Петровна, – следующее послание:

Без тебя в восторге нем,
Пью отраду и веселье.
Без тебя я жадно ем
Фабрики твоей изделье[61].
Ты так сладостно мила,
Люди скажут: небылица,
Чтоб тебя подчас могла
Мне напоминать горчица.
Без горчицы всякий стол

Мне теперь сухоеденье;
Честолюбцу льстит престол –
Мне ж – горчичницей владенье.
Но угодно так судьбе,
Ни вдова ты, ни девица,
И моя любовь к тебе –
После ужина горчица».

Стихотворение, безусловно, шуточное, но в словах «ни вдова ты, ни девица» очень точно отражена вся двусмысленность положения Анны Керн…

О другом романе, продолжавшемся около двух лет, с 1830 по 1832 г., по-видимому, имевшем очень большое значение для Анны Петровны, упоминает в своем дневнике Алексей Вульф: «Анна Петровна все еще в любовном бреду, и до того, что хотела бы обвенчаться со своим любовником. Дивлюсь ей!..»; «С Анной Петровной я говорю об ее страсти, чрезвычайно замечательной не столько потому, что она уже не в летах пламенных восторгов, сколько по многолетней ее опытности и числу предметов ее любви». Героем этого романа был некто Флоранский, о котором исследователям неизвестно почти ничего, кроме того, что он был незаконнорожденным сыном одного из родственников поэта Е. А. Баратынского. Вульф пишет, что от этой связи у Анны Петровны даже родился ребенок: она «чрезвычайно счастлива тем, что родила себе сына…». Однако если это действительно и было так, то младенец, судя по всему, прожил недолго и скоро умер. Мечтам о венчании, разумеется, так и суждено было остаться мечтами. Да и о каком венчании могла идти речь, если официально Анна Петровна все еще считалась женой Е. Ф. Керна?

При знакомстве с бурной личной жизнью Анны Петровны может сложиться мнение, что в то время ее вообще больше ничего не занимало, кроме романов. Но это совсем не так. Ее общение с интересными людьми, которых в окружении Дельвигов было целое созвездие, отнюдь не сводилось к одному лишь флирту. Под их влиянием Анна Петровна постоянно развивалась, занималась самообразованием, очень много читала, пробовала сама писать и делать переводы. В числе ее литературных опытов было, в частности, описание поездки в Финляндию на водопад Иматру (на реке Вуоксе), которую Анна совершила вместе с Дельвигами. Впоследствии эта зарисовка стала частью ее мемуаров. «Мудрено было придумать для приятного путешествия условия лучше тех, в каких мы его совершили: прекрасная погода, согласное, симпатичное общество и экипаж, как будто нарочно

приспособленный к необыкновенно быстрой езде по каменистой гладкой дороге, живописно извивающейся по горам, над пропастями, озерами и лесами вплоть до Иматры, делали всех нас чрезвычайно веселыми и до крайности довольными». В тот момент Анна Петровна еще не представляла, что скоро наступит конец как ее дружбе с Дельвигами, так и связанному с этой семьей счастливому периоду ее жизни.

> ***Бенкендорф***[62] ***потребовал к себе Дельвига, – писал в своих мемуарах Андрей Иванович Дельвиг, – который введен был к нему в кабинет в присутствии жандармов. Бенкендорф самым грубым образом обратился к Дельвигу с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?» Выражение «ты» вместо общеупотребительного «вы» не могло с самого начала этой сцены не подействовать весьма неприятно на Дельвига. Последний отвечал, что о сделанном распоряжении не печатать ничего относящегося до последней французской революции он не знал и что в напечатанном четверостишии, за которое он подвергся гневу, нет ничего недозволительного для печати.***

Маятник судьбы

В августе 1829 г. Анне Петровне «представился случай достать выгодную квартиру». Она поселилась на Васильевском острове, вдали от Дельвигов, и, видимо, с этого момента началось постепенное охлаждение в их отношениях. В 1830 г. Антон Дельвиг впал в немилость властей из-за того, что напечатал в «Литературной газете» стихотворение об участниках французской революции, после чего газету закрыли.

После этой истории здоровье Дельвига пошатнулось, и причиной тому стали не только неприятности на службе, но и неурядицы в семье. Как уже говорилось выше, его жена, пылкая и впечатлительная Софья Михайловна, восхищалась своей очаровательной, вечно окруженной поклонниками подругой, которая год от года все меньше связывала себя условностями, и стремилась во всем подражать Анне Петровне. Супруга Дельвига тоже начала заводить романы, сначала с Алексеем Вульфом, потом и с другими мужчи нами. Некоторые свидетели уверяют, что Керн поддерживала ее в этом. Дельвиг сильно страдал. Одно из последних его стихотворений, адресованных жене, начинается словами:

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?

…Бенкендорф сказал, что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что он троих друзей, Дельвига, Пушкина и Вяземского, уже упрячет, если не теперь, то вскоре, в Сибирь. Тогда Дельвиг спросил, в чем же он и двое других названных Бенкендорфом могли провиниться до такой степени, что должны подвергнуться ссылке… Бенкендорф отвечал, что Дельвиг собирает у себя молодых людей, причем происходят разговоры, которые восстановляют их против правительства… Дельвиг возразил, что собирающееся у него общество говорит только о литературе, что бóльшая часть бывающих у него посетителей или старее его, или одних с ним лет.…Бенкендорф раскричался, выгнал Дельвига со словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь»».

Возможно, психологи сказали бы, что подобный итог развития отношений этой троицы стал закономерным: столь тесная дружба, которая связывала несколько лет чету Дельвигов и Анну Керн, часто завершается конфликтом. Можно предположить, что незадолго до кончины Дельвига Анна Петровна и Антон Антонович крепко поссорились, либо же случилось что-то такое, что заставило ее сильно обидеться на него. О кончине Дельвига (в феврале 1831 г.) Анна Керн сообщила Алексею Вульфу вот в таких выражениях: «Забыла тебе сказать новость; барон Дельвиг переселился туда, где нет ревности и воздыханий». Такая формулировка покоробила даже прожженного циника Вульфа, и он записал в своем дневнике: «Вот как сообщают о смерти тех людей, которых за год перед сим мы называли своими лучшими друзьями».

Софья Михайловна недолго оплакивала покойного супруга. Уже через несколько месяцев «безутешная вдова» вышла замуж за одного из своих поклонников – Сергея Абрамовича Баратынского, родного брата поэта.

Вскоре после смерти Дельвига состоялась и еще одна свадьба – Александр Сергеевич Пушкин обвенчался в Москве с Натальей Николаевной Гончаровой. В период его затянувшегося сватовства и некоторое время после свадьбы А. П. Керн продолжала, хоть и изредка, общаться с ним и отметила в своих воспоминаниях: «Пушкин уехал в Москву и хотя после женитьбы и возвратился в Петербург, но я не более пяти раз с ним встречалась…»

«Женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену… он на все смотрел серьезнее. В ответ на поздравление с неожиданною способностью женатым вести себя как прилично любящему мужу, он шутя отвечал: «Я просто хитер»». «Действительно, в этот период, перед женитьбою своей, Пушкин казался совсем другим человеком. Он был серьезен, важен, молчалив, заметно было, что его постоянно проникало сознание великой обязанности счастливить любимое существо, с которым он готовился соединить свою судьбу, и, может быть, предчувствие тех неотвратимых обстоятельств, которые могли родиться в будущем от серьезного и нового его шага в жизни и самой перемены его положения в обществе. Встречая его после женитьбы всегда таким же серьезным, я убедилась, что в характере поэта произошла глубокая, разительная перемена…

Сам он почти никогда не выражал чувств; он как бы стыдился их и в этом был сыном своего века, про который сам же сказал, что чувство было дико и смешно. Острое красное словцо – la repartie vive – вот что несказанно тешило его. Впрочем, Пушкин

увлекался не одними остротами; ему, например, очень понравилось однажды, когда я на его резкую выходку отвечала выговором: «Pourauoi vouc attaguez a moi, qui suis si inoffensive!»[63] И он повторял: «C'est reellement cela: si inoffensive!»[64] Продолжая далее, он заметил: «Да, с вами не весело и ссориться, voila votre cousine, avec elle on trouve a qui s'en prendre!»[65]

Причина того, что Пушкин скорее очаровывался блеском, нежели достоинством и простотою в характере женщин, заключалась, конечно, в его невысоком о них мнении, бывшем совершенно в духе того времени».

После смерти Дельвига и женитьбы Пушкина жизнь А. П. Керн значительно переменилась, и далеко не в лучшую сторону. Ее больше не приглашали на литературные вечера, она практически полностью выпала из круга тех интересных и талантливых людей, к общению с которыми так привыкла за последние несколько лет. И это было только началом черной полосы в ее жизни, растянувшейся более чем на пятилетие. В 1832 г. умерла мать Анны Петровны, Екатерина Ивановна, к которой Керн была нежно привязана.

«Когда я имела несчастие лишиться матери и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал, со свойственною ему живостью, по всем соседним дворам, пока наконец нашел меня, – вспоминает Керн в своих мемуарах. – В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие; ласкал мою маленькую дочку Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» – отвечала: «Воля!», и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им как гением добра».

В августе 1833 г. Анну Петровну постигло еще одно страшное горе – умерла ее младшая дочь, та самая «Воля». Узнав об этом, Надежда Осиповна Пушкина написала дочери: «В качестве новости скажу тебе, что бедная г-жа Керн только что потеряла свою маленькую Олиньку, она поручила сообщить тебе про ее горе, будучи уверена, что ты пожалеешь свою крестницу…»

Помимо свалившихся на нее почти подряд двух несчастий, «затруднительное положение» Анны было связано еще и с финансами.

Собственных средств у Анны Петровны не имелось. Выдавая ее замуж за Керна, родители дали ей в приданое две деревни, но позже, как вспоминает А. П. Керн, «не прошло году, попросили

позволения заложить их для воспитания остальных детей. Я по деликатности и неразумию не поколебалась ни минуты и дала согласие. На вырученные деньги заведены были близ Лубен фабрики: экипажная, суконная и горчичная… Все они вместе сделали то, что я осталась без имения, а отец мой – с большими долгами. Чтобы вознаградить меня и обеспечить будущность других детей, было завещано бабушкою 120 душ, 50 000 и дана нам другими наследниками движимость Грузин и 60 душ. Все это должно было разделить между мною, двумя моими сестрами и братом. Но батюшка устроил так, что мы отдали ему и это на покупку имения княгини Юсуповой. Покупка не состоялась по неаккуратности отца, потому что мало было денег, и я опять осталась ни с чем. К этой жертве побудил меня брат, писавший, что если я не дам своей части из означенных денег и имения, то все они останутся без куска хлеба. Я сочла себя обязанною исполнить эту просьбу… и приняла ее за обязательство от брата пектись и о моей участи за эту жертву. Брат, пользуясь тем, что означенными деньгами уплачена была уже часть цены за одно имение Юсуповой, доплатил ей при помощи займа и удачных оборотов, сколько причиталось за него, и стал обеспеченным человеком, а про мою жертву, помогшую ему составить себе состояние, забыл!! Я по восторженной мечтательности своей, вере в брата и родных и по деликатности жертвовала родным, не спрашивая, обеспечат ли они меня за это, и вот около половины столетия перебивалась в нужде… Ну да бог с ними».

Что же касается Ермолая Федоровича, то после смерти младшей дочери он решительно отказывал блудной супруге в материальной помощи и требовал ее возвращения домой, чего она, разумеется, делать не собиралась. Анна Петровна попыталась вернуть («выкупить без денег», как она это назвала) родовое имение, завещанное ей бабушкой, но проданное отцом без ее, Анны, согласия. Известно, что и в этом ей как-то пытался помочь Александр Сергеевич, однако, несмотря ни на что, затея успехом не увенчалась.

Керн не сдавалась и, чтобы добыть хоть какие-то средства к существованию, решила заняться литературной деятельностью. Она перевела с французского один из романов Жорж Санд («…не ради удовольствия, а ради денег», как выразилась в письме сестра Пушкина), попросила Александра Сергеевича пристроить его в издательство, но наткнулась на решительный отказ, пусть и в вежливой, даже галантной форме. «Раз Вы не могли ничего добиться, Вы, хорошенькая женщина, то что же делать мне, ведь я даже и не красивый малый…»

Обсуждая эту ситуацию с Натальей Николаевной, Пушкин

был уже куда меньше изящен в выражениях: «Ты мне переслала записку от m-me Керн; дура вздумала переводить Занда и просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным [издателем]. Черт побери их обоих!»

> *Существует предание, что Анна Петровна встретилась с Пушкиным накануне его роковой дуэли, заметила, что поэт находится в отвратительном расположении духа, и спросила:*
>
> *– Pourquoui etesvous si mal dispose?*[66]
>
> *– Je n'aime pas qu'on mange dans mon assiette*[67]*, – ответил Александр Сергеевич, после чего Анна Керн «ощутила дурное предчувствие».*

Скорее всего, Анна Петровна об этом не знала. Но возможно, если бы и знала, это ничего бы не изменило. Во-первых, она отлично понимала, что Натали ревнует мужа ко всем его многочисленным прежним увлечениям, и подобный тон мог быть продиктован желанием поэта успокоить подозрения жены насчет Керн. А во-вторых, Анна Петровна действительно была на редкость «безобидна», то есть доброжелательна, отходчива и незлопамятна. Конечно, в первую минуту она «подосадовала» на записку, разорвала ее и больше не переписывалась с Пушкиным. Но очень скоро простила его и на всю жизнь сохранила о нем память как о добром друге, который однажды заверил ее: «Будьте покойны и довольны и верьте моей преданности».

В 1836 г. единственная из оставшихся в живых детей Анны Петровны – старшая дочь Екатерина, крестница Александра I – окончила Смольный институт и получила от имени его царственного брата Николая Павловича «за службу отца, на приданое» 10 тысяч рублей. Анна хотела забрать дочь к себе, но Ермолай Федорович, служивший в то время комендантом Смоленска, не позволил этого, увез Екатерину к себе и снова отказал Анне Петровне в средствах. Тогда та решилась на отчаянный шаг и 10 августа 1836 г. написала письмо императору Николаю I.

«Августейший Монарх, Всемилостивейший Государь! – писала А. П. Керн. – Отчаяние, безнадежное состояние и жесточайшая нужда повергают меня к стопам Вашего Императорского Величества. Кроме Вас, Государь, мне некому помочь! Совершенное разорение отца моего… равно отказ мужа моего генерал-лейтенанта Керна давать мне законное содержание лишают меня всех средств к существованию. Я уже покушалась работою поддерживать горестную жизнь, но силы мне изменили, болезнь истощила остальные средства, и мне остается одна

надежда – милосердное воззрение Вашего Императорского Величества на мои страдания. Я не расточила своего достояния; это внушает мне смелость воззвать к милосердию Вашего Императорского Величества. Вы ли не будете снисходительны к дочернему усердию, через которое я ввержена в нищету…»

Анне Петровне повезло. Монарх не только ознакомился с ее прошением, но и стал разбираться в этом деле и указал Керну на обязанность мужа содержать жену, как бы ни складывались семейные отношения. Генерал пытался протестовать, публично заявив, что жена «бросила его, разорила долгами[68], предалась блудной жизни и увлеклась совершенно преступными страстями своими». Но его возражения были отвергнуты. По распоряжению свыше Анна Петровна получила единовременную компенсацию в две тысячи рублей, а ее супруг – приказ впредь снабжать жену средствами к существованию.

С тех пор А. П. Керн, как она сама говорит об этом в своих мемуарах, «вела жизнь довольно уединенную и по вкусу, и по средствам своим», изредка встречаясь с друзьями или родственниками, проводя время за чтением и посещением Академии художеств. А через полгода в ее жизни случилась еще одна потеря. 27 января 1837 г. А. С. Пушкин был смертельно ранен на дуэли Дантесом и через день скончался. Но это было уже после того, как в жизни Анны Петровны произошла еще одна, очень важная, перемена.

Как дай вам Бог любимой быть другим

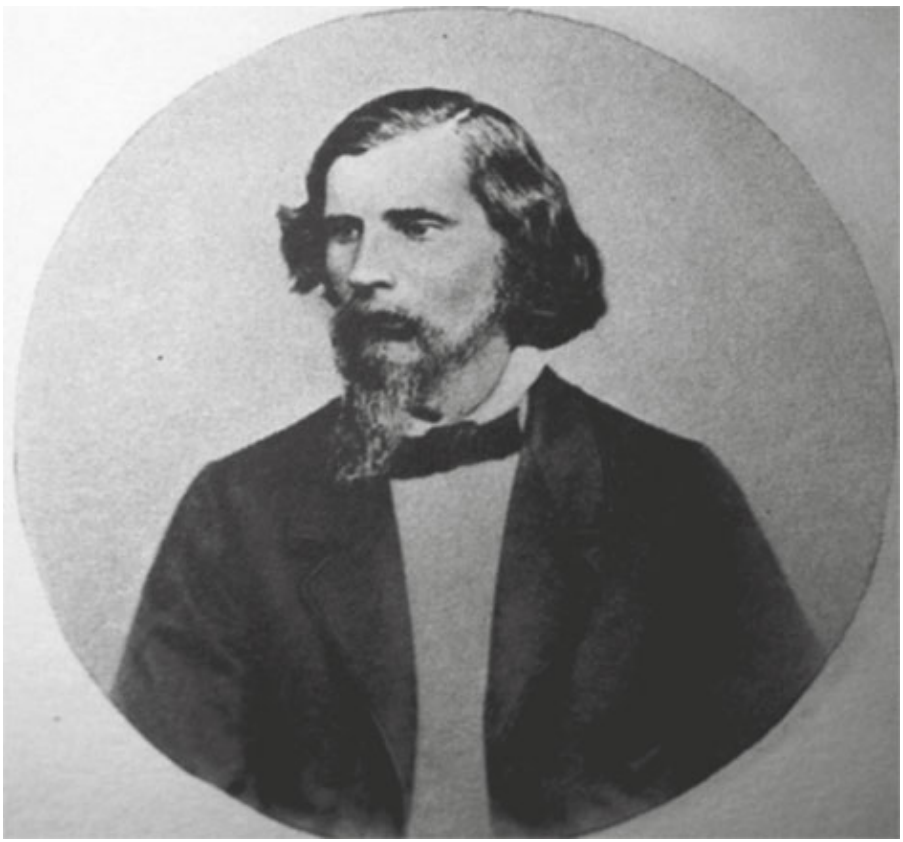
Когда наблюдаешь за жизнью Анны Петровны Керн, невольно приходишь к выводу, что судьба то и дело играла ею, точно теннисным мячиком, бросая из одной крайности в другую. После всех выпавших на ее долю мытарств и страданий, она вдруг снова обрела счастье. Очень непростое счастье, очень неоднозначное… Но именно то, к которому стремилась всю свою жизнь.

Ее избранником вновь оказался человек по имени Александр. Удивительная причуда судьбы! Значимых мужчин в жизни Анны Петровны было немало, любила или, по крайней мере, влюблялась она часто, но самую существенную роль в ее жизни сыграли те, кто носил одинаковые имена: император Александр I, великий поэт Александр Пушкин и… скромный чиновник Александр Васильевич Марков-Виноградский, ставший ее вторым мужем, верным спутником долгих и трудных, но счастливых 40 лет, которые они провели вместе.

Впрочем, в то время, когда они сошлись, Александром Васильевичем Маркова-Виноградского еще никто не называл. Он звался просто Сашей и был 16-летним учеником кадетского корпуса. Его родители, небогатые и незнатные провинциальные дворяне, состояли с Анной Петровной в родстве: мать Саши в девичестве носила фамилию Полторацкая и приходилась героине этой истории двоюродной тетей. Отец Александра был военным, дослужился с низших чинов до полковника и настаивал на том, чтобы его единственный сын также был отдан на военную службу. То, что Саша не имел к этому ни способностей, ни склонностей, никого не остановило. Мальчика на несколько лет отдали на воспитание тетке Феодосии Полторацкой[69], считавшейся в семье «образованною и способною учить других», после чего в 13 лет привезли в Петербург и определили в 1-й Кадетский корпус.

По преданию, Анна Петровна нянчила Сашу, когда тот был еще совсем малышом. Правда это или нет, неизвестно, но, во всяком случае, когда он поступил на учебу, Анна по просьбе родных приняла живое участие в своем троюродном брате, и его мать писала Феодосии Петровне о «доброй нашей Керновой», которая относится к Саше «как самая искренняя родственница». Керн навещала Сашу во время учебы и брала к себе на время вакаций (каникул). Юноша тяготился учебой в военизированном заведении с муштрой и строгой дисциплиной, его возвышенную натуру привлекали совсем другие вещи: история, литература,

искусство. Саша пробовал рисовать и мечтал стать художником. И видимо, в тот период Анна Петровна стала его настоящим другом, единственным человеком, который понимал его склонности, поддерживал в трудные минуты, давал поверить в то, что мечты могут стать реальностью. Нет ничего особенного в том, что восторженный юноша влюбился в свою троюродную сестру, моложавую, красивую и очаровательную женщину, представлявшуюся ему кем-то вроде его доброго ангела. Напротив, было б странно, если б этого не произошло. Удивительно другое – то, что 36-летняя Анна Петровна ответила на чувство 16-летнего Саши. Возможно, она интуитивно поняла, что наконец-то встретила ту настоящую, искреннюю преданную любовь, которую безуспешно искала всю свою жизнь…



Александр Васильевич Марков-Виноградский.

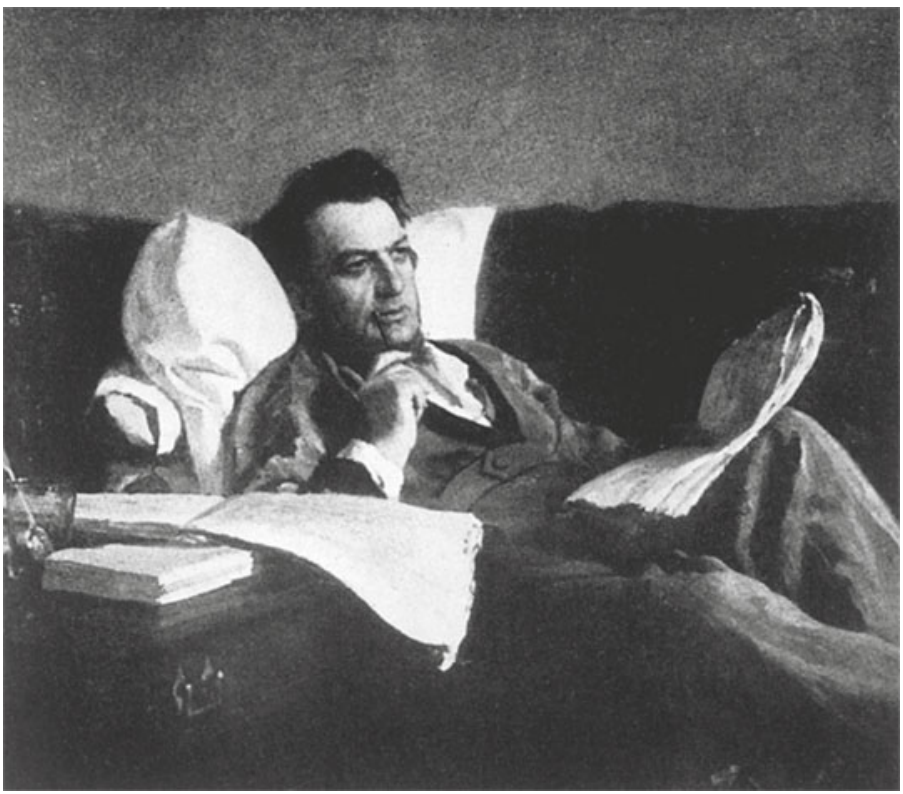
Неизвестный художник. Портрет Екатерины Керн.

В своих мемуарах Марков-Виноградский со свойственной его стилю сентиментальностью и поэтичностью красочно описал романтическую атмосферу их первых свиданий.

«Я помню приют любви, где мечтала обо мне моя царица… где поцелуями пропитан был воздух, где каждое дыхание ее было мыслью обо мне. Я вижу ее улыбающуюся из глубины дивана, где она поджидала меня… Когда сходил я с лестницы той квартирки, где осознал я жизнь, где была колыбель моих радостей… по мере удаления моего от заповедных дверей, грусть больнее и сильнее вкрадывалась в сердце, и на последней ступеньке невольно всплыли слезы на отуманенных глазах… Никогда я не был так

полно счастлив, как на той квартире! Из этой квартиры выходила она и медленно шла мимо окон корпуса, где я, прильнувши к окну, пожирал ее взглядом, улавливал воображением каждое ее движение, чтоб после, когда видение исчезнет, тешить себя упоительной мечтой! Она повернула за угол… кончик черного вуаля мелькнул из-за угла, и нет ее… О, как жадно порывалось сердце вслед за нею… хотелось броситься на тротуар… чтобы и след ее не истерся посторонним, казалось, и в нем была ласка, и завидовал я тротуару!.. А суббота настанет… в чаду мечты летишь по проспекту, не замечая ничего и никого, превратившись весь в желание скорее дойти до серенького домика, где ее квартира… И вот уже взгляд отличает то, к чему сквозь здания, сквозь деревья и дом… Уже обозначилось в доме окно… и она выглядывала из него, освещенная заходящим солнцем… И вот поцелуй сливает нас, и мы счастливы, как боги!.. Так я царствовал в сереньком домике на Васильевском острове!..

А эта беседка в Петергофе, среди душистых цветов и зелени в зеркалах, когда ее взгляд, прожигая меня, воспламенял… И мы под песню соловья, в аромате цветов, любовались друг другом, смотря в зеркальные стены беседки.… Она так чудно хороша, что я был в счастливом забытьи…»



И. Е. Репин. Портрет композитора Михаила Глинки, 1887 г. Москва, Государственная Третьяковская галерея.

Как показало время, любовь кадета Саши к «ни вдове, ни девице» Анне Петровне не была юношеской прихотью, вспышкой романтического воображения или следствием игры гормонов в молодом организме. Александр пронес это чувство через всю жизнь, до конца его дней в нем уживались удивительная нежность к избраннице с безграничным восхищением ею. Большинство исследователей изумляет то, что в его сердце напрочь отсутствовала ревность. И это не было хитростью, уловкой с целью обмануть будущих читателей его записок – для таких вещей А. В. Марков-Виноградский был слишком искренним и простодушным человеком. То, что «его богиня» пользовалась таким успехом у множества интересных людей, включая самого Пушкина, действительно льстило самолюбию, и только.

К моменту начала их романа (1836 или 1837 г.) отца Александра уже не было на свете. Скоро скончалась и мать, поручив сына (а заодно все его имущество) заботам той самой «образованной» тетушки Феодосии Петровны, которая когда-то учила маленького Сашу. Очевидно, она уже знала о романе Анны и Александра и негодовала против него, так как Саша в тот год оставил в своем дневнике запись «Неужели счастье сына может убить мать?»

Александр еще заканчивал свое обучение, когда Анна произвела на свет плод их любви – сына, которого также назвали Александром. Это произошло 28 апреля 1839 г. По ее собственному свидетельству, Анна рожала тяжело и еще долго хворала после родов, точно этот последний, четвертый, ребенок забрал у нее все силы и здоровье.

В том же году Александр-старший закончил учебу в кадетском корпусе. Для продолжения военного образования его направили в офицерские классы Артиллерийского училища, но он окончательно решил не связывать свою судьбу с армией, заявив, что «бивуак и поле битвы не такие места, на которых вырабатываются мирные семейные достоинства», и вышел в отставку в чине подпоручика. Анна Петровна поддержала его в этом решении. После долгих лет несчастливого замужества генеральша искренне заявляла: «Я боюсь корпусов и не люблю офицеров, из которых $^{9}/_{10}$ – всегда пошлость, кутилы, «хорошие товарищи» (т. е. пустые люди) и лентяи. Удивляюсь маменькам, которые радуются офицерским эполетам…»

У Александра был выбор между карьерой, сулившей перспективное будущее и материальное благополучие, и любовью

к Анне Петровне. Он, ни минуты не сомневаясь, выбрал «свою царицу», и это послужило поводом для ссоры и разрыва с родными. И был счастлив, о чем написал в своем дневнике: «Все, что ни делается, от Бога, и наш союз, как он ни странен, Им благословен! Иначе мы не были бы так счастливы, не имели бы такого Сашечку, какой нас теперь так утешает! Ни о чем случившемся жалеть не надо, все к лучшему, все хорошо!»

Важно отметить, что как раз в это время в семье Анны Петровны начала развиваться другая любовная история, столь же романтическая и столь же драматическая. Дочь Керн, Екатерина, или Катенька, как звали ее дома, уехала от отца, поселилась вместе с матерью в Петербурге и устроилась классной дамой в свою альма-матер – Смольный институт. В 1839 г. она познакомилась с композитором Глинкой, который стал любовью всей ее жизни. Катеньке на тот момент был 21 год, Михаилу Ивановичу – 34. Он недавно разошелся с женой (которая, как стало известно, тайно обвенчалась с другим), но никак не мог добиться развода.

Катенька произвела сильнейшее впечатление на композитора, он стал регулярно бывать в доме Керн, исполнял там свою музыку и посвятил Екатерине несколько романсов на стихи популярных поэтов. Самым известным стал «Я помню чудное мгновение», который до сих пор считается шедевром, редким образцом удивительной гармонии стиха и музыки.

В 1840 г. Екатерина забеременела, что держалось в строжайшем секрете, так как огласка означала бы позор для незамужней женщины, да еще и классной дамы самого престижного женского учебного учреждения. Анна Петровна пришла на помощь дочери и тайком увезла ее из Петербурга к своим родителям. Максимум, что мог сделать Глинка, к тому моменту все еще не оформивший развод, – это купить для них хорошую коляску, дать денег на путешествие и сопровождать часть дороги. А Анна Петровна с малолетним сыном и беременной дочерью доехала до Украины, ненадолго завернув по пути в Тригорское, и поселилась в Лучке, небольшом имении под Лубнами (в дом отца Петра Полторацкого их просто не пустили, что неудивительно: вряд ли он был рад приезду беременной незамужней внучки и ее матери с годовалым младенцем на руках, рожденным от любовника, годившегося ей в сыновья). Там произошло то, что все участники истории деликатно называли в своих письмах «избавлением». Что произошло на самом деле, сделали ли Екатерине аборт или же она родила ребенка и его куда-то отдали, так и остается неясным.

После этой неприятной истории отношения Глинки и

Екатерины резко ухудшились. Очевидно, перепуганная и впавшая в отчаяние молодая женщина позволила себе сорваться, устраивала сцены, выясняла отношения – словом, вела себя совсем не так, как подобает «гению чистой красоты». В письме к другу Глинка признался: «Идеал мой разрушился, свойства, коих я долгое время и подозревать не мог [в Екатерине], высказались неоднократно столь резко, что я благодарю Провидение за своевременное их открытие». Их общение с Екатериной продолжалось еще четыре года, но, по выражению Глинки, в них «уж не было прежней поэзии». В 1844 г. Глинка простился с Екатериной и уехал из Петербурга в свое имение, возвратив, по ее просьбе, все ее письма.

В январе 1841 г. скончался (в возрасте 76 лет) Ермолай Федорович Керн после тяжелой и продолжительной болезни. Героя войны 1812 года похоронили в Петербурге, на средства, пожертвованные самим императором. Анне Петровне, как генеральской вдове, полагалась солидная пенсия, но она отказалась от нее и других привилегий, связанных с заслугами и чином покойного, поскольку оказалась перед выбором – либо сохранить деньги и статус, либо стать законной женой любимого человека. А любовь в жизни Анны Петровны всегда была на первом месте, все остальное не имело такого значения.

В июле 1842 г. Анна Петровна и Александр Васильевич обвенчались. Их свадьба вновь стала поводом для очередного скандала и всплеска негодования родственников с обеих сторон. В частности, отец Анны разозлился настолько, что лишил дочь всех прав наследства, даже на материнское имение Лучки (то самое, куда «с известной целью» привозили Катеньку), которое было завещано Анне Петровне.

Поступок П. М. Полторацкого выглядит неожиданно, особенно если учесть тот факт, что до свадьбы он относился к «непутевой» дочери и ее избраннику куда более снисходительно. В частности, даже поставил Александра управлять уже упомянутым имением Лучки. «…Милой нашей ласковой Лучке. Когда бы удержалась она за нами!» – писал тогда Марков-Виноградский. Увы, не удержалась…

Возможно, не последнюю роль в отцовском решении сыграли сестра Анны Елизавета и ее брат Павел Петрович Полторацкий (1810–1876), бывший на редкость неприятным, подлым, завистливым и жестоким человеком. В своих записках А. В. Марков-Виноградский пишет о жизни «почтенного братца, одного из подонков Полторацких»: «Мне рассказывали, как брат моей милой жены, П. П. Полторацкий, считающий себя образованным, сек при помощи своих крепостных девок свою

жену… за какие-то промахи относительно хозяйства, за несоблюдение каких-то приличий и прочее…»

В течение всей жизни Павел постоянно и беспардонно обирал свою сестру при помощи разного рода обманных махинаций и спекуляций.

Вскоре после венчания Марковым-Виноградским удалось наконец узаконить рожденного до брака сына Александра. Он был вписан в метрическую книгу церкви села Золотуха Лубенского уезда 22 сентября 1842 г., и на протяжении целых 10 лет датой его рождения считалось именно это число. Только в 1852 г. Александру Васильевичу удалось оформить свидетельство о рождении сына с указанием подлинной даты – 28 апреля 1839 г.

Не имея ни средств к существованию, ни даже крыши над головой, супруги вынуждены были уехать из Петербурга, сославшись на пошатнувшееся здоровье Анны (врачи заподозрили у нее туберкулез). Они отправились в богом забытую деревушку Сосница Черниговской губернии, бывшую (вместе с 15 душами крестьян) единственной собственностью Александра Васильевича, фактически находившейся во владении его тетки Феодосии Полторацкой. До этого А. В. Марков-Виноградский неоднократно «писал тетке Федосье Петровне, владеющей моим именьицем, что пора бы мне прислать из него что-нибудь, что я уже не Сашенька в углу, нуждающийся больше в наставлениях, чем в деньгах». Однако, судя по всему, просьбы его услышаны не были. С тех пор, как 20 лет назад юная Анет бесхитростно поверяла Федосии свои сердечные тайны, ее тетка сильно изменилась, превратилась из романтически настроенной наперсницы в скаредную и привередливую старуху и рассорилась с Анной Петровной. Наверное, будь у новоиспеченных супругов хоть какой-то выбор, они не похоронили бы себя в такой глуши и не поселились бы в старом маленьком доме вместе с нелюбимой теткой… Но альтернативы у них не имелось.

«Мы выработали себе счастье»

Переезд состоялся в феврале 1844 г. На другой же день Александр Васильевич записал в дневнике: «Вот мы и в Соснице… Что-то будет? Чем-то будем жить?! Разумеется, службою! Но как найти место?.. Увидим!.. Бог не без милости, казак не без счастья!..»

Слова оказались пророческими. Через некоторое время Александр Васильевич получил место заседателя в Сосницком уездном суде. Должность непочетная и совершенно неприбыльная, но выбирать, повторюсь, было не из чего. Супругов ожидала более чем скромная жизнь, доходящая порой не то что до бедности, но даже до нищеты. Однако они сумели преодолеть и эту преграду, потому что всей душой любили друг друга.

«Благодарю тебя, Господи, за то, что я женат! – писал Александр в дневнике вскоре после свадьбы. – Без нее, моей душечки, я бы изныл, скучая… она сделалась мне необходимостью! Какое счастье возвращаться домой! Как хорошо в ее объятиях! Нет никого лучше, чем моя жена!»

То же самое чувствовала и Анна. «Муж сегодня поехал по своей должности на неделю, а может быть, и дольше, – делилась она со своей золовкой, Елизаветой Васильевной[70], с которой очень подружилась. – Ты не можешь себе представить, как я тоскую, когда он уезжает! Вообрази и пожури меня за то, что я сделалась необыкновенно мнительна и суеверна; я боюсь – чего бы ты думала? Никогда не угадаешь! – боюсь того, что мы оба никогда еще не были, кажется, так нежны друг к другу, так счастливы, так согласны! На стороне только и слышно, что ставят в пример нас. Говорят молодые, новые супруги: «Нам только бы хотелось быть так счастливыми, как Анна Петровна и Александр Васильевич!» И нам теперь так трудно расстаться, что Васильич три дня откладывал поездку; сегодня насилу решился выехать, и то потому, что получил на то предписание от начальства…» Между строк заметим, что это письмо Анны Петровны было написано спустя 10 (!) лет после свадьбы.

Именно эта взаимная привязанность (и, видимо, только она) и позволила Марковым-Виноградским справиться со всеми выпавшими на их долю невзгодами, а их уже с первых дней было предостаточно. Им пришлось поселиться под одной крышей с Феодосией Петровной Полторацкой, у которой к тому времени совершенно испортился характер. Напрочь забыв о былой дружбе с Анной, она теперь прониклась к своей двоюродной племяннице острой неприязнью и всячески отравляла молодоженам жизнь.

«Тетка ненавидит мою жену, – писал Марков-Виноградский. – Отчего же она и меня не так же ненавидит? Это меня огорчает! Она, стерва, думает, что жена управляет мною. Между тем, мы живем согласно, и одна любовь наполняет нашу жизнь и управляет нашими действиями и мыслями…»

Служба в уездном суде не приносила Александру ни материального, ни морального удовлетворения. В своих дневниках он постоянно жаловался на ограниченность, невежество и нечистоплотность сослуживцев, «которые не имеют простых понятий ни о добре, ни о зле, у которых совесть свободна, как старый разношенный сапог». Сам, будучи порядочным человеком, он не брал взяток, как это делали все вокруг, но принимал подарки – от тех, чье дело было уже выиграно. «Не принять – значит обидеть дающего, и потом жалованье мало, а потребностей много!..» – этими словами он словно бы извинялся в дневнике перед своей совестью.

Но когда «грянул гром», разбираться, кто из служащих за деньги решает дела в ту или иную пользу, а у кого просто не хватает духу отказаться от благодарности, начальство не стало. После очередной и типичной судебной неурядицы, о которой стало известно губернатору, всех заседателей скопом отдали под суд и решением Сената освободили от должностей. Для четы Марковых-Виноградских, и так еле сводившей концы с концами, это событие оказалось сильным потрясением. Прошло несколько лет, прежде чем Александр сумел найти новое место – должность попечителя хлебных магазинов. Эта служба, как и предыдущая, тоже не давала возможности материально обеспечить семью, приходилось ограничивать себя во всем, вплоть до того, что супруги часто даже не могли позволить себе купить чай.

Анна Петровна изо всех сил старалась помогать мужу. Она постоянно хлопотала о том, чтобы ему дали какое-нибудь хорошее место, писала письма с такой просьбой своим знакомым, но результата все не было. Тогда Анна Петровна стала сама добывать средства к существованию. Сначала она попыталась было снова заняться переводами, но вскоре поняла всю бесперспективность этой затеи и начала зарабатывать более прозаическими вещами: шитьем рубашек и вязанием чулок. Разумеется, от таких праведных трудов тоже нельзя было нажить каменных палат… Анекдотично, но, судя по письмам Марковых-Виноградских, самой крупной статьей их семейного дохода был преферанс с соседями. Вопреки расхожей поговорке, и мужу, и жене везло не только в любви, но и в картах.

«Бедность имеет свои радости, и нам всегда хорошо, потому что в нас много любви, – писала в 1851 г. Анна Петровна золовке

Лизе. – Может быть, при лучших обстоятельствах мы были бы менее счастливы. Мы, отчаявшись приобрести материальное довольство, гоняемся за наслаждениями души и ловим каждую улыбку окружающего мира, чтоб обогатить себя счастьем духовным. Богачи никогда не бывают поэтами… Поэзия – богатство бедности…»

Наслаждением души для них было, прежде всего, чтение. Всеми возможными способами супруги пытались пополнить свою домашнюю библиотеку и каждый вечер читали вслух (обычно это делал Александр Васильевич). Читали и европейских авторов – Диккенса и Теккерея, Бальзака, Жорж Санд, и соотечественников – Панаева и барона Брамбеуса (Сенковского), журналы «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения». Все письма супругов к родным и дневниковые записи того времени наполнены рассуждениями о книгах, с которыми они только что познакомились. Чтение наполняло их жизнь и придавало сил. Как и любовь.

«Какое высокое наслаждение, – писал Александр Васильевич, – после тяжких трудов, в самом жалком изнурении, упасть на роскошную грудь жены, утонуть в нежности ее ласки, жарких поцелуях и забыться чудным, спокойным сном. Улыбка высокого удовольствия и умиления… на устах спящего счастливца! И как радостно его пробуждение. Ласковый голос жены лепечет ему нежности: душистые губки ее смывают с глаз, отуманенных сном, ночные грезы и освещают их зарею своей милой улыбки!»

Другим неиссякаемым источником радости и смыслом жизни супругов был сын Саша. Он рос хилым и болезненным мальчиком, поддержание его здоровья влетало в копеечку, но родители никогда не жалели денег ни на его лечение, ни на образование, и сами всячески старались развивать сына, много занимались с ним и при первой же возможности вывозили куда-то, хоть к родственникам, чтобы «ознакомить его с лучшим миром, нежели тот, в котором он прозябает».

Разумеется, полностью идеальные отношения между супругами встречаются только в сказках и дамских романах, в жизни всегда бывает иначе. Не обошлось без конфликтов и у этой четы, во многом из-за Анны Петровны, которая чувствовала, что начинает стареть, становилась из-за этого капризной, ревнивой и подозрительной. Но, судя по всему, Александр Васильевич обладал на удивление легким и терпеливым характером.

«Она, моя голубушка, боится, чтобы я не разлюбил, не изменил ей. В начале нашей связи она этого же боялась. И опасения в течение девяти лет преследовали ее, как необходимый

спутник счастья! Но моя любовь срослась со всем моим организмом и сделалась необходимым элементом моей жизни. Я извиняю ее ревнивые выходки, но в себе уверен, потому что знаю себя – моя любовь к ней неизменная, как свет солнца.

Я люблю ее, мою душечку! Люблю со всей нежностью, и нет сил в природе, которые бы могли разрушить мою горячую привязанность к ней! Все, что есть во мне, все принадлежит ей! Ее теплота насквозь проникает меня и производит во мне сладостные ощущения, каждый мой нерв всасывает ее… я счастлив от ее прикосновений, ее голос, мягкий и мелодический, голос чарует меня. Я весь любовь, весь счастие, и нет для меня радости за чертой моей семейной жизни. Боже, благослови нас, улучши наше состояние во всех отношениях!.. О, как жестоки внешние обстоятельства, нас окружающие! Они убивают нас!»

И однажды Небеса услышали его мольбы. Спустя 10 лет после приезда в Сосницы в жизни семьи произошло сразу два события, повлекших за собой перемены к лучшему. Во-первых, в декабре 1854 г. «навсегда успокоилась» Феодосия Петровна Полторацкая, «под мучительным игом» которой Анна Петровна и Александр Васильевич жили все эти годы. Теперь Марковы-Виноградские получили долгожданную возможность самостоятельно распоряжаться хоть и невеликими, но собственными деньгами и имуществом. А вскоре пришла и еще одна, по-настоящему радостная весть – Александр получил место в Петербурге.

«Город пышный, город бедный…»

Тем местом, которому так радовалась чета Марковых-Виноградских, была должность домашнего учителя в семье сотрудника Министерства иностранных дел князя С. А. Долгорукова[71], богатого и очень влиятельного человека, которого Александр Васильевич в своем дневнике охарактеризовал как «очень мрачного, злого и ограниченного аристократа». Столь же неприятной личностью была и княгиня, которая, по отзывам современников, ненавидела свою старшую дочь и «так ее била, что развила в ней болезнь, похожую на падучую». У этой «милейшей» четы было 10 детей: четыре сына и шесть дочерей разного возраста, на тот момент – от трех лет до 21 года. Жили Долгоруковы на углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка. Возможно, в том же доме поселили и Александра Васильевича с семьей.

Теперь Анна Петровна получила возможность снова видеться с дочерью, ведь их более не разделяло расстояние более чем в 1000 километров. Тяжело переживая свой разрыв с М. Глинкой, Екатерина почти 10 лет ждала и надеялась, что их отношения все же восстановятся, но этого не произошло.

Екатерина долго не выходила замуж, хотя кандидаты на ее руку и сердце имелись. В их числе оказался и Сергей Львович Пушкин, овдовевший отец поэта, который вдруг влюбился в Катеньку в 1842 г., когда ему было уже за 70. Марков-Виноградский писал в своем дневнике, что тот «влюблен накануне смерти в дочь моей жены и хотел на ней жениться. Он в припадке слюнявой нежности к ней ел тихонько кожицу от клюквы, которую она выплевывала на блюдечко». По одним сведениям, Екатерина отказала ему, как и всем прочим, по другим, «кажется, была не против», и сватовство не состоялось из-за вмешательства Натальи Николаевны Пушкиной, которая не пожелала видеть Катрин Керн своей свекровью.

В 1854 г. Екатерина вышла замуж за адвоката Михаила Осиповича Шокальского. В 1856 г. у них родился сын Юлий. Это был третий ребенок Шокальских, два других сына умерли вскоре после рождения.

Служба Александра Васильевича – обучение капризных и избалованных детей деспотичного вельможи, не привыкшего церемониться с теми, кто ниже его по положению, – была очень нелегкой, а жалованье за нее – весьма скромным. Денег Марковым-Виноградским по-прежнему не хватало, и Анна Петровна снова занялась переводами с французского и

итальянского. Главу одного из переведенных ей романов она показала Михаилу Глинке, с которым по приезду в столицу возобновила дружеские отношения, и тот ей ответил: «Перевод ваш мне кажется очень натуральным, что, по-моему, весьма не дурно, и хотя я не знахарь в литературе (в особенности новейшей, которую вовсе не люблю), но полагаю, что переводы ваши могут занять не последнее место между другими, появляющимися у нас теперь». Композитор дал Анне Петровне несколько советов, куда ей можно обратиться, та воспользовалась ими и пристроила свои переводы, что несколько улучшило финансовое положение семьи, но, разумеется, не могло решить всех материальных проблем.

> *Старшая дочь Долгоруковых, княжна Александра, или Александрина Сергеевна, в замужестве Альбединская (1834–1913), была очень яркой и интересной личностью. Фрейлина императрицы Марии Александровны, статс-дама, кавалерственная дама ордена Святой Екатерины, она еще в юном возрасте привлекла внимание Александра II, тогда еще не императора, а цесаревича, и стала его фавориткой. Их роман продолжался около 10 лет, потом фрейлина получила отставку и вышла замуж за генерала Петра Альбединского. Личность и судьба Александры привлекали поэтов и художников, она стала прототипом героини романа И. С. Тургенева «Дым» Ирины. Существует гипотеза, что на картине Крамского «Неизвестная» изображена именно княжна А. С. Долгорукова.*

Осенью 1857 г. князь С. А. Долгоруков вышел в отставку и собрался ехать с семьей за границу. Домашнему учителю его детей предложили ехать вместе с ними, но при одном условии – без жены и сына. Александр Васильевич отказался расстаться с семьей и в результате «остался без места». Старшая дочь Долгорукова пыталась ему помочь и несколько раз рекомендовала высокопоставленным знакомым, но ее хлопоты не увенчались успехом: мешала запись о судимости в послужном списке А. В. Маркова-Виноградского.

Семья Марковых-Виноградских осталась без средств к существованию. В 1858 г. они были вынуждены продать свою единственную собственность – имение в Сосницах. Несколько месяцев Александр Васильевич кое-как подрабатывал уроками. Но тут супругам вновь улыбнулась удача: благодаря старому знакомству и отдаленному родству Анны Петровны с М. Н. Муравьевым-Виленским[72] ее супруг получил место на государственной службе и начал постепенно делать карьеру. Его

семейство поселилось в доме Казакова (дом 59) на углу Знаменской и Итальянской улиц и вздохнуло с облегчением. У супругов появился регулярный доход, а вместе с ним – возможность продолжать образование сына и заниматься тем, к чему всегда тянулась душа. Марковы-Виноградские постоянно и много читали, посещали театры, музеи и художественные выставки, бывали на концертах и музыкальных вечерах. Анна Петровна вернулась к занятиям литературой и стала писать свои воспоминания. Мемуарные труды «Воспоминания о Пушкине» и «Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке», а также зарисовка «Дельвиг и Пушкин» сразу же заинтересовали Павла Васильевича Анненкова, первого из биографов Александра Сергеевича. Хотя Анненков и упрекал Анну Петровну: «Вы сказали менее того, что могли и должны были сказать», все же он высоко отзывался о ее мемуарах: «Только одна умная женская рука способна так тонко и превосходно набросать историю отношений, где чувство своего достоинства вместе с желанием нравиться и даже сердечною привязанностью отливаются разными и всегда изящными чертами, ни разу не оскорбившими ничьего глаза и ничьего чувства, несмотря на то что иногда слагаются в образы, всего менее монашеского или пуританского свойства…»

Павел Васильевич Анненков.

Рассказывая о жизни семьи в Петербурге, необходимо упомянуть не только о старшем поколении, но и о младшем – их сыне. Александр Васильевич мечтал дать своему сыну «воспитание кроме общего еще и торговое, так, чтобы он мог быть всегда полезным членом общества и богатым; в нем я замечаю деятельность и наклонности к хозяйству». Однако же Шурон, как называли его в семье, судя по всему, особенных задатков к этой области не имел. Приехав в Петербург 16-летним юношей, он сменил несколько учебных заведений, в том числе даже казенную школу при Императорских Петербургских театрах, где учился на драматическом отделении, но, сыграв неудачно несколько ролей,

бросил учебу и отказался от намерения стать артистом. Его хороший знакомый, актер московского Малого театра П. А. Осипов[73], вспоминал: «В школе, однако, долго держалась память о нем, ибо мальчишки-школьники сочинили о нем какую-то нелепую песенку, которая передавалась из поколения в поколение. Если мне память не изменила, то эта белиберда распевалась так:

Марков – Чацкий
Виноградский, Де-Лагарди,
Де-Ламом, Deux fois[74] Угар!

Этим высчитывалось, что он сыграл неудачно: Чацкого, Де-Лагарди, Де-Ламома и два раза какую-то роль Угара; хотя вообще нельзя было сказать о нем, что он был человеком неспособным, даже напротив… Но он был в полном смысле неудачник».

К сожалению, последние слова во многом соответствовали действительности. Александр Александрович всю жизнь пытался сначала где-то учиться, потом где-то служить, но ни в чем не преуспел и нигде не задержался надолго.

Судя по всему, оказавшись в Петербурге, Анна Петровна всей душой стремилась вновь вернуться к тому кругу общения с яркими и интересными людьми, который был у нее раньше, во времена дружбы с Пушкиным и Дельвигом. Она возобновила знакомство с сестрой Пушкина, Ольгой Сергеевной, и часто, может быть даже излишне часто, бывала у нее вместе с мужем. В письме сыну от 19 мая 1857 г. О. С. Павлищева упоминает об одном таком визите: «Виноградский неизбежный читал свои поэтические произведения, которые совсем не дурны».

Самыми близкими знакомыми Марковых-Виноградских в ту пору было семейство сослуживца Александра Васильевича, Н. Н. Тютчева, родственника знаменитого поэта. В этом доме иногда бывали известные люди – поэт и дипломат Федор Тютчев, Павел Анненков, Иван Тургенев, и Анна Петровна настойчиво искала знакомства с ними. В уже упомянутом в начале этой книги письме к Полине Виардо Тургенев шутит, что его преподнесли Анне Петровне вместо букета в день ее именин 3 февраля 1864 г. «В молодости, должно быть, она была очень хороша собой, – пишет Тургенев, – и теперь еще, при всем своем добродушии (она не умна), сохранила повадки женщины, привыкшей нравиться. Письма, которые писал ей Пушкин, она хранит как святыню… У нее есть муж, на двадцать лет моложе ее – приятное семейство, немножко даже трогательное и в то же время комичное».

Эту «трогательность и в то же время комичность»

в отношениях супругов замечали все окружающие. Кого-то это умиляло, на кого-то производило неприятное впечатление. Так, сохранилась запись некого Ефремова, познакомившегося в те годы с семьей Марковых-Виноградских: «Мужа она совсем подчинила себе: без нее он был развязнее, веселее и разговорчивее, сама же она – невысокая, полная, почти ожиревшая и пожилая – старалась представляться какою-то наивною шестнадцатилетнею девушкой, вздыхала, закатывала глаза и т. п.» Возможно, со стороны все так и выглядело. Однако ж самих супругов в их отношениях все устраивало, они продолжали наслаждаться обществом друг друга и не представляли себе жизни поврозь. Александр Васильевич по-прежнему обожал «свою душечку» и хранил к ней «любовь, неизменную, как свет солнца». А Анна Петровна, судя по нескольким отзывам современников, даже внешне «страшно изменилась», когда узнала о болезни супруга. В 1861 г. у него обнаружилось хроническое заболевание желудка, бывшее, по уверению врачей, «прямым следствием бедности, неустроенности, тревог и волнений». Департамент уделов, в котором служил Александр Васильевич, оплатил ему несколько поездок в Баден-Баден, на воды. На курорте болезнь на короткое время отступала, но при возвращении в сырой Петербург боли «злобно разыгрывались вновь». Маркову-Виноградскому ничего не оставалось, как в 1865 г. подать в отставку и покинуть столицу.

Так завершилось десятилетие, проведенное супругами в Петербурге, – наверное, самое счастливое время за всю историю их долгой семейной жизни.

Я уже переживаю последние листки моего собственного романа

Дальнейшие годы жизни этой семьи никак нельзя назвать ни счастливыми, ни благополучными. Выйдя в отставку в чине коллежского асессора, Александр Васильевич мог рассчитывать только на очень скромную пенсию. Оставаться на севере, который ему, в отличие от тезки, был вреден в буквальном смысле, Марков-Виноградский не мог, однако никакого собственного жилья где-то в других местах у семейства не имелось, средств на его приобретение тоже не хватало. Выход был только один – кочевать по друзьям и родственникам, оставаясь в их домах на унизительном положении приживалов до тех пор, пока хозяева не укажут на дверь. Семейство попыталось найти приют у родственников Анны Петровны, но ни брат Павел, ни сестра Елизавета не горели желанием помогать старшей сестре, которая когда-то нянчила и учила их и которую они обобрали, полностью присвоив себе родительское наследство. Их не тронуло даже состояние здоровья Анны Петровны: от всех переживаний оно стало резко ухудшаться, и пожилая женщина начала терять зрение.

«Как досадно, что они не понимают моей поэтической, симпатично оригинальной, любящей и умудренной мышлением старушки, нашей милой мамаши, – написал в своем дневнике Александр Васильевич. – Какие глупцы! Они не соболезнуют тому, что она почти ничего не видит и очень этим несчастлива, так как не может читать, писать, работать, что наполняло ее жизнь и чем она была счастлива, и смотрят на нее как на капризную старуху. Бессердечные пошляки! Я заметил: кто не понимает, не любит моей жены и не сочувствует ей, тот очень пошлый, бездушный, сухой, холодный эгоист».

Позже подобная ситуация повторялась еще несколько раз. Семейство какое-то время жило в том или ином доме, потом съезжало, и в дневнике Александра Васильевича появлялась запись о принимавших их хозяевах, которые были «сухи сердцем», «пусты» и жили «только внешней жизнью».

Долгое время семья скиталась по разным углам, живя то в Тверской губернии, то в Лубнах, то в Киеве, то в Москве, то в селе Прямухино. Зарабатывать себе на пропитание у них не было сил, иных доходов не имелось. Супруги быстро перешли черту бедности и достигли такой ужасающей нищеты, что Анна Петровна в конце концов решилась на отчаянный шаг и продала

самое дорогое, что у нее было: письма А. С. Пушкина. Продала в 1870 г., за бесценок, всего по пять рублей за штуку. Для сравнения биографы приводят такой факт: при жизни Пушкина роскошное издание «Евгения Онегина» стоило 25 рублей за книгу. Можно представить, насколько велико было отчаяние Анны Петровны, если она пошла на такое… Купил у нее эти письма издатель Семевский, которого Александр Васильевич называл «очень ловким литературным аферистом». «Думал ли Пушкин, – писал супруг Анны Петровны, – что его поэтическая, исполненная чувства и игривого остроумия любезность поможет предмету его на старости лет сшить себе кое-что и купить вина и лакомств?»

> *Письма Пушкина Анне Керн были напечатаны в 1879 г. в журнале «Русская старина», а их подлинники долго хранились в архиве Семевского.*
>
> *После смерти его вдовы они были проданы на петроградском антикварном рынке и сменили несколько хозяев, после чего оказались в архивах музея.*

Иногда, очень изредка, кто-то из знакомых вспоминал о Марковых-Виноградских и помогал чем-то, что воспринималось несчастными супругами как величайший дар судьбы. Но нельзя не отметить, с каким мужеством и вызывающей безграничное уважение стойкостью эта пара переносила все жизненные невзгоды. Они не озлобились, не утратили ни любви и интереса к жизни, ни любви и интереса друг к другу. Быть может, как раз взаимная привязанность и помогала им выстоять, она стала для них чем-то вроде противоядия, защищавшего от всех ударов судьбы.

Об этом периоде их жизни сохранились воспоминания нескольких людей, часто эти записи характеризуют самих авторов и их окружение даже ярче, чем чету Марковых-Виноградских.

Т. С. Львова, троюродная сестра Анны Петровны, у которой наши герои гостили четыре месяца в усадьбе Митино Тверской губернии: «Анна Петровна была чрезвычайно ласкова, кротка, читала много, или скорее ей читали вслух. Муж ее окружал ее самым нежным вниманием, готов был на всякий труд, чтобы доставить ей желаемое. Видала я у них портрет ее в молодости, но на этом портрете она была представлена довольно полной – эфирного ничего не было; но я всегда слыхала от тех, которые знали ее прежде, что она была очень привлекательна».

Анна Николаевна Понафидина, дальняя родственница Анны Петровны по матери: «Несимпатичная, неинтересная циничная старуха, все мысли которой были направлены только на еду. Анна

Петровна каждый день объедалась, страдала несварением желудка. Все ухаживали за ней, переносили все ее прихоти и капризы, а муж, еще молодой, симпатичный и интеллигентный, с полным самоотвержением ухаживал за ней».

Уже хорошо знакомая читателю О. С. Павлищева, урожденная Пушкина: «Старые Виноградские жили в агрономической школе в 10 верстах отсюда, но время от времени они сюда приезжали и заходили ко мне всякий раз; мне так всегда было приятно видеть эту добрую Анну Петровну, а теперь они устраиваются на жительство в окрестностях Твери, в деревне Львовых. Эта новость меня так огорчила, что насилу я удержала слезы, когда мне сказал об этом Александр; она придет ко мне для того лишь, чтоб попрощаться, – и наверняка уж нам не свидеться – он в отставке получает полный пенсион 2000 рублей[75], слава богу, что обеспечены, вот что значит протекция, без нее куда плохо бедным людям».

Маргарита Владимировна Алтаева-Ямщикова (1872–1959), писательница, издававшая под псевдонимом Ал. Алтаев произведения для детей, в основном художественные пересказы жизни замечательных людей: «Старая дама в кружевной наколке, нетерпеливая, с деспотическими замашками, немного жеманная… она критиковала и вышивку, и рисунок. Цвета не те. Шерсть не та. Канва слишком крупна. Оттенки никуда не годятся. Сюда нужен шелк, а не гарус и не берлинская шерсть. И шелк не «шемаханский», а непременно «филозель». Сорок лет назад у нее было вышито таким шелком бальное платье, и она была восхитительна – сам Пушкин это находил… Она никак не может забыть, что когда-то была обаятельна и вдохновляла самого Пушкина, и любит напоминать об этом каждому к месту и не к месту. Бок о бок с нею ее верный раб – муж, на двадцать лет моложе ее, но все еще влюбленный в этот памятник пушкинской эпохи. На морщинистом лице жены он видит прежнее очарование, во всем ей поддакивает».

И еще одна история от той же Маргариты Алтаевой, столь же трогательная, сколь и неприятная, в которой участвует популярный в то время тенор Федор Петрович Комиссаржевский (1838–1905): «Вот замирает последняя нота, раздаются рукоплескания. И вдруг томный голос:

– Милый Федор Петрович, спойте романс, посвященный мне…

– Ну, села на своего конька! – бормочет на ухо матери Комиссаржевский и прикидывается непонимающим. – Это какой

же, уважаемая Анна Петровна?

– «Я помню чудное мгновенье…» Вы его так божественно поете.

Комиссаржевский преувеличенно почтительно раскланивается и снова придвигается к фортепиано. Мать разворачивает ноты… Когда за первыми аккордами аккомпанемента прозвучала первая фраза: «Я помню чудное мгновенье…» на лицах слушателей застыло недоумение. Черные глаза Горчаковой с каждой нотой выражали все больший и больший ужас. От конфуза плечи матери ежились и пригибались к клавишам. Массивная фигура длинноволосого Лярова, баса из (киевской) оперы Бергера, склонилась к Агину; слышался его театральный шепот:

– Голубонька моя, Александр Алексеич, что же это он? Зачем же детонирует?[76]

У Агина был прекрасный слух, и ему ли не знать этого романса. Сколько раз у Брюллова, на пирушках «братии», слышал он его в исполнении самого Глинки!

– Я шептала Комиссаржевскому, – говорила мать, – я умоляла его: «Федор Петрович, не надо так жестоко шутить».

Но он продолжал. Оборачиваясь к Анне Петровне своим красивым лицом с ястребиным профилем, невероятно буффоня[77], он выражал нарочитое чувство восторга и обожания. Прижав руки к груди, закатывая прекрасные синие глаза, он безбожно детонировал: «Как гений чистой красоты!» А у бедной вдохновительницы Пушкина по морщинистым щекам текли слезы. Она ничего не замечала и восторженно улыбалась…

Возле Анны Петровны сидели ее муж и сын, оба долговязые, рыжеватые, с лошадинообразными неумными лицами. Я слышала шепот «Шурона», как нежно называла его мать: «Папаша, мамаша так расчувствовалась, что завтра же начнет гонять нас с тобою по всему Киеву искать ей розовую конфетку, точь-в-точь такую, как получила она когда-то из рук самого Пушкина»».

Некто К. Б., пожелавший остаться неизвестным, но лично знавший чету Марковых-Виноградских в статье-некрологе «Вдохновительница Пушкина», напечатанном уже после смерти обоих супругов, в 1880 г., писал, что они «представляли редкое явление: жили меньше для себя, чем для других; людское горе, несчастье у них могли встретить сочувствие и посильную помощь; они учили грамоте девочек, дочерей бедных родителей; по их инициативе в Лубнах устроено ссудосберегательное товарищество; Лубенская публичная библиотека имела их чуть не единственными абонентами. Все свежее, честное, появлявшееся в литературе, встречало теплый привет и искреннее сочувствие со

стороны всесторонне образованной, чуть не наизусть знавшей всех европейских классиков Анны Петровны, до последних дней жизни остававшейся мыслящей и активной». Во многом это действительно было так. В письмах и дневниках обоих супругов постоянно встречаются фразы в духе: «Оба мы живем книгами, в них наши радости и горе».

Наиболее интересные воспоминания об этом периоде жизни семьи Марковых-Виноградских оставила племянница Анны Петровны, Вера Павловна Полторацкая:

«С тетушкой мы всегда поддерживали родственные связи. Уже она была глубокою старушкой, когда мне пришлось гостить у нее в имении ее племянника Квитки. Это имение называлось Березоточа… Здесь жила на склоне лет Анна Петровна в полном одиночестве вместе с супругом своим Александром Васильевичем Виноградским. Она была ласковая старушка маленького роста, всегда ко всем доброжелательная и приветливая. Когда я выросла и прочитала «Старосветских помещиков», то узнала в некоторых чертах Пульхерии Ивановны свою старую тетушку. Правда, лишь в некоторых чертах, потому что в ней характер теплого гостеприимства и милого провинциализма сочетался с большой культурностью. В отличие от Пульхерии Ивановны она всегда шла наравне с веком, очень живо интересовалась современностью, любила молодежь и верила в нее. Голова – белая как лунь, и лицо старенькое, все в лучиках морщин, и только глаза сохранили почти юношескую свежесть.

В ту пору она жила на покое благодаря заботам своего племянника Дмитрия Константиновича Квитки, служившего в Полтаве директором банка.

Помню в одной из зал деревенского дома большой портрет А. С. Пушкина. Тетушка свято хранила его, так же как и все реликвии, связанные с его памятью. Был у Анны Петровны один заветный альбом большого формата в темном кожаном сафьяновом переплете. В нем листы были переложены разными сувенирами и множеством высушенных цветов: роз, незабудок и осенних астр, прикрепленных выцветшими ленточками к небольшим листкам почтовой бумаги.

Часто она перелистывала свой альбом, с любовью перебирала его потемневшие страницы, любовалась цветами и, вспоминая старину, часто задумывалась, качая головой. Мне было в то время немного лет, и я скучала этими воспоминаниями и разговорами, мало мне понятными. Много раз говорила мне тетушка, лаская:

– Глупенькая ты еще, Верочка. Вот вырастешь – узнаешь, какой великий человек писал эти слова своей рукой.

Она часто читала стихи, все перечитывала. И еще какие-то

письма. Не знаю, почему Анна Петровна меня, девчонку, избрала собеседницей в своих воспоминаниях. Вероятно, потому, что очень уж была одинока в те годы своей жизни…»

«Жили они [с мужем] дружно, как два голубка. Александр Васильевич был моложе Анны Петровны чуть ли не на 20 лет. У нас говаривали в семье, что когда он родился, то тетя его, новорожденного, носила на руках. Когда он подрос и поступил в кадетский корпус, она встретилась с ним в Петербурге. Каждую неделю по отпускным дням брала его к себе домой, кормила кадетика блинами и пышками, ласкала его по-матерински, растила и берегла… Вырос и сам Александр Васильевич, возмужал, они подружились и наконец стали мужем и женой. Впоследствии они как-то сравнялись годами.

Дядя Саша был высокий худощавый старичок с козлиной бородкой, как у Некрасова, очень болезненный. Страдая болью в желудке, он всегда носил подушечку на животе, а на ней обе руки. Звали они друг друга «папаша» и «мамаша», никогда по имени.

Когда стемнеет на дворе, хозяева приказывали девушкам позакрыть все ставни в доме, железками заложить изнутри и опустить на окна шторы. Наступала тишина, только сторож мерно стучит в чугунную доску. Удары гулко проносятся в тишине. На столе шумит самовар: уютно и тепло. Через всю скатерть дядя с тетушкой раскладывали большой пасьянс и ссорились порою. Только беззлобно, никогда не держали зла и обращались друг с другом с изысканной вежливостью, всегда на «вы» Ухаживал дядюшка за Анной Петровной трогательно нежно и всегда с какой-то особою деликатностью. Усядется она в кресло, сейчас дядя Саша подойдет, скамеечку пододвинет под ноги и пледом укутает, и так ласково, любезно. За вечерним чаем он всегда присаживался к самовару и сам разливал чай. Ей, тетушке, конечно, первой в большой старинной чашке.

Обычно долго сидели за столом. Я копошусь на ковре, занятая своими ребячьими делами, а тетушка за пасьянсом. Потом она смешает карты и прикажет подать книжку или все тот же альбом. Начнет читать стихи. К сожалению, их содержания не помню в точности. Но после, читая Пушкина, я сразу узнала его чудный гимн «Я помню чудное мгновенье…». Были и другие стихи в альбоме – тетушка говорила, что ей писались. Очень звучные стихи, красивые, как музыка…»

Сами супруги в этот период тоже работали над своими воспоминаниями. В конце 1860-х гг. Анна Петровна продиктовала мужу «Три встречи с императором Александром Павловичем», а в 1870 г. – свой последний мемуарный труд «Из воспоминаний о

моем детстве» (другое название «Сто лет назад»), который был опубликован в 1884 г.

Александр Васильевич всю жизнь вел дневники, в которых кратко, но регулярно добросовестно день за днем описывал, как протекала их семейная жизнь, рассуждал о прочитанных книгах, о людях, с которыми ему довелось встретиться, и местах, где случилось побывать. В дополнение к дневникам он оставил также и собственные мемуары со скромным, может быть, даже излишне скромным названием «Из записок и журнала неизвестного человека».

Эти воспоминания интересны не только описанием людей и событий, но и тем, как раскрывается в них личность самого Александра Васильевича. Даже сейчас, по прошествии многих лет, биографы не устают удивляться его благоговейному отношению к жене, которое Марков-Виноградский пронес сквозь все годы и невзгоды. Ее настоящее было для него счастьем и отрадой, прошлое же служило исключительно поводом для восхищения и гордости ею. «Теперь я сижу в уютной нашей спальне, – писал Александр Васильевич. – Она, моя голубушка, уже легла в постель и ей может быть уже и снится что-нибудь, а я пишу и хочу сказать несколько слов о Пушкине, о котором мы с нею часто беседуем… Она была знакома с ним, и он ее воспел в двух стихотворениях: «Я помню чудное мгновенье» и «Я ехал к Вам». Она вдохновляла также Подолинского. …Да, кто не восхищался ее внутренней и внешней красотою?.. «Сын Отечества» вздумал уверять, что Пушкин не мировой гений!! Мне это досадно!.. В его произведениях воспроизведены общечеловеческие мысли, чувства и действия и затронуты общечеловеческие нравственные интересы, которые для всех людей и всегда занимательны… Музыка стихов его отчетливо, верно изображает чувства, и, читая их, кажется, что Пушкин и мыслил стихами, так они естественны!.. Ни одна строка не написана им для рифмы… Его стихи подобны дождю, лились из сердца и западают в сердце каждого… Многие женщины, воспаляемые огнем его речей и страстию его взглядов и манер, увлекались им до цинизма… Некоторые, разумеется весьма немногие, допускали даже непозволительные ласки – персидские или содомские удовольствия… И он их не уважал, кроме тех, которые держали себя вдали от него, как, например, моя жена и некоторые другие. Она, моя голубка, светлым, чистым взглядом, своими скромными манерами и речами, своею простотою, исполненною невинности сердечной, своим поэтическим идеализмом и высшими воззрениями на жизнь исключала возможность грязных поползновений и была воспета Пушкиным

как «гений чистой красоты»».

В одной из тетрадей «Записок» Александр Васильевич выразил надежду, что потомки осуществят их полное издание: «Я их завещаю сыну или кому другому, чтоб их напечатать, если признаются они достойными печати тогда, когда находящиеся в них очерки нравов, характеристики и биографии не могут никого задеть и сделаются занимательными и поучительными, как безыскусственное сказание о прошлом».

К сожалению, сын Марковых-Виноградских записки не опубликовал. Впрочем, он не только в этом не оправдывал надежд своих родителей. Так и не получив толком никакого образования, он продолжал менять одно место службы на другое, то работал в театре, то состоял в почтовом ведомстве, то был управляющим имения родственников… И ни с чем толком не справлялся, нигде долго не задерживался. В дневниках Александра Васильевича постоянно встречаются записи о том, что сын оставил службу в таком-то городе и перебрался в такой-то, где все повторялось вновь. Летом 1871 г. он женился на Елизавете Васильевне Аксамитной, дочери мирового судьи из небольшого городка Черниговской губернии, которая также была небогата, «умна, добра, но не хороша». Однако появление семьи ровным счетом ничего не изменило в его жизни.

Что же касается дочери Анны Петровны, Екатерины, то и у нее жизнь складывалась не лучшим образом. После 10 лет более или менее благополучного брака она в 1865 г. овдовела. Так же, как и ее мать, осталась без средств к существованию и тоже вынуждена была жить у родственников, в том числе в неоднократно упоминавшемся Тригорском, где прожила с сыном Юлием около трех лет. Наконец Екатерине удалось выхлопотать пенсию за мужа, после чего она вернулась в Петербург и работала гувернанткой до тех пор, пока Юлий не вырос и не получил образование.

Здоровье обоих супругов Марковых-Виноградских становилось хуже день ото дня. «1876 г. 19 апреля. Что за ужасные были две ночи и день! – писал Александр Васильевич. – Моя бедная мамаша так страдала и стонала, что я приходил в ужас! Ее томила желчная рвота и тоска смертельная!..Она, голубка моя милая, все металась и говорила о смерти. Меня грызла скорбь, неисходная мука безнадежности. Ничего не может быть ужаснее, как быть в глухом, беспомощном одиночестве, лицом к лицу с мучительною болезнью своего друга, которым живешь!»

Лечение требовало денег, а средств у семейства не было. Они едва сводили концы с концами и жили только в надежде на

помощь друзей и знакомых.

«Не подосадуй, мой друг, на меня, что я при сей верной оказии прибегаю к тебе опять за помощью, мой верный друг и моя всегдашняя опора! – писала в 1872 г. Алексею Вульфу под диктовку свекрови сноха Анны Петровны. – Помоги мне еще раз, вероятно в последний, потому, что я очень уж на тонкую гряду раза два нынче зимой чуть было не отправилась, и одолжи, пожалуйста, в этот последний раз, вышли мне, пожалуйста, 100 рублей… часть я должна, а на остальные подновят мой гардероб, потому, что мой гардероб мыши съели… И жилось бы мне хорошо, если бы я смогла жить в своем доме, но брат не пускает и даже оттягал и мою собственность, ту, которую мне отец завещал. Ну Бог с ним! Это за то, что я ему отдала часть своей, которую получила от бабушки. Прощай, мой милый друг! Весна так хороша, что и я тебе подобной желаю, напиши хоть словечко и прости, что я тебе надоедаю, и будь так добр, не откажи в моей просьбе и вышли как можно скорей.

Преданная тебе друг и сестра Анна Виноградская».

К чести Вульфа, надо сказать, что в просьбе он не отказал, хотя к старости сделался очень скуп и, по отзывам современников, «совершенно невыносим». Но Анне Петровне помог, что известно из следующего письма к нему, написанного Александром Васильевичем:

«Вчера мы были обрадованы оказанною нам помощью Вами, многоуважаемый Алексей Николаевич, и приносим Вам за нее живейшую признательность. Бедная моя старушка прослезилась и поцеловала радужную бумажку, так она пришлась кстати.

Я на днях получил отказ в пособии, которое просил у Департамента уделов, и был очень огорчен, не зная, где добыть презренного тряпья, чтобы сделать необходимый запас дров, и моя добрая голубушка сказала мне, что она давно уже по секрету хлопочет у Вас о помощи… Я несколько успокоился и вот вчера был несказанно обрадован Вашей помощью… Родной брат ограбил… двоюродный помогает. Да помогут последнему силы небесные на все доброе, да простит первого Бог!

Здоровье наше плохо… Мы думали поправиться летом, но лето было испорчено таскавшеюся у нас в течение трех месяцев подлою потаскухою холерою! Дети наши служат в Одессе… но чем живут в таком дорогом месте, получая 55 рублей в месяц, и как живут, мы не знаем».

Одним словом, жизнь их катилась к закату, и этот закат совсем не был ни счастливым, ни прекрасным…

Еще одно последнее сказанье, И летопись окончена моя

Бытует суеверие, что накануне смерти тяжелобольные люди вдруг чувствуют улучшение, вплоть до того, что им кажется, будто они выздоровели. Нечто подобное произошло и с судьбой семьи Марковых-Виноградских. В последние годы их жизнь неожиданно более или менее наладилась. Сын Александр получил место на Брестской железной дороге и перебрался в Москву с женой и маленькой дочкой Аглаей, родившейся в 1874 г. Они поселились в меблированных комнатах доходного дома Гуськовых у самой Тверской заставы, на углу Тверской улицы и Брестского (Кузнечного) переулка на последнем, третьем этаже, в квартире № 20 (ныне площадь Тверской заставы).

Некоторое время супруги Марковы-Виноградские гостили в Москве «у детей». Вскоре после приезда их навестил заглянувший из Петербурга в Москву бывший сослуживец Александра Васильевича Н. Н. Тютчев, посочувствовал их бедственному положению и подарил старому другу пальто, а его внучке – три платья. Бывали в гостях и другие родственники и знакомые. Постепенно жизнь всего семейства стала немного налаживаться, по крайней мере, с материальной стороны.

Вот как описал свою встречу с ними знакомый Александра Александровича, артист Малого театра Осип Андреевич Правдин: «В 1878 году Анна Петровна жила на Тверской-Ямской, у самой Тверской заставы, на углу Кузнечного переулка, – жила и умерла в комнате 3-го этажа. Есть люди, утверждающие, что она умерла в бедности, – это неправда: в момент, который я описываю, Виноградские жили хотя и не роскошно, но ни в чем не нуждались. Старушку, по возможности, холили и оберегали. Жена моя, Мария Николаевна, знавшая знаменитое прошлое Анны Петровны и какую она играла роль в жизни нашего великого поэта, очень заинтересовалась старушкой, и в один прекрасный день ее представили ей. Анна Петровна была очень любезна и внимательна, много говорила, конечно, вспоминала и Пушкина, и Дельвига… она принимала довольно часто мою жену, беседовала с ней, довольно долго вспоминала, как в Полтаву приезжал император Александр, танцевал с

ней на балу… Я совершенно отчетливо вспоминаю теперь то впечатление, которое охватило меня, когда я увидел ее в первый раз.

Самочувствие обоих супругов оставляло желать лучшего, но, даже несмотря на это, они продолжали радоваться жизни. 11 февраля 1878 г. семья отметила 78-й день рождения Анны Петровны. «Именины голубки нашей милой, – записал в дневнике Александр Васильевич, – начались пирогами с осетриной и гостями со шлейфами и без оных, а закончились в Сашином номере водкой и стукалкой».

Очень любопытна запись А. В. Маркова-Виноградского о его собственном дне рождения в том же году, 17 августа. «Чтобы сделать этот день приятным, я купил моей доброй старушке винограду и платок на шею. Потом водил к Ефрему [монастырь по соседству], и она была очень довольна, особенно когда удался пирог с грибами».

Именины Александра Васильевича праздновались уже не в Москве, а в имении Прямухино. Приняв предложение родственников, которые уговаривали провести лето за городом, супруги весной 1878 г. покинули Первопрестольную и отправились в Тверскую губернию, где то жили на съемных квартирах, то гостили у родни. Наконец, в октябре, после нескольких тяжелых переездов, они обрели пристанище в доме близких и дорогих сердцу людей.

«Дорога была ужасная: глубокие ямы, рытвины, лужи, камни и дурные мосты, – вспоминал Александр Васильевич. – Мы 35 верст ехали 5 часов и до того устали, что шатались, когда вытащили нас из коляски. Но Александр и Лиза Бакунины так радушно и тепло встретили нас, так гостеприимно угостили ужином и чаем, что мы скоро ободрились и глубоко признательны божественной силе, выбросившей нас на лесные и красивые берега быстрой Осуги, в кущи прямухинского парка, в старую усадьбу Бакуниных, схожую с аббатством и таящую в своих покоях, сумрачных коридорах и закоулках много воспоминаний из разумной, честной жизни, исполненной правды, гуманности, духовной красоты и всего прекрасного бывших и настоящих владельцев ее. Сколько в ней перебывало исторических людей! Сколько раздавалось философских, ученых, поэтических и шаловливых бесед! Сколько разлилось из нее добра, разума и благотворений! И вот и нам пришлось приобщиться к почтенной, гуманной жизни Бакуниных. Помоги нам, неведомый, быть достойными этой жизни и докончить в Прямухине век свой». И снова его мольбы были услышаны

Небесами…

С владельцами Прямухино – семьей Бакуниных – Анна Петровна была знакома с детства. Александр Михайлович Бакунин (1768–1854), поэт, публицист, интеллектуал, друг многих литераторов и философов, и его жена Варвара Александровна, урожденная Муравьева (1792–18??), родственница нашей героини, вскоре после свадьбы гостили в Берново. «Детьми мы любовались умению его жить и любить свою жену, – вспоминала Анна Петровна. – Она была молодая, веселая, резвая девушка, он – серьезный, степенный человек, и, однако, на них было приятно смотреть. Я помню их сидящими дружно рядом, когда он ее кругом обнимет своими длинными руками, и в выражении ее лица видно было, как она довольна этой любовью и покровительством. Иногда она его положит на полу и прыгает через него, как резвый котенок. Его положение тогда не было ни странно, ни смешно. И тут являлись с любовью покоряющая сила и доброта – идеал доброты! Помню еще раз бальный вечер; они сошлись в нашей общей комнате с маминькой; он лежал на ее кровати, она, в белом воздушном платье, прилегла подле него, и как он, шутя, уверял ее, что кольцо, надетое на его палец, не скинется, врастет в него; она беспокоилась, снимала его, велела подать воды, мыла, а он улыбался и, наконец, успокоил ее, что это была шутка».

«Конечно, я не ожидал встретить тот образ красавицы Керн, к которой наш великий поэт обращал слова «Я помню чудное мгновенье», но, признаюсь, надеялся увидеть хоть тень прошлой красоты, хотя намек на то, что было когда-то…

И что же? Передо мною в полутемной комнате, в старом вольтеровском кресле, повернутом спинкой к окну, сидела маленькая-маленькая, сморщенная, как печеное яблоко, древняя старушка в черной кацавейке, белом гофреном чепце, с маленьким личиком, и разве только пара больших, несколько моложавых для своих 80 лет глаз, немного напоминала о былом, давно прошедшем. Я был настолько удручен тем, что увидел, что, когда меня представили, не нашелся даже о чем говорить, ограничился двумя-тремя фразами о ее здоровье, простился и ушел… Передо мной сидел точно не живой человек, и прощание мое было скорее с существом, принадлежавшим уже другому миру…»

Усадьба Прямухино.

У любящей четы Бакуниных было одиннадцать детей. Один из сыновей, Александр Александрович (1821–1908), поручик, стал мужем Елизаветы Васильевны Марковой-Виноградской, родной и любимой сестры Александра Васильевича. Елизавета Васильевна была дружна с братом и его женой, переписывалась с ними, сама гостила у них и принимала их у себя в Прямухино. После того как Елизавета Васильевна скончалась в 1853 г., Александр Александрович женился вновь, на тезке первой жены, Елизавете Александровне Львовой. Их дружба с Марковыми-Виноградскими продолжалась.

В Прямухине наши герои жили насыщенной жизнью, общались («наслушивались умных речей», по выражению Александра Васильевича) с интересными людьми, часто бывавшими у Бакуниных, были окружены вниманием и заботой. Анна Петровна написала об этом (точнее, продиктовала) в письме Алексею Вульфу:

«Видишь, где я очутилась, мой добрый друг и брат? В доме, где я бывала в детстве и где мне так хорошо на старости, и где ты бывал в прошлые годы нередко, и где надеюсь видеть тебя, может быть, даже в это лето… А как мы с мужем были бы рады этому!.. Добрейшие хозяева наши Александр и его жена Лиза Бакунины так с нами ласковы и внимательны, что мы испытываем полное довольство и покой…

Вскоре после смерти Анны Петровны с подачи

журнала «Русский архив» появилось и быстро распространилось предание, что ее похоронная процессия повстречалась у Тверской заставы с памятником Пушкину, который привезли в Москву. Однако же эту красивую легенду развеял уже упоминавшийся актер Малого театра О. А. Правдин, рассказав о действительном случае, послужившем поводом к ее возникновению.

«Это было, кажется, в мае… Анна Петровна сильно захворала, так что за ней усилили уход и оберегали от всего, что могло бы ее встревожить. Был очень жаркий день, все окна были настежь. Я шел к Виноградским. Дойдя до их дома, я был поражен необычайно шумливой толпой. Шестнадцать крепких битюгов, запряженных по четыре в ряд, цугом везли какую-то колесную платформу, на которой была помещена громадная, необычайной величины гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была пьедесталом памятника Пушкину. Наконец среди шума и гама удалось-таки сдвинуть колесницу, и она направилась к Страстному. …Больная встревожилась, стала расспрашивать, и, когда после настойчивых ее требований (ее боялись волновать) ей сказали, в чем дело, она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала с блаженной улыбкой: «А, наконец-то! Ну, слава богу, давно пора!»» Опровергает легенду и тот факт, что сам памятник, созданный скульптором А. М. Опекушиным, открыли только год спустя, летом 1880 г.

Из Москвы мы переехали в Торжок еще в апреле, по случаю дороговизны и потому что утомились от суеты и грязи номерной жизни… В половине же октября переехали в Прямухино по влечению сердца и в видах экономии… Прямухино все то же, что и было 70 лет назад, и это мне очень приятно; а между тем милое наше Берново уже далеко не то!..

Дети наши в Москве, и мы надеемся, что доставят нам радость свидания в скором времени…

Мое здоровье недурно, но болезненная тоска по временам опять одолевает меня… и память очень плоха… Вследствие этого напомни мне о всех наших родных и утешь подробною грамоткою о себе, старый и неизменный друг и брат.

Будь здоров и люби – хоть немножко – неизменно преданного тебе друга Анну Виноградскую».

Это письмо, в целом спокойное и благостное, оказалось

последним (во всяком случае, из известных) письмом Анны Петровны.

В декабре Александр Васильевич вместе с А. А. Бакуниным съездил в Торжок, и эта поездка стала для него роковой. «Колотились мы по замерзшим глыбам семь часов, и поздно вечером дотащились до города совершенно разбитые… я вернулся домой в страшную вьюгу, пронизывавшую меня своим свирепым холодом до самых тайных закоулков моих больных кишок». Вернувшись, Марков-Виноградский слег в постель и больше уже не поднялся, несмотря на то что его пользовали хорошие доктора, за которыми сразу послали хозяева.

Последняя запись в дневнике А. В. Маркова-Виноградского сделана его рукой 23 января 1879 г.: «Раннее утро. Завывает ветер, и печи трещат и пылают по коридору, согревая наше аббатство. Тяжкие недуги мои как будто смягчаются после 40-дневных страданий…»

Через пять дней, в ночь с 27 на 28 января 1879 г., Александр Васильевич скончался. 29 января в Прямухино приехал сын Александр, а 1 февраля Маркова-Виноградского похоронили в семейном склепе Бакуниных возле Троицкой церкви.

А. П. Маркову-Виноградскому было 58 лет. По современным меркам, возраст совсем не старческий, в это время большинство людей еще очень активны и даже более или менее здоровы. Да и не только по современным. И в описываемую нами эпоху люди нередко доживали до куда более почтенных годов, сохраняя и силы, и интерес к жизни. Но у героя нашей истории судьба сложилась иначе. Всей душой полюбив женщину, которая была на 20 лет старше его, он за годы совместной жизни полностью соединился, слился с ней, почти растворившись. Об этом говорит все, даже такие мелочи, как то, что, подписывая письма, он, вопреки общепринятым тогда правилам, всегда ставил имя супруги прежде собственного. Живя со «своей душенькой», «своей царицей», на его глазах превращавшейся в «мамашу» и «милую старушку», он раньше времени старился вместе с ней… И даже словно бы частично вместо нее. Не будь в жизни Анны Петровны столь любящего и любимого мужа, его преданности, заботы и поддержки, она при такой тяжелой жизни, без сомнения, скончалась бы куда раньше и в куда более мрачном состоянии души.

Спустя неделю после смерти А. В. Маркова-Виноградского его сын написал А. Н. Вульфу: «Многоуважаемый Алексей Николаевич! С грустью спешу уведомить, отец мой 28 генваря умер от рака в желудке при страшных страданиях в д. Бакуниных в селе Прямухине. После похорон я перевез старуху мать

несчастную к себе в Москву, где надеюсь ее кое-как устроить у себя и где она будет доживать свой короткий, но тяжелогрустный век. Всякое участие доставит радость бедной сироте-матери, для которой утрата отца незаменима».

Переезд Анны Петровны в Москву действительно состоялся, и в феврале 1879 г. она вновь поселилась в тех же меблированных комнатах у Тверской заставы. 27 мая 1879 г. Анна Петровна скончалась от паралича, пережив любимого мужа всего лишь на четыре месяца. Почти как в сказке, «жили долго и счастливо и умерли в один день». Вот только сказка получилась какой-то печальной…

По завещанию Анны Петровны ее должны были похоронить рядом с мужем в селе Прямухине Новоторжского уезда. Но, как назло, время выдалось ненастное, зарядили долгие проливные дожди, что совсем нетипично для начала лета. «Точно природа оплакивала ее смерть», – напишут спустя много лет биографы Керн. Дороги размыло, и доехать до кладбища не представлялось возможным. Пришлось похоронить ее там, где ненастье застало путешественников, – в деревне Прутня, в шести километрах от Торжка, на погосте возле каменной церкви Вознесения. Точное место захоронения неизвестно, поэтому рядом с храмом установили символическое надгробие.

Если не брать в расчет родственников, друзей и знакомых, то для общественности смерть Анны Петровны осталась незамеченной. Только через год, как раз в связи с открытием памятника А. С. Пушкину, некоторые газеты и журналы вспомнили о его музе и поместили краткие некрологи. Лучший из них, написанный известным библиографом, историком и публицистом, автором трудов по генеалогии князем Николаем Николаевичем Голицыным, заканчивался словами: «Теперь уже смолкли печаль и слезы, и любящее сердце перестало уже страдать. Помянем покойную сердечным словом, как вдохновлявшую гения-поэта, как давшую ему столько «чудных мгновений». Она много любила, и лучшие наши таланты были у ног ее. Сохраним же этому «гению чистой красоты» благодарную память за пределами его земной жизни».

Могила Анны Керн.

Как ни печально, но со смертью Анны Петровны несчастья семьи Марковых-Виноградских не закончились. Уже упомянутый на этих страницах Осип Правдин вспоминал: «Александр

Александрович был очень милый, добродушный и жизнерадостный человек, но непонятно в силу каких обстоятельств не сумел примениться к какому-нибудь делу и часто материально бывал в тисках. …Даже смерть его была какая-то неожиданная и не совсем ясная[78]. У дочери его, Аглаи, был дифтерит… Неизвестно, заразился ли он от нее или неудачно отравился, но в один прекрасный день он ушел с вечера спать, а наутро был найден мертвым, причем, оказалось, что за ночь он для чего-то принял громадную дозу бертолетовой соли… Врачи так и не объяснили, и он унес эту тайну в могилу. Жена его, Елизавета Васильевна, оставшись без всяких средств, служила в провинции кассиршей в театрах, дала образование своей дочери Аглае и сделала из нее дельную актрису…»

Внучка Анны Петровны Аглая Александровна (1874–1941/42) действительно стала артисткой и выступала в провинциальных театрах. Она сохранила дневники, вещи, письма, портреты и фотографии своих родных, передала их биографам и пожертвовала в музеи. По некоторым сведениям, умерла внучка Анны Петровны в блокадном Ленинграде.

Что же касается другой ветви потомков Анны Петровны, то ее дочь Екатерина Ермолаевна дожила в Петербурге до 1904 г. Год ее смерти совпал со 100-летним юбилеем Глинки. «Она скончалась в 86 лет и до последнего момента была ясна в мыслях и вспоминала Михаила Ивановича постоянно всегда с глубоким горестным чувством, – писал сын Екатерины Юлий. – Очевидно, она его любила до конца своей жизни».

Юлий Михайлович Шокальский окончил Морскую академию и стал знаменитым ученым: географом, океанографом и картографом, совершил серию важных научных открытий. Его имя носят Центральный лекторий Санкт-Петербурга, несколько кораблей и более десятка различных географических объектов. Безусловно, Анна Петровна могла бы только гордиться таким потомком.

Послесловие. Нет, весь я не умру…

Можно как угодно относиться к личности Анны Петровны, сомневаться с высоты разделяющих нас с ней лет в ее привлекательности, нравственности, уме или незаурядности. Но существует один бесспорный момент, усомниться в значимости которого, думаю, не придет в голову никому. Это – сохраненная ею для потомков память о том мире, в котором она жила, и людях, с которыми встречалась. Сбереженные Анной Петровной письма, записки, альбомные записи, стихотворения и прочее в том же духе очень важны, но особенную ценность все же представляют созданные А. П. Керн воспоминания. Анна Петровна оставила шесть мемуарных трудов, каждый из которых интересен по-своему. Все исследователи единогласно сходятся во мнении, что ее произведения представляют значительный научно-познавательный и литературно-художественный интерес, поскольку достоверность и точность приводимых фактов и событий сочетаются в них с тонкой наблюдательностью и живостью изложения.

Все люди смертны, но никто не исчезает бесследно. После того как человек уходит, остается еще очень многое связанное с ним. Остаются его вещи, которыми он пользовался, остаются портреты и фотографии, видео– и аудиозаписи с ним. Остаются плоды его работы, написанные им книги, сделанные им открытия, вещи, созданные его руками. Остаются потомки, которые носят его отчество и фамилию. И остается самое главное – память о нем. Многие великие люди на разные лады повторяли, что человек жив, пока о нем помнят. И если это действительно так, то героиня нашей истории будет жить вечно благодаря обессмертившим ее словам «Я помню чудное мгновенье…».

notes

Сноски

1

«Михайловское» – государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина в Пушкиногорском районе Псковской области.

2

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) – русский советский поэт и переводчик.

3

Михаил Иванович Глинка (1804–1857) – знаменитый русский композитор, автор опер «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», а также многих популярных песен и романсов.

4

Существует еще несколько женских портретов, на которых, как предполагается, могла быть изображена Анна Керн, но эти факты не доказаны и вызывают постоянные споры у специалистов.

5

Андрей Иванович Подолинский (1806–1886) – поэт, последователь Пушкина, бывший в числе страстных поклонников Анны Керн.

6

Луиза Августа Вильгельмина Амалия (1776–1810) – принцесса Мекленбург-Стрелицкая, супруга Фридриха Вильгельма III и королева-консорт Пруссии. Бабушка российского императора Александра II.

7

Александр Васильевич Никитенко (1805–1877) – историк литературы, критик, профессор Санкт-Петербургского университета.

8

«Дневник для отдохновения» – один из дневников Анны Керн, который она вела в Пскове летом 1820 г. в виде писем к родственнице – своей тетушке, двоюродной сестре отца Федосии Петровне Полторацкой (?-1854), «лучшему из друзей», с которой они на тот момент были очень дружны.

9

Насчет того, что это был за портрет, исследователи до сих пор расходятся во мнениях. Одни считают, что это та самая неудачная миниатюра, о которой шла речь выше, другие предполагают, что это был какой-то еще портрет, который не сохранился или не был идентифицирован.

10

Иван Петрович Вульф (1741–1814) – тайный советник, капитан-поручик в отставке, уездный предводитель дворянства, в 1798–1800 гг. – губернатор Орловской губернии.

11

Анна Федоровна Вульф, урожденная Муравьева (?–1810).

12

Петр Маркович Полторацкий – отец Анны (около 1775 г. – после 1851 г.).

13

Николай Иванович Вульф (1771–1813) – второй сын Вульфов.

14

Антон Антонович Дельвиг (1798–1831) – русский поэт, издатель, лицейский товарищ Пушкина. Всю жизнь оставался одним из его ближайших друзей. Барон Дельвиг был членом Вольного общества любителей российской словесности, с 1819 г. входил в состав преддекабристской организации «Священная артель», был членом санкт-петербургских масонских лож «Елизаветы и добродетели» и «Избранного Михаила». В 1825–1831 гг. он издавал альманах «Северные цветы», в 1829–1830-х – альманах «Подснежник», с 1830 г. – «Литературную газету». О знакомстве Анны Керн с Дельвигом и его женой речь пойдет впереди.

15

Сударыни, хорошо ли вы знаете части речи? (*фр.*)

16

Кроме Анны, старшей из детей, у четы Полторацких был еще сын Павел (1810–1876) и четыре дочери: Елизавета (около 1802 г. – после 1868 г.), Варвара (около 1808 г. – после 1830 г.) и еще две, чьи имена не сохранились. Они умерли совсем маленькими в 1802 и 1808 г.

17

«Письма к Эмилии о мифологии» (фр.) – сочинение частично в прозе, частично в стихах, имевшее большой успех, особенно у женщин. Автор – Альбер-Шарль Демустье (1760–1801), французский литератор и поэт.

18

«Юлия, или Новая Элоиза» – сентиментальный роман в письмах, написанный Жан-Жаком Руссо в 1757–1760 гг. Нравоучительная история дворянки, которая влюбилась в своего учителя и сделалась его любовницей, но была выдана замуж за другого, сумела побороть в себе страсть и вернуться на стезю добродетели, снискала большую популярность у читателей XVIII и XIX вв.

19

Лоренс Стерн – английский писатель, религиозный деятель и политик XVIII в. Его роман «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», сочетавший в себе описание впечатлений от реальной поездки, любовных приключений и переживаний автора, пользовался огромным успехом у современников.

20

А. Керн «Воспоминания о Пушкине».

21

«Промелькнувший перед нами образ, который мы видели и никогда более не увидим» (*фр.*).

22

Повторение – мать учения (*лат.*)

23

Уверяю вас, что он мною не пленен! (*фр.*)

24

Евпраксия, она же Зизи, Вульф, в замужестве Вревская (1809–1883), друг А. С. Пушкина, адресат нескольких стихов и отрывка из «Евгения Онегина» «Зизи, кристалл души моей».

25

Алина Ивановна Осипова, в замужестве Беклешова (1808–1864). Та самая Алина, которой посвящено стихотворение Пушкина «Признание»: «Я вас люблю, хоть я бешусь…»

26

До чего же я был неучтив сегодня! (*фр.*)

27

Я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо (*фр.*).

28

Мой милый Пушкин, будьте же гостеприимны и покажите госпоже ваш сад (*фр.*).

29

Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас было тогда что-то вроде крестика, не правда ли? (*фр.*)

30

Это ошибка Анны Петровны. Вторая глава романа в стихах «Евгений Онегин» вышла в свет только в октябре 1826 г., стало быть, Пушкин мог подарить ей только первую главу.

31

В другом переводе: «вправе… иметь любовников».

32

Домашнее прозвище Анны Николаевны Вульф.

33

Речь идет о том, что провожать сестру и Анну Керн поехал Алексей Вульф, а не Пушкин.

34

Я презираю твою мать (*фр.*).

35

Все это в настоящее время (*фр.*).

36

Петр Петрович (Пьер Доминик) Базен (1786–1838) – инженер, строитель, математик, поэт, переводчик, педагог, почетный член Петербургской АН. Выходец из Франции, он в 1810 г. поступил на русскую службу. Во время Отечественной войны 1812 г. его «из предосторожности» отправили в ссылку и даже посадили в острог, где он провел несколько лет и только после окончания войны вернулся в Санкт-Петербург. По проекту Базена построено и перестроено несколько десятков объектов города и пригородов: мосты, каналы, набережные, гидросооружения, шоссе, здания. Кроме выдающихся инженерных знаний и талантов, обладал разнообразными гуманитарными способностями: владел пятью языками, знал русскую литературу и историю, писал стихи и переводил их.

37

«Предметом» (имея в виду, видимо, предмет воздыханий или что-то в этом духе) в XIX в. называли объект интереса, симпатии, влюбленности того или иного человека. Кто была эта дама, названная «предметом» Льва Пушкина, неизвестно, но то, каким образом его брат собрался «выместить на ней его успех», ясно намекает на это.

38

Болтин Илья Александрович (1795–1856) – уланский офицер, дальний знакомый участников этой истории. Весьма вероятно, что слухи о его романе с Керн, на которые ссылается поэт, не более чем сплетни.

39

Софья Михайловна Дельвиг, урожденная Салтыкова (1806–1888).

40

Петр Григорьевич Каховский (1799–1826) – русский дворянин, декабрист, член Северного тайного общества, убийца (14 декабря 1825 г.) генерала М. А. Милорадовича и полковника Н. К. Стюрлера, сохранивших верность присяге и императору.

41

Евгений Абрамович Баратынский или Боратынский (встречаются разные написания) (1800–1844) – русский поэт, друг А. С. Пушкина.

42

Викентий Викентьевич Вересаев, настоящая фамилия Смидович (1867–1945) – русский и советский писатель, переводчик и литературовед, автор одной из самых известных биографий А. С. Пушкина «Пушкин в жизни» (1927).

43

Речь о стихотворении «К***», которое Керн показала Дельвигу и которое тот опубликовал в «Северных цветах» в 1827 г.

44

Ксенофонт Алексеевич Полевой (1801–1867) – русский писатель, литературный критик, журналист, книгоиздатель, переводчик. Хороший знакомый Пушкина.

45

Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) – друг семьи Пушкиных, участник войны 1812 года, российский государственный деятель, член Российской АН, писатель и переводчик, путешественник, ученый. Владел многими (более десяти) языками, был первым русским ученым, умевшим читать иероглифическую письменность.

Споры насчет того, о каких именно «многих стихах» идет речь, пушкинисты ведут до сих пор.

47

Последняя строка – отсылка к словам из письма А. С. Пушкина к А. Г. Родзянко: «Не перебивай моей романтической лавочки».

48

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827) – талантливый поэт, переводчик, прозаик и философ, чья жизнь трагически оборвалась в 22 года. Н. Г. Чернышевский писал о нем: «Проживи Веневитинов хотя десятью годами более – он на целые десятки лет двинул бы вперед нашу литературу…»

49

Отчего вы позволили ему умереть? Он ведь тоже был влюблен в вас, не правда ли?

Написано в моем изгнании (*фр.*).

51

Любовь, изгнание (*фр*.).

Вздор, чепуха (*устар.*).

53

Дмитрий Николаевич Барков (1796–1855) – малоизвестный поэт, театральный критик и переводчик театральных пьес. Являлся участником «Зеленой лампы», но современники были невысокого мнения о его творчестве. Не исключено, что в данном случае Пушкин обыгрывает общность его фамилии с другим, куда более известным и скандальным поэтом Иваном Барковым (1732–1768), автором весьма популярных в то время порнографических стихов.

А ведь мы с вами впервые наедине, сударыня (*фр.*).

Вы правы, 27 градусов (*фр.*).

Имени этой женщины Анна Петровна из деликатности не называет, но, думаю, внимательный читатель сможет догадаться о нем сам.

57

Ничего нет пошлее долготерпения и безропотности (*фр.*).

Скорее всего, это было в январе или феврале 1829 г.

59

Речь идет о тезке Анны Петровны, А. А. Олениной.

60

Алексей Демьянович Илличевский (1798–1837) был однокашником Дельвига и Пушкина и в годы учебы в Лицее считался соперником Александра Сергеевича на поэтическом поприще. Товарищи по учебе звали его «Державин». Особенно силен Илличевский был в эпиграммах, некоторые из них впоследствии приписывали Пушкину, и в рисовании шаржей и карикатур. После окончания Лицея дружил с Пушкиным и сотрудничал с ним, пытался писать стихи, но особого успеха не имел.

61

Намек на горчичную фабрику, которой владел отец Анны Петровны.

62

Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844) – русский государственный деятель, военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и главный начальник так называемого III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, занимавшегося раскрытием заговоров и политических преступлений и боровшегося с вольнодумством и инакомыслием.

63

Зачем вы на меня нападаете, ведь я такая безобидная! (*фр*.)

64

Как это верно сказано: действительно, такая безобидная! (*фр*.)

65

То ли дело ваша кузина, вот тут есть с кем ссориться! (*фр.*)

Почему Вы в таком дурном настроении? (*фр.*)

67

Я не люблю, чтобы другие ели с моей тарелки (*фр.*).

Что касается долгов, то, спасаясь от безденежья, Анна Петровна действительно периодически брала разные суммы у знакомых и у поклонников. Однако вряд ли эти долги могли разорить генерала – ссужавшие его супругу деньгами кредиторы знали о ее ситуации и хоть и сердились на Анну Петровну, но особенно и не надеялись получить деньги обратно.

69

Той самой Феодосии Полторацкой, которой в 1820 г. Анна адресовала свой «Дневник для отдохновения».

70

Елизавета Васильевна Маркова-Виноградская, в замужестве Бакунина (1827(?)–1853), сестра Александра.

71

Сергей Алексеевич Долгоруков (1809–1891) – русский дипломат и государственный деятель.

72

Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866) – видный государственный, общественный и военный деятель, герой войны 1812 года, в которой участвовал в 16 лет и был ранен. Примыкал к декабристам, после восстания на Сенатской площади был арестован, полгода просидел в Петропавловской крепости, вышел оттуда с так называемым оправдательным аттестатом и с тех пор преданно служил властям. После подавления очередного Польского восстания в 1865 г. был назначен губернатором нескольких крупных областей на той территории, после чего добавил к своей фамилии вторую часть и стал Муравьевым-Виленским. Бытует мнение, что сделано это было как демонстрация отделения себя от другой ветви рода Муравьевых (именно Михаилу Николаевичу приписывается фраза: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают; я из тех, которые вешают»).

73

Осип Андреевич Правдин (Оскар Августович Трейлебен) (1849–1921).

Дважды (*фр.*).

На самом деле эта сумма была во много раз меньше: всего лишь 300 рублей в год. Очевидно, гордость не позволила Александру Васильевичу признаться в том, насколько они нуждаются.

Т. е. фальшивит.

Переигрывая, паясничая.

Дату смерти мемуарист не указал, но, по мнению исследователей, самоубийство произошло вскоре после кончины родителей Александра Александровича.